

Анастасия Топ

КОВЕН
ТЫСЯЧИ КОСТЕЙ

18+

ЗЛО — БЕСКОНЕЧНО, КОВЕН — ЕДИН!

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Анастасия Гор

Ковен тысячи костей

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гор А.

Ковен тысячи костей / А. Гор — «Эксмо», 2022 — (Young Adult. Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-165348-4

«Все кончено», — думала Одри. Казалось, она победила всех врагов и наконец-то стала истинной Верховной ведьмой. Больше она ничего не боится, ведь рядом с ней Ковен — ее семья. Теперь Одри придется узнать, каково это — нести бремя правления и защищать свою территорию. Ведь в Вермонте продолжают пропадать дети. И никто, кроме нее и Коула Гастингса, не в силах остановить таинственного убийцу. Новый Орлеан, ковен Санта Муэрте, мир мертвых — где еще им придется побывать ради этого? А между тем в Ордене охотников, что поколениями истребляет ведьм, ходит легенда, будто убьешь Эхойдун — уничтожишь магию. Завершающая долгожданная часть трилогии «Ковен озера Шамплейн». Ведьмовская атмосфера, приключения любимых героев, детективная линия — все это «Ковен тысячи костей». Трилогия оценена книжным сообществом: «Заключительная часть истории Одри Дефо и Коула Гастингса пощекочет вам нервишки! Путешествие в мир мёртвых, охотники на ведьм, мексиканский ковен, страшные и кровавые преступления... Вас ждёт встреча с истинным злом. Все ли выберутся из паутины смертоносного Паука?» — Саша @Alex_booklover

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165348-4

© Гор А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	7
I. Покой нам снился	9
II. Железная дева	32
III. Сад Прозерпины	49
IV. Туда, куда нельзя живым	66
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Анастасия Гор Ковен тысячи костей

Пролог

Он любил это место всем сердцем. Толстые стены из серого гранита, не пропускающие ни тепла, ни чужаков. Ты будто оказывался внутри древнего склепа – безмолвная обветшалая крепость, хранящая многовековые традиции. Здесь столетиями обитали те, кого он считал родней – не по крови, но по духу. Прошло много лет, прежде чем он смог осознать это и обрести тут свой дом. Быть может, однажды это случится и с теми, о ком он заставил себя забыть...

Джефферсон тряхнул головой и снова сосредоточился на том, что видел сквозь прутья решетки, делая несколько быстрых пометок карандашом. Ах, если бы он только умел рисовать! Костлявые лодыжки, оплетенные цепями. Оливковая кожа в гноящихся порезах и копна черных жестких волос, похожих на тугие пружинки. Неподвижное лицо, почти умиротворенное. Глаза ведьмы были закрыты, словно она спала полусидя, невзирая на боль от бесконечных пыток. Джефферсон мог поклясться, что при первой встрече они были желтыми с малахитовыми прожилками, как у кошки, и с лентовидными зрачками, как у ящерицы. Такие красивые глаза – яркий признак того, что у их обладателя нет души.

Немного подумав, он вычеркнул последнее предложение и захлопнул дневник.

– Дарий, достаточно!

Молодой мужчина – гораздо моложе, чем ему полагалось бы быть для таких занятий, – послушно отложил раскаленные щипцы и вытер полотенцем лицо, блестящее в багрянце чужой крови.

Джефферсон дернул шеколду, выпуская его из камеры, и снова взглянул на дневник.

Добротный кожаный переплет. Инициалы – «Д» и «Г». В отражении крупной металлической бляшки в форме львиной пасти можно было разглядеть лишь нахмуренные брови и несколько шрамов, пересекающих их. И то и другое – подарок отца. «Пишите свою историю кровью ворожей, ибо она есть самые вечные чернила, которые не сотрет время», – сказал он накануне инициации, протягивая двум братьям кожаные дневники – такие же одинаковые, какими когда-то были и они сами. Когда-то очень-очень давно...

Долгое время дневник Джефферсона оставался пустым, но теперь в нем хранилось больше восьмидесяти историй – восемьдесят ведьм, которых он убил за свою жизнь. И убьет не меньше уже в ближайшем будущем.

– Ты слышал? – спросил Дарий, подпрыгивая на месте от возбуждения.

– Да, слышал, я не глухой.

Джефферсон подобрал со стола меч и задумчиво взвесил его в руке. Палисандровая рукоять, сверкающее лезвие из дамаска, плоский дол. То было оружие воина. Навагон лежал в ладони так, словно был отлит специально под нее – продолжение его тела, разящее насмерть.

Продев клинок за пояс, Джефферсон закружил по коридору, давая себе время на размышления. Таких коридоров здесь было целое множество: одинаковые и переплетенные, как змеи, они могли даже Инквизитора заставить блуждать до утра. Возводимый камень за камнем на протяжении многих столетий, каждый подземный замок Ордена был бездонен, как глотка Харибды, и надежно укрыт, как рифы на дне океана. Даже бездомные проныры, снующие по канализациям, не подозревали, что ходят по костям тех, кому обязаны жизнью.

Однако охотников становилось все меньше, а вокруг – все тише. С каждым годом убежища рушились, друзья умирали, а надежда, что разрозненные осколки Ордена соберутся воедино, таяла на глазах. «Ну и кто теперь вымирающий вид?» – слышал Джефферсон от ведьм, решивших съехидничать напоследок. «По-прежнему вы», – отвечал он, хоть это уже и не было правдой, а затем доставал меч и сносил вопящие головы.

– Имя! Она назвала имя! – воскликнул Дарий спустя минуту, не выдержав его молчания. – Мари Лаво...

– Королева Вуду? – насмешливо уточнил Джефф, замедлив шаг, пока вконец не остановился. – И что? Это определенно не имя Лепестка.

– Да, но...

– А нас интересует только Лепесток.

– Вдруг ведьма говорила о себе? Вдруг это ее зовут Мари? – не уgomонялся тот, косясь на дверь, и Джефферсон устало замычал. Бесстрашию Дария позавидовали бы даже берсерки, но легенды о ведьме с угольной кожей и таким же угольным сердцем, что когда-то гуляли по всей Луизиане, сидели в головах охотников с детства. – Если у нас в камере действительно Королева Вуду, то нам...

– Не носи чушь! Эта ведьма просто в бреду, – фыркнул Джефферсон. – Лаво сгинула еще в прошлом веке! Лучше вспомни, что эта девчонка еще говорила? До того, как я пришел. Должна же она была сказать нам хоть что-нибудь дельное за три чертовых месяца!

– Ну... Утром она ругалась на латыни, – пожал плечами Дарий. – Бормотала что-то бессвязное про Шамплейн и бабу с щупальцами из озера, про говорящих котов и череп с кокаином. Если это все-таки не Лаво... Должно быть, Рафаэль подкинул нам чокнутую.

Джефферсон привалился спиной к колонне и устало помассировал лоб, ноющий от очередной бессонной ночи, которую он провел в погоне за призраками.

– Возможно, – признал он неохотно. – Колдунам никогда нельзя верить, но Рафаэлю надо отдать должное: без него мы бы не нашли и половины тех, кто... – Джефф вдруг осекся, и рука соскользнула с рукояти навахона, неаккуратно очертив пальцами дол Шивы. По полу забарабанила кровь, но он даже не заметил этого. – Подожди... Ведьма сказала «Шамплейн»?

Дарий кивнул, и Джефф тут же поспешил к карте, кропотливо составляемой им в ходе долгих скитаний. Смахнув со стола охотничье снаряжение, он разложил иссохший пергамент и прочертил собственной кровью маршрут от Шривпорта до маленького, но чертовски знакомого городка.

– Но там Лепестку негде укрыться, – покачал головой Дарий, заглянув наставнику через плечо. Окруженный лесами и Зелеными холмами, Берлингтон удостоился лишь точечной кляксы и шрифта размером с тот, которым в контрактах пишут самые неприятные условия сделки. – В Вермонте нет ковенов...

– Сейчас нет, но раньше был. Ты слишком юн, чтобы помнить, – прошептал Джефф, судорожно роясь в памяти и рассказах брата, обрывки которых зазвенели в ушах. – Раньше, очень давно, озеро сторожил древний ковен родом из Франции... Ныне вымерший ковен. Жаль, что не нашими стараниями, но до сих пор ли он мертв? Хм... Нужно проверить.

Дарий скривился от мысли о новом путешествии в тесном фургоне, прожженном сигаретами, но возникать не стал, уже подбирая со стеллажа свой лук. Ни одно его слово все равно не имело для Джеффа реального веса: если тот что-то решил, то уже не передумает.

Земля, что отняла у него единственную опору в жизни. Воды, что породили ворох проблем для его семьи. Воздух, пропитанный кленовым сиропом и гнилыми яблоками, который он не вдыхал с похорон своего старшего брата. Проклятый Шамплейн! Нет, это не может быть совпадением. Рафаэль обещал, что колдунья выведет их на след Лепестка, и он не соврал.

Джефф смахнул в рюкзак вещи вместе с картой. Улыбка растянулась на его губах – оскал, обещающий кровь, ведьмины потроха и веселье.

– Если Эхойдун там... – произнес Джефферсон, не заметив, как открылись желтые глаза по ту сторону тюремной решетки. – Если легенды о царице ведьм правдивы... Мы убьем ее и положим конец существованию магии. Наша охота скоро закончится, Дарий, и Орден исполнит своё предназначение.

І. Покой нам снился

Зима была моим любимым временем года. Свет, задушенный угрюмыми серыми тучами, полностью затухал уже к пяти часам вечера. Короткий день и долгая ночь – природа умирала мучительно, чтобы вскоре вновь возродиться. Однако в такой смерти таилась своеобразная прелесть: промерзлая земля побелела от снега, и Зеленые горы напоминали спины гигантских полярных медведей, погруженных в сон. Леса тоже прихорошились под тонким слоем инея: он сверкал на верхушках кленов, напоминая йольские украшения из горного хрусталя, которыми ведьмы традиционно украшали деревья накануне зимнего солнцестояния. С первого дня декабря повсюду пахло праздником: дома – какао со взбитыми сливками, цукатами и ромовым кексом, а в лесу – душистыми еловыми ветками и бузиной.

Вместо того чтобы прятаться от холода, как другие маленькие городишки, Берлингтон оживал, раскрывая объятия туристам: ярмарочные лавки с деревянными побрякушками за считанные минуты выворачивали их кошельки, а под навесом, спасающим от снегопада, готовили вкуснейшие вафли с беконом. В это время озеро Шамплейн напоминало зеркало – безупречно гладкое и расписанное терпким, как ментол, морозом. Каждое утро берег осаждали рыбаки, а по кромке на санях катались дети. Середина озера же всегда оставалась подвижной, точно жидкий центр у шоколадного фондана: Шамплейн, глубокий и преисполненный магии, никогда не замерзал целиком.

Поистине прекрасная зима – самая спокойная и счастливая из всех прожитых мною зим. Однако, будучи Верховной ведьмой, я не могла насладиться ею в полной мере. Особенно сейчас, когда болталась над землей вверх тормашками и отбивалась от плотоядных фэйри Неблагого двора, пытающихся урвать кусок от моей плоти.

– *Gu skin iad*, – прошептала одна из них у меня над ухом, что дословно означало: «Снимите с них кожу, пока еще не остыли».

Мир кружился перед глазами, как кружилась и я, раскачиваясь на ветке орешника, связанная по рукам и ногам. Мягкие, но тугие веревки были сплетены из сырого мха. Они обвивали все тело, пережимая рот и горло так, что в груди пекло от нехватки воздуха. Постоянная качка заставляла желудок кувыркаться, и я постаралась сосредоточить взгляд хоть на чем-нибудь неподвижном, чтобы не потерять сознание.

В небе кричала полумертвая пещерная сова, а в нескольких метрах от нас простаивал накрытый стол. Сервировка из латунной посуды, скатерть из падуба, местные лакомства из зимних ягод и соленых грибов. Все выглядело так аппетитно, что во рту копилось слюна, но откуси хоть кусочек – подавишься желчной пеной от яда. Зато в деревянных кубках, увитых коваными виноградными лозами, плескался вполне съедобный пряный нектар. Темно-красный, как выдержанное вино, но мерцающий, как разлитое северное сияние. На вкус – мед и арахисовое масло! В нектаре фэйри можно было увидеть отражение своих грез и самых сокровенных желаний, а одним глотком разом утолить и голод, и жажду. Дальше дело оставалось за малым: дурман быстро вытеснял все заботы и мысли, делал тебя пьяным, послушным и глупым. Одна капля на язык – и ты уже никуда не хотел уходить. А фэйри тем временем подливали тебе еще и еще... Но руководствовались вовсе не гостеприимством, нет, а голодом: как иначе усмирить добычу и заставить не дергаться, пока будешь разделять ее по частям? Именно поэтому железное правило мира фэйри гласило: «Никогда ничего не ешь на их пиру!»

Но если Диего и следовал каким-либо правилам, то все они сводились к «Умри молодым, зато красивым!».

– Эй, малышня! Давайте это обсудим, – улыбнулся Диего, неуместно довольный, как сытый кот, пусть и болтался на соседней со мною ветке. Успев наладиться нектара с дурманом, пока я копалась в англо-гэльском словаре, он теперь не мог вспомнить ни одного закла-

тия. Лишь бормотал что-то бессвязное и наивное, мобилизуя все свое очарование, которое на фэйри, увы, не действовало. – Вы же такие душики! Не надо нас... ик... есть! Мы можем привезти вам крекеры, сосиски... Яблочный пирог Коула!

Странно было ожидать, что ведьмак, всю жизнь идущий со смертью рука об руку, будет ее бояться. Инстинкт самосохранения у Диего атрофировался еще в детстве, когда он, судя по рассказам, додумался вступить в чикагскую мафию, едва отметив свое четырнадцатилетие.

– Очень вкусный, кстати, нектар. Ик!.. Можно еще? Ик...

Фэйри его не слышали, слишком занятые тем, что вспарывали на нас одежду маленькими спицами. Мы для них – лишь конфеты в шелестящей обертке. Сами фэйри были размером с мизинец, не больше – прыткие малютки, чьи мерцающие перламутровые крылышки трепетали в воздухе со скоростью крыльев колибри. Но, несмотря на их скромные размеры и миловидные платица из цветочных лепестков, аппетит у них был волчий. Как, кстати, и челюсти: пробравшись в палатку к путнику, уснувшему от сонной пыльцы, фэйри запросто могли отгрызть ему конечности. К нашему счастью, эта пыльца не действовала на тех, в ком тлела хоть частичка магии, а потому мне почти удалось высвободить руки.

Заметив это, фэйри застрекотали и облепили меня москитным облаком. Один из них забрался мне под дубленку. Я завизжала и взвилась, когда острые зубки вонзились в нежную кожу ребер, пытаясь прогрызть себе путь внутрь моего живота.

– Довольно! – вскричала я, выплюнув изо рта травяной кляп, и запястье наконец-то выскользнуло из петли. Прихлопнув пару докучливых фэйри ладонью и поморщившись от вязкой пурпурной крови, запачкавшей рукава, я прорычала: – Видит Титания, я пыталась решить все миром. Вы сами напросились, мелкие зубастые прилипалы! *Rhyddid!*

Лианы, затрещав, наконец распутались. Диего нырнул прямо в сугроб, замычав что-то на испанском. Чудом приземлившись на ноги, я выставила перед собой руки, сжигая мерцающие крылышки суетливых и прожорливых тварей дотла. С пронзительными воплями они бросились врассыпную. Рты их, искривленные и шипящие, были перепачканы в крови, что сочилась из моей вспоротой кожи тут и там, пропитывая дубленку. Особенно ныла шея: искусанная, она вся посинела от посягательств на мою сонную артерию, но раны быстро затягивались.

– Вы сгубили девять путников! Взрастили сонные цветы на каждом шагу и превратили леса Вермонта в свои охотничьи угодья, будто они принадлежат вам. Но это не так! Вы на моей земле, фэйри, – прорычала я, с упоением наблюдая, как большинство из них, оставляя за собой след из розовой пыльцы, устремились к открывшемуся порталу. Такой же розовый и искрящийся, будто вихрь из сахарной ваты, он уносил их обратно в родные края. – Правильно, валите в свои Неблагие земли! Передайте своей королеве, что, если сунется сюда еще раз, я сделаю из ее подданных зубочистки! *Dissiliunt et adolebit...*

Оставшиеся фэйри начали лопаться, точно переспелые яблоки, и сугробы забрызгало мелкими ошметками мяса. Я раздавила ботинком чьи-то серебряные крылышки, трепыхающиеся на ветру, и те хрустнули под подошвой, как стекло. Даже не поморщившись, я мысленно заверила себя, что это не более чем жестокие насекомые, и вытерла обувь о снег, наблюдая, как он становится фиолетовым.

– Ты в порядке? – спросила я у Диего, когда портал в корнях дуба схлопнулся, навсегда отделив мир фэйри от мира людей.

– Да, вроде только задница отмерзла, – пробормотал он заплетающимся языком, неуклюже приподнимаясь на локтях с промятого сугроба.

– Это потому что ты сидишь в снегу... И не носишь трусы, – сморщилась я, вспоминая прошлое воскресенье, когда опрометчиво заглянула к Диего утром, чтобы разбудить его к завтраку. Ярый противник пижамы и нижнего белья, он даже одеялом не укрывался... Татуировка *Daddy* над пахом навсегда отпечаталась в моем сознании.

– Я только сплю без них, – разоткровенничался он, опрокидываясь обратно в снег. – А вот зимой ношу, и даже с шерстяным начесом. Холодно ведь!

Закатив глаза, я схватила Диего за руку и помогла подняться. Его куртка, распоротая фэйри, уже валялась где-то под скамьей, а шерстяной свитер висел лоскутами, изъеденный дырами, будто пережил нашествие моли. В прорезях виднелись чернильные сигилы, вытатуированные на смуглой коже, а бирюзовые волосы буквально светились неонами, чего с ним раньше никогда не случалось. Похоже, нектар действовал как колдовской энергетик. Жаль, что энергия эта пошла совсем не в то русло.

– Лучше ответь, – сказала я, глядя на Диего сверху вниз, когда он, покачнувшись, снова завалился на бок и забарахтался в снегу, – почему ты меня не послушал?! Я же десять раз повторила, что вся еда фэйри отравлена или зачарована, что ее нельзя пробовать, если мы хотим вернуться домой живыми!

– Мне было любопытно, – пробурчал Диего.

– Любопытно умереть?!

– Любопытно узнать, какова на вкус их пища. Боже, я в жизни лучше браги не пил!

– Это был нектар, – поправила я и высыпала на лицо Диего ворох снега, набранного в ладони, чтобы поскорее привести его в чувства.

Поперхнувшись и с трудом разлепив склеившиеся ресницы, он наконец-то протрезвел и снова поднялся, опираясь о перевернутую кем-то из нас скамью.

– Здесь осталось еще хоть чуть-чуть? – спросил он с надеждой, рыская взглядом по столу, заставленному лесными изысками.

Пестрый от изобилия, с нагромождением деревянных подносов и неестественно ярких листьев, что заменяли скатерть, этот стол навевал философские мысли. Гроздья словно только-только поспевших ягод, но заледеневшая земля вокруг. Никогда не доверяй тому, что выглядит так же хорошо, как пряничный домик из сказки про Гензель и Гретель: сладости не только детей заманивают в ловушку.

– Диего! – вспыхнула я, шлепнув того по ладони, когда он потянулся к забытому на пне бурдюку, от которого за версту веяло приторно-сладким дурманом. – Даже не вздумай тащить это пойло в особняк! Зачем ты вообще пошел со мной, если от тебя ни капли проку?!

– Ну решил, что одной тебе будет скучно, – объяснил он, набрасывая на плечи порванную куртку и неторопливо сшивая ее одними пальцами: ткань принялась срастаться на нем, как на мне срасталась израненная кожа под даром исцеления. – Да и вдруг сама королева Титания явилась бы на встречу? Тогда я бы просто обворожил ее своей улыбкой и...

– Титания – не Морган, – насмешливо напомнила я, и Диего скорчил в ответ гримасу. – Если бы она была здесь, мы бы уже лежали по частям на этом столе с печеными яблоками в зубах и задницах. Ладно... Главное, что с фэйри покончено. Надеюсь, они не посмеют сюда вернуться.

– Вернутся – им же хуже. Ты страшна в гневе, Верховная, – промурлыкал Диего, подхалимничая, чтобы вымолить у меня прощение.

Верховная... Когда же я перестану втягивать голову в плечи от этого обращения?

– Мне так не хотелось развязывать войну в первые же месяцы своего правления...

– Ты не развязываешь войну, а показываешь, что являешься хозяйкой этих земель. Кто еще их защитит, если не ты?

Я поджала обветрившиеся губы и укуталась теплее в шарф, обвязав его вокруг ноющей шеи. Подняв с земли сумку, набитую польнюю, склянками и мелкими кротовыми косточками, которые все равно негодились, я двинулась домой той же заснеженной тропой, которой мы сюда и пришли. Диего натянул на красные уши капюшон и поплелся следом.

В кустах что-то запищало, и я прищурилась, разглядев в глубине леса мерцающие облачка: пыльца кружилась в воздухе, источаемая существами, что не успели капитулировать вместе с остальными, а потому прятались теперь в зарослях можжевельника.

Озлобленный на них за ушибленную поясницу и головную боль, что пришла следом за эйфорией, Диего расстопырил пальцы в агатовых перстнях и, взглянув на фэйри сквозь прощелки между ними, шепнул что-то на латыни. Раздавшийся следом хлопок и ультразвуковой писк подсказали мне, что теперь ни одного фэйри в этих краях уж точно не осталось.

– Знаешь, если бы Зои была здесь, наши проблемы с Неблагим двором закончились бы еще на первом сожранном путнике, – вырвалось у меня, как вырывалось каждый раз, едва находился повод. Я сжала в кармане дубленки талисман гри-гри с локоном черных волос, собранных с забытой расчески: он всегда был при мне на тот случай, если Зои наконец-то откликнется и выйдет на связь. Но такого не происходило, и вот уже несколько месяцев кукла из ее локонов и пряжи оставалась просто куклой.

– Да, но Зои здесь нет, и ты со всем прекрасно справляешься сама, – похвалил меня Диего, подкармливая Баби тыквенными семечками – тот вдруг спикировал ему на плечо, сопровождая нас от самого особняка. – Зои ясно дала понять в письме, что уже не вернется. Этого и следовало ожидать: ковен Вуду – ее родной дом. Мы можем только порадоваться за нее: она наконец-то вышвырнула этого лицемерного засранца Рафаэля и стала Верховной ведьмой! А почерк в письме точно принадлежит Зои, – добавил Диего, когда я уже открыла рот, чтобы выразить очередные сомнения, никак не покидающие меня. – Я сравнивал, Одри. Как еще донести до тебя, что Зои просто... ушла?

– Вот именно! *Ушла*, – вспыхнула я, сердясь: не то на нее, не то на Диего за то, что посмел произнести вслух то, что я не решалась произносить даже в мыслях. – Считай, что бросила. Почему она не сказала об этом раньше, еще летом? Или почему не захотела увидеться? Существует масса заклятий для этого, даже не нужно приезжать лично...

– Потому что ей стыдно. Она ведь обещала привести ковен Вуду тебе на подмогу, а по итогу...

– Никто бы не стал винить ее за то, что она попросту не успела. Это так не похоже на Зои...

– Не похоже? Эта женщина нюхает кокаин из черепушки покойной *madre*!¹ Тем более ты сама говорила, что она вела себя странно перед отъездом. Так, будто не была собой, – напомнил Диего, и я прикусила язык в наказание: не надо было говорить о том, в чем сама до конца не разобралась! – Кто знает, что ей там стукнуло в голову под этим ее коксом?

– Она завязала с ним! Так что дело точно не в коксе. Вдруг это Рафаэль заставил ее написать, что все в порядке? Вдруг на самом деле Зои в беде?

– Тогда бы она позвала на помощь, – резонно заметил он. – Пускай ваш ковенант разорвался после того, как ты уничтожила Шамплейн в ночь Самайна, между вами по-прежнему есть связь. То, что ты не можешь ни найти ее, ни почувствовать через гри-гри, говорит лишь о том, что Зои и не хочет, чтобы ее искали. Такие же чары я использовал, когда по дурости сбежал из Санта-Муэрте...

Я замотала головой, но Диего, черт возьми, был прав: чья-то магия нейтрализовала поисковую гри-гри, пресекая любые мои попытки достучаться до Зои. Я все еще помнила то чувство, сдавливающее виски до крови из носа, когда держала в руках карту Луизианы и прощальное письмо с сургучной печатью в форме Дьявольского Языка. Это была не смерть, но пустота, как если бы никакой Зои не существовало вовсе. То же самое происходило и с вещами Сэма, к какой ни притронься: даже с той голубой ленточкой его матери, что, казалось, должна была стать лучшей путеводной нитью.

¹ *Madre (исп.)* – мать (*Здесь и далее прим. автора*).

– Хорошо. А что насчет Сэма? – озвучила я другой вопрос, бросив на Диего скептический взгляд. Хворост и снег звонко хрустели под ногами, но даже эти звуки не заглушили того, как громко он цокнул языком. – Зои написала в письме, что Сэм остался погостить у нее в Вуду, а потом Сэм позвонил Коулу и сказал то же самое. Это тебе подозрительным не кажется? Сэм – трудоголик до мозга костей, который живет лишь драками, выпивкой и работой. С чего ему-то сбегать?

– Сэм же влюблен, – упрямо продолжил гнуть свою линию Диего, глядя на меня так снисходительно, что это начинало раздражать. – А Зои та еще штучка! Небось сняла ему квартиру во французском квартале, приготовила джамбалаю, угостила «Лонг-Айлендом»... Какой мужчина устоит? Я бы точно сдался.

– Почему ты так хочешь верить во все это? – спросила я в лоб, остановившись посреди деревянного мостика, сотворенного из поваленных деревьев самой природой. Тот пролегал через подмерзший ручей, под тонкой коркой льда которого дрейфовали мелкие разноцветные рыбки. – Верить в то, что Зои и Сэм действительно просто осели в Новом Орлеане, чтобы заботиться о ковене Вуду и строить семейную жизнь. Это же так...

– Нормально, – вздохнул Диего, шевеля кончиком языка металлическое колечко, вставленное поперек губы. Новенькие титановые шарики в его брови, ушах и носу переливались, отражая сияние снега. – Это тебя смущает, да? То, что два взрослых человека решились на серьезные перемены? Одри, я понимаю и разделяю твою обиду... Но если Зои и Сэм счастливы без нас и не хотят, чтобы их тревожили, то почему за этим обязательно должно стоять что-то еще, кроме здорового эгоизма? Зои ведь дочь легендарной Королевы Вуду, а Сэм – матерый полицейский с десятилетним стажем. Все с ними будет в порядке. К тому же у тебя сейчас своих дел в Шамплейн по горло. Ты не можешь разорваться.

Я хотела пошутить, а не знает ли он, случаем, такого заклинания, но не стала: вдруг действительно знает? Диего всегда пытался приободрить меня, однако ему и без того хватало забот: маленькая ученица, животные-скелеты, призраки умерших, на которые он то и дело озирался, сверля взглядом гулкий зимний лес. Я видела там лишь тени, а он – шепчущихся мертвецов. Зои была ему товарищем по колдовству, но не значила для него так же много, как для меня: первая ведьма моего ковена. Первая опора. Лучший друг. То, что я вот так просто приняла эту ее правду, изложенную на старом пергаменте, присланном через два дня после Самайна, грызло меня изнутри. Я была слишком предвзята и не могла понять, что именно заставляет меня раз за разом отрицать очевидное – интуиция или разбитое сердце.

В безжизненном сером небе вновь захлопали совиные крылья. Несколько раз мы проходили мимо запорошенных снегом палаток, брошенных теми путниками, которыми фэйри успели попить так же, как надеялись попить сегодня нами. Заметив в снегу торчащие ботинки, но уже без ног, я утешила себя тем, что больше таких жертв Вермонт не потерпит – теперь, когда я здесь, ни одна сверхъестественная тварь не посмеет тронуть *моих людей*.

Вот только стянулось в наши края подобных тварей непостижимо много!

– Почему так долго?! – обрушилась на нас с порога Тюльпана.

Отлепляя от джинсов комки снега и сухие репейники, я стащила с головы вязаную шапку и облегченно вздохнула, оказавшись в тепле. От морозов Вермонта, ударивших неожиданно-негаданно до феноменальных минус пятнадцати, не спасали даже согревающие чары.

– Нас пытались съесть, – объяснилась я, на что Тюльпана негодуя топнула ногой и даже не соизволила уточнить, целы ли мы.

В черной шелковой майке, которая больше подошла бы для спальни, и обтягивающих лосинах, подчеркивающих ее узкую талию и округлые бедра, Тюльпана смотрелась так, будто собиралась танцевать стрип, а не занималась бюрократическими вопросами ковена. Развернув в руках ежедневник, она пролистала несколько страниц и показала мне разворот. Нарощенный

ноготь демонстративно ткнулся в пометку размером с целую страницу, сделанную кровавыми чернилами.

– Оборотень, – сообщила она то, что я и так успела прочесть, сощурившись. – Еще один. В Саут-Хиро. Жертв пока нет, но шорох он навел знатный! Выломал бойлерную печь на птицефабрике и перепугал бедных фермеров. Нужно объяснить ему: или он ведет себя прилично, или убирается с нашей территории! Ты должна была поехать туда сегодня, помнишь? А вечером у тебя по расписанию встреча с неприкаянной, которая повадилась дурить жителей Уиллсборо – она наводит на них порчу, а потом сама же ее и снимает. Ишь, чего удумала! Это я изобрела этот трюк, – фыркнула Тюльпана и, поправив изумрудную фибулу в платиновых волосах, вдумчиво пролистала еще пару страниц. – Кстати, тебе давно пора разобраться со стаей демонов-эмпуз, ну тех, которых смертные зовут этим модным словечком «вампиры». Они снова опустошили запас крови в Берлингтонской больнице! Так что мы должны...

Чем больше я слушала, тем меньше я слышала. Диего, предвидя, что это затянется надолго, проскользнул мимо и уже развалился на диване перед камином в гостиной, выскребая из спутанных волос мелкий хворост. Баби помогал ему, впорхнув следом с улицы и подмигнув мне единственным целым глазом. Из его раскуроченной обескровленной грудины торчали тыквенные семечки.

– Одри, ты еще здесь?

Я вяло кивнула, расшнуровывая ботинки. Тело жутко ныло после двухчасовой прогулки по лесу и борьбы с неподатливыми лианами. Все, о чем я могла думать, – это о запахе глинтвейна, варящегося на кухне, и горячей ванне с эвкалиптом, что снимет не только напряжение в мышцах, но и стресс. Однако Тюльпану не беспокоило ни мое физическое, ни моральное состояние: даже не замечая, как я пытаюсь улизнуть наверх, чтобы спрятаться от этих вездесущих ковенских дел, она все тараторила и тараторила.

– Стоп! – наконец-то прервала Тюльпану я, когда почувствовала, как дергается правое веко. – Слушай, я только что расправилась с отрядом прожорливых фэйри, которые пытались освежевать нас на ужин. Дай мне отдохнуть, женщина!

– Ты Верховная ведьма, – сказала она то, что без устали твердили мне все вокруг. – У Верховной не бывает отдыха. Ты не следила за территорией Шамплейн без малого шесть лет! Разумеется, она обросла всякой грязью и нечистью. Повезло еще, что Джулиан напугал до полусмерти весь колдовской мир своей выходкой с геноцидом и сюда не сунулся качать права какой-нибудь другой ковен. Или, упаси Бог, эти чумазые неприкаянные! Они хуже цыган, когда речь заходит о дележке. Без обид, – пробормотала Тюльпана, бросив колкий взгляд на Диего. Тот лишь пожал плечами и ткнул пальцем в свою щеку, испачканную смолой: действительно чумазый. – Ты должна следить за Шамплейн, Одри, понимаешь? И глаз с него не спускать! Это как большой непоседливый ребенок, который вечно тянет в рот собачьи какашки. Твоя мать обозначила довольно большую территорию – все берега Шамплейн вплоть до границы с Нью-Йорком! Все это – наша зона ответственности. Вдобавок мы ведь должны на что-то жить. – Тюльпана обвела ручкой из павлиньего пера дорогое убранство комнаты, не забыв заострить внимание на стеллаже, что умещал в себе целый погреб изысканного вина. – Надо запросить налоги с того оборотня из Саут-Хиро и ведьмы из Уиллсборо. Согласны платить – пусть живут, но по правилам! Иначе мы не продержимся. Джулиан распродал всю недвижимость Виктории за те годы, что ты была в бегах. Да, мне удалось вернуть и переписать на твою фамилию пекарню и парочку магазинчиков в Берлингтоне, но их дохода не хватит на все те побрякушки с городских распродаж, которыми ты еженедельно забиваешь шкаф. У нас, конечно, еще осталось несколько драгоценностей твоей матери, но что-то мне подсказывает, ты захочешь приберечь их для противного кареглазого потомства, а не закладывать в ломбард...

– Поняла-поняла, – сдалась я, падая в кресло и тряся головой, чтобы прогнать несвоевременные мысли о «потомстве» прочь. – Забота о территории – наше пропитание. Жаль, с фэйри ничего поиметь не вышло. Впрочем, не думаю, что у них были при себе доллары.

– Когда твой ковен пополнится, станет легче, – попыталась подсластить пилюлю Тюльпана, задумчиво стуча кончиком пера по исписанным страницам. – Как правило, ведьмы рассредоточиваются по территории: кто-то ведет семейный бизнес, кто-то приструнивает новичков. Этим и занимался твой отец, Валентин Эбигнейл, пока Верховная сидела дома с детьми, но... Сейчас мы такое, как ты понимаешь, позволить себе не можешь.

– Хорошо, мой колдовской секретарь, – натянуто улыбнулась я, не поняв до конца, польстило Тюльпане мое обращение или же наоборот: она одинаково кривилась как от радости, чтобы не выдавать себя, так и от злости. Эти две ее эмоции было слишком легко спутать. – Я разберусь со всем, что есть в твоём дневнике, и буду следовать твоему расписанию всю оставшуюся жизнь... Но не сегодня.

– Что?! – Тюльпана вспыхнула, и цепочки-каффы в ее ушах звякнули от поднявшегося ветра, которому в доме неоткуда было взяться. Он почти затушил огонь, у которого грелся Диего, и тот схватился за кочергу, изо всех сил поддерживая в искрящихся поленьях жизнь. – Ты вообще меня слушала?! Времени не...

– Я обещала Коулу съездить с ним, – перебила я, и Тюльпана мгновенно притихла. – Где он, кстати?

Она замялась и прижала к груди дневник – жест робости, который увидеть от нее доводится так же редко, как и улыбку.

– Уехал.

– Что значит «уехал»? Он обещал подождать!

– Я сказала ему то же самое, но в ответ он пробормотал что-то про изменчивый рабочий график и то, что не сможет отвезти тебя потом обратно...

– Короче, отмазывался, как мог, – поняла я, тяжело вздохнув.

– Хм, да. – Тюльпана кивнула и ехидно сощурилась: – Что, неприятности в раю?

Тюльпана не была бы Тюльпаной, если бы оставила такой веский повод для глумления без внимания. Не желая выслушать порцию светских острот, я мигом взбодрилась и вскочила с кресла: на отдых у меня действительно не было времени. По крайней мере сейчас, когда Коул нуждался во мне больше, чем весь Вермонт, вместе взятый. Даже если он сам до конца не осознавал этого.

– Как давно, говоришь, Коул уехал?... Диего, выводи из стойла своего железного скакуна! Сегодня ты мой рыцарь в сияющих доспехах.

Диего, нарочито повернувшийся к нам спиной и копошавшийся у камина в складках своей куртки, вздрогнул от неожиданности. Из-за его пазухи выскользнуло что-то увесистое и тяжелое, забрызгав несколькими янтарными каплями край арабского ковра. В воздухе повис аромат еловых шишек, земляники и дурмана, что придавал нектару медово-ореховый вкус, но напрочь лишал испивших его силы воли. Заметив, куда я смотрю, оскалившись, Диего побледнел и попытался спрятать бурдюк с украденным нектаром фэйри обратно под одежду.

– Я так и знала, что ты его стащил! – прошипела я, но, быстро найдя выгоду и в этом, хитро сверкнула глазами: – Если не хочешь расстаться с нектаром и жизнью, то сейчас же отвезешь меня к Коулу.

– И все? – робко уточнил он.

– Разрешаю пить нектар только в своей комнате. Предварительно запершись на замок, чтобы не бегать по дому голым! Понял?

Диего облегченно выдохнул и выложил бурдюк на диван, видимо, тем самым согласившись с условиями нашей сделки. Натянув на лицо свою фирменную улыбку, от которой Морган, как правило, начинала заикаться и путать слова местами, он подскочил и застегнул куртку.

– Желание Верховной – закон. Пошел заводить мотоцикл!

Я одобрительно улыбнулась ему вслед, мысленно перебирая в голове план действий: перехватить по дороге что-нибудь съедобное, чтобы заглушить урчание в желудке, переодеться в сухую одежду и вычесать из волос еловые иголки. Надеюсь, что мне хватит на все про все десяти минут и Диего не зря бахвалится своей скоростью, я распахнула одну из дверей, которых в гостиной было целых шесть.

– Это туалет, – озвучила Тюльпана то, что я и так уже увидела.

– А, да, точно.

Я нахмурилась, вспоминая дорогу из гостиной до кухни, и открыла соседнюю дверь, но это оказался шкаф. Издав многострадальный стон, Тюльпана ткнула пальцем в увитую арку, откуда тянулся длинный коридор. Вспомнив, что теперь кухня находится там, где раньше была вульгарная золотая зала, я помчалась на запах глинтвейна.

Дом все еще складывался в моей голове, как пазл, и я с трудом ориентировалась здесь, порой плутая по часу в поисках собственной комнаты. Собранный из разбитых и расколотых камней, что хранили многовековую историю, особняк вновь ожил, но был уже не тем, что прежде. Мы все изменились – точно так же изменился и дом нам под стать. Ведь чтобы стать чем-то новым, нужно быть разрушенным до основания.

Удивительно уютный и такой же большой, как раньше, он отражал всех, кто собирал его по частям, стоя на холме вокруг руин в разгар осени и в центре созидательного ритуала. Наша магия – множество ручьев, объединенных в одну буйную реку, – сплела новое гнездо. Из осколков воспоминаний, из старых вещей и антикварной мебели, но с совершенно иным расположением комнат и своей уникальной красотой. Никакого пошлого золота, лепнины под потолком, помпезных колонн и геральдики. Теперь дом напоминал скорее загородную усадьбу, нежели королевский дворец: больше света, кремовых полутонов, темного дерева и узоров в стиле прованса. Меньше фамильных портретов, глядящих на перемены с укором, и меньше напоминаний о прошлом. Даже лестница изменилась: теперь она раздваивалась, как змеиный язык, и закруглялась под крышей, образуя балкон, похожий на театральный партер.

Восемь комнат на втором этаже и столько же на третьем, не считая множества ванн, одну большую купальню и тренировочный зал, в котором Диего и Коул порой спарринговали так, что весь дом ходил ходуном. Чердак был стерт с лица особняка вместе с кабинетом Виктории; все, что осталось, – это несколько проклятых реликвий и древние украшения, заговоренную шкапулку с которыми не смог бы уничтожить даже смерч. Для практики и обучения мне вполне хватало собственной спальни: маленький деревянный алтарь в углу, шкафчик для магических прибулд, свечная полка и несколько ритуальных покрывал (одно для гоетии, второе для туергии, третье для викканства). Коул не возражал, лишь чихал от благовоний мирры и спешил открыть форточку, чтобы не задохнуться.

Всосав стаканчик ягодного глинтвейна, я тайком угостила им и Бакса. Все еще костлявый и с дырой в груди, прямо как Баби, пес источал кислый смрад разложения, который нельзя было перебить даже специальным шампунем и елочками-ароматизаторами, болтающимися на его ошейнике. Зато провожатым он был прекрасным: отыскав при помощи Бакса спальню, я быстро переделась в чистые штаны и коричневый свитер Коула с настолько длинными рукавами, что ими ненароком можно было задушиться. Время поджимало, но я, конечно, задержалась: пальцы прошли по шершавому пергаменту письма, лежащего на комодe перед зеркалом. Вместе с моим невыспавшимся лицом оно отражало разбитую сургучную печать и те слова, что резали меня без ножа.

Дорогая Одри!

Я подвела тебя. Я обещала, что в час великой нужды мой ковен будет на твоей стороне, но опоздала. Пришлось бороться, долго и усердно, ведь Рафаэль слишком прикипел к своему

незаслуженному трону. Я несколько дней валялась с лихорадкой от его проклятия, а когда оправилась и выставила его из Нового Орлеана, уже наступило второе ноября.

Мне стыдно, но я горжусь тем, что ты больше не маленькая Верховная – тебе хватило сил одержать победу над Ферн и без меня. Да, Сэм звонил Коулу, и тот все рассказал. Кстати, не переживай за него: он в порядке и, когда будет готов, вернется в Берлингтон. Ты правда заслуживаешь этого – долгожданного покоя. Пусть он будет долгим, как ваша с Коулом любовь и процветание Шамплейн.

Как ты уже поняла, это письмо – прощание, Одри. Я больше не нужна тебе, и это вселяет в меня надежду, что мы обе сможем начать жизнь с чистого листа. Помни, я всегда на твоей стороне. Если Шамплейн потребуется помощь – пиши. Я навеки твоя должница.

С любовью, Зои Лаво

– Бред какой-то, – фыркнула я в тысячный раз и, открыв ящичек с обувными щетками, швырнула письмо в его самый темный и замшелый угол, где ему было самое место.

Штрудель лениво наблюдал за мной с подоконника. Настоящий ветеран колдовской войны, вместо медали он получил дюжину мешков с кошачьим кормом, а потому стал еще толще и неповоротливее. Я успела дважды потрепать его за ухом, избежав клацающей челюсти, прежде чем сбежала по лестнице вниз. На улице уже всюду рычал мотор отполированного черного Kawasaki.

– Только учти: я не Коул. По сравнению со мной он водит, как бабушка Карлитта, – поддразнил меня Диего, надеясь напугать, но на деле же интригуя еще больше. – Да я уже и сам тороплюсь. Обещал навестить Морган... А сейчас в Мохаве почти вечер. Если не успею к ужину, она меня проклянет!

Прислонившись к кожаному сиденью гоночного мотоцикла, припаркованного на подъездной дорожке, Диего закатал рукав куртки и взглянул на часы. Рядом с циферблатом я заметила кое-что еще, поблескивающее: маленькая серебряная змейка висела браслетом до самого локтя. В ее длинном стеклянном брюхе, куда была вставлена колба, шуршал песок пустыни, а в глазах-опалах пульсировала энергия – змейка могла перенести в любую точку мира кого угодно. Даже колдуна без дара психокинеза и способности к телепортации. Жаль, что эта энергия быстро расходовалась. Потому Диего берег ее как зеницу ока, используя подарок Завтра лишь для того, чтобы навещать свою маленькую ученицу.

– Успеешь, – пообещала я, соскочив с крыльца и зависнув над Kawasaki: на нем было столько рычажков, стрелок и панелей, что в каждый прибор хотелось потыкать пальцем. – Ты и так в Завтра проводишь больше времени, чем в Шамплейн. Иногда мне кажется, что ты тайно принес им ковенант.

– Иногда мне и самому так кажется, – ответил Диего с мрачной ухмылкой, перекидывая ногу через сиденье и хлопая по узкому местечку за своей спиной, куда я могла примоститься. – Поскорее бы Морган закончила свое обучение и вернулась! Мне не внушает доверия ни Шайя, ни Ворожея, ни уж тем более Луна с этим ее хлыстом Индианы Джонса. Следующие месяцы я сам буду ее обучать. Пошли эти пустынные ведьмы к черту!

С тех пор как Морган приняла предложение Ворожеи оттачивать свое мастерство Эхоидун в пустыни Мохаве, Диего буквально разрывался пополам: одну неделю проводил в Шамплейн, а другую – в Завтра. Уверенный в том, что Ворожея просто хочет использовать Морган в своих интересах, Диего долго не соглашался на ее переезд. Чашу весов неожиданно склонила на свою сторону Шайя – третья Верховная ведьма Завтра, которой в этом году должно было стукнуть триста пятьдесят семь лет. Рекорд даже среди ведьм-долгожителей! А Диего бы никогда не простил себе, упустит Морган возможность набраться у такой мудрой колдуньи опыта, пока та еще жива. Пришлось доходчиво объяснить ему это, а Ворожею заставить поклясться, что Морган сможет вернуться домой в любой момент, как только соскучится по нам или по

урокам нудной тригонометрии в старшей школе. Таков был уговор. И, надо признать, не самый плохой из тех, что мне доводилось заключать прежде.

Теперь оставалось только с трепетом переворачивать календарные листы, предвкушая двадцать второе декабря – ровно через пять дней, в утро Йоля, Морган должна вернуться домой. Праздник зимнего солнцестояния еще никогда не обещал быть таким веселым, как в этом году, ведь отмечать мы будем не только рождение бога Кернунноса, но и шестнадцатый день рождения настоящей царицы ведьм.

– Не ворчи! Ты знал, что это неизбежно. То, что случилось с Гидеоном, не давало Морган покоя. Нужно было увезти ее отсюда и занять чем-нибудь, пока она до дыр мой гримуар не протерла, – напомнила я, принимая из рук Диего мотоциклетный шлем. Клубнично-розовый и в пестрых наклейках, он явно принадлежал не ему. – К тому же рядом с Морган всегда Исаак. Он готовит преступно вкусный чай из облепихи и точно не даст ее в обиду!

– О да, Исаак – лучший защитник ковена, – саркастично буркнул Диего из-под своего шлема. – Когда он рядом, нет смысла кого-то бояться, потому что больше всех нужно бояться его.

Я вздохнула, сама не понимая, радует меня это или удручает – то, что мой отец принял решение отправиться в Мохаве вместе с Морган. Иногда я чувствовала себя всеми покинутой, но кто-то должен был присмотреть за ней... И присмотреть за ним самим. Часы с диббуком, сломанные, жили на его запястье своей жизнью, но снимать Исаак их категорически отказывался: после сражения с Ферн ему прочно втемяшилась в голову мысль приручить диббука. Лишь Морган могла держать их обоих под контролем, поэтому, пока училась она, учился и Исаак. Скучать сразу по обоим оказалось гораздо тяжелее, чем по кому-то одному.

Поборов приступ клаустрофобии и втиснув голову в душный пластик, я залезла на мотоцикл.

– Лучше думай о том, что до Йоля осталось меньше недели. Ты обещал Морган закапать вечеринку, помнишь? Это же так необычно – родиться в июльский период! А в этом году зимнее солнцестояние и ее день рождения вообще совпадают, – улыбнулась я, решив сменить тему, пока Диего убирал подножку и газовал на нейтральной передаче. – Мама считала, что ведьмы, рожденные в праздники Колеса, – особенные.

– Ты до сих пор сомневаешься в этом? – насмешливо спросил Диего и сказал что-то еще, что заглушил рев разогретого мотора.

Я поморщилась, обнимая его за пояс и прижимаясь грудью к широкой спине, облаченной в ткань стеганой куртки, выстеленной изнутри овчинным мехом. На всякий случай я сцепила пальцы замком: судя по блеску бирюзовых глаз, глянувших на меня из-под стекла шлема, Диего намеревался показать мне, что такое форсаж.

Так оно и оказалось. Я едва не слетела еще в тот момент, когда он стартовал с места, подняв в воздух фонтан из грязи и мокрого снега. Проверив одной рукой, надежно ли сидит шлем, я намертво вцепилась в куртку Диего, слыша в заложенных ушах лишь его приглушенный смех.

– Морган ты тоже так возишь?! – крикнула я громко, чтобы он точно расслышал, когда мы в третий раз подпрыгнули на кочках и чуть не улетели в кювет. Но это заветное «чуть» было гордостью Диего: то, как ловко он обращался с мотоциклом даже на гололеде, напоминало смертоносный танец навахона в руках Коула. И то и другое – результат изнурительных тренировок и врожденного мастерства.

– А я предупреждал! Ты же хочешь догнать Коула, верно? – ответил Диего. Я лишь жалобно мяукнула, уже проклиная ту минуту, когда попросила меня подвезти.

Зачарованный лес расступился, пропуская нас сквозь дебри, непроходимые для смертных и незваных гостей. Мы оказались в лоне Шамплейн – точно живой организм, он рос на пересечении лей-линий веками. Деревья были его костями, трава и земля – кожей, озеро –

кровью, а особняк – сердцем. Никому не было позволено забираться так глубоко, кроме нас – его души.

Мельком оглянувшись, я уже не увидела дом – тот остался далеко позади. Холодный ветер дул так сильно, что я кренилась с сиденья вбок, но не мерзла: адреналин растекался по венам драконьим огнем. Мы быстро пересекли заснеженный холм по дороге, проложенной джипом Коула – следы его шин были еще свежи на земле, – и тот перетек в узкую дорожку из мелкого гравия. Голые ветки то и дело хлестали меня по шлему: я пригнулась, вжавшись Диего в спину, и чувствовала, как она сотрясается в непрерывном гоготе. То справа, то слева мелькали блуждающие огоньки, подмигивая болотисто-зеленым светом и прощаясь.

Когда мотоцикл преодолел последний километр лесного лабиринта и выскочил на авто-страду Шелберна, забитую под завязку в выходной день, спидометр уже показывал сто километров в час. Стараясь не смотреть туда, чтобы лишний раз не пугаться, я отвернулась. Поток машин в сторону Берлингтона был таким плотным, что почти не оставлял пространства для маневра. И все-таки Диего умудрялся мчать вперед, не сбавляя скорости: перестраивался из ряда в ряд и лавировал между машинами, заставляя меня повизгивать, а их – сигналить от зависти и раздражения.

– Налево, – крикнула я, и Диего послушно свернул на развилке в объезд Берлингтона.

Уже через десять минут показались заросли пихтовых деревьев, а еще спустя пять – огражденная территория с высоким железным забором и шлагбаумом на въезде. В отличие от Шамплейн, здесь не пахло праздником – только выхлопы от цепочки грузовиков и лекарства, горечь которых просачивалась даже сквозь темно-зеленые стены и решетки на безжизненных окнах.

«Психиатрическая лечебница “Этан Аллен”», – гласила кованая табличка на воротах, через которые нас пропустили лишь после того, как я наложила на охрану морок, сдунув с ладони толченый чертополох. Каждый раз при виде этого четырехэтажного здания у меня тревожно сосало под ложечкой: похожая на бетонную коробку, частная и весьма дорогостоящая больница кишела людьми, с которыми вряд ли захочется столкнуться в темном переулке. Я искренне сочувствовала тем, для кого это место стало вторым домом. Но еще больше я сочувствовала тому, ради кого мы с Коулом приезжали сюда каждое воскресенье.

Синий джип уже стоял на парковке и мигал фарами. Я довольно улыбнулась, когда Диего затормозил рядом, даже раньше, чем Коул успел вытащить ключ зажигания. В окне была видна лишь его кудрявая макушка и удивление, будто выведенное мелом на вытянувшемся лице.

– Передавай отцу привет, – сказала я Диего, бросив ему розовый шлем и неуклюже сползая с мотоцикла: коленки все еще дрожали, но показывать это было выше моего достоинства. – Скажи, что я скучаю и надеюсь, что Гён не влюбилась в него. Иначе... Заранее приготовлю ему зелье от порчи.

– Лучше побереги для него баночку заживляющей мази: Исаака ведь теперь тренирует Луна. Может, такими темпами ему и впрямь удастся подчинить себе это «часовое зло»...

От «Луна» и «Исаак» в одном предложении я зябко поежилась. Безмолвно молясь, чтобы он вернулся домой со всеми конечностями, я расчесала пальцами включенные волосы и скривилась, когда Диего послал выглянувшему из джипа Коулу воздушный поцелуй. Снова рев мотора, снова брызги грязи на ботинках и ругательства рабочих, которых Диего чуть не задавил на парковке. Дождавшись, когда Kawasaki умчится за ворота и скроется в пихтовом лесу, я натянула свою самую любящую улыбку и повернулась к Коулу.

Закутанный в вязаный шарф до самого подбородка, он захлопнул дверцу джипа и сложил руки на груди, всем своим видом выражая недоумение. За эти два месяца он, казалось, постарел: пережитое проложило лапки морщин в уголках его глаз, а ореховая радужка будто потускнела. Каждую неделю я обновляла запасы успокаивающей ландышевой настойки, чтобы не наблюдать, как Коул мечется по подушке в очередном кошмаре.

– Надо же, успела! – воскликнула я с напускной радостью, когда гнетущая тишина между нами неприлично затянулась.

– Куда успела? – непонимающе спросил Коул, пока я ненавязчиво сокращала между нами дистанцию.

Долгое отсутствие солнца и мороз почти стерли с его носа веснушки, оставив лишь несколько крошек вдоль переносицы. Волосы, недавно подстриженные, топорщились на висках, а челка привычно вилась, падая на лоб. Коул сунул замерзшие пальцы в карманы длинного кашемирового пальто и нахмурился, глядя на меня с плохо скрываемым разочарованием.

– Ты обещал, что мы поедем вместе, помнишь? Но уехал один. Снова. Ты же это не специально, правда?

Я приложила титанические усилия, чтобы не прозвучать укоризненно, но не получилось: лицо Коула потемнело от вины. На мои объятия он ответил с обидным колебанием. Мороз Вермонта словно пролегал между нами и застыл, превратившись в стену из льда.

– Ах да... Тюльпана разве не сказала? Мне нужно заехать в участок после больницы, поговорить с Миллером... Я не смог бы отвезти тебя домой, поэтому и решил съездить один, – забормотал он, и я с облегчением заметила, как потеплел его взгляд, когда наши губы встретились. – А еще я думал, ты захочешь отдохнуть после фэйри. Сама говорила, какие они кусачие... И...

Второй поцелуй тоже вышел смазанным, больше приветственно-вежливым, но его хватило, чтобы Коул – мой настоящий Коул – вернулся к жизни. Каждый раз это место меняло его, подавляло, замораживая изнутри. Я прекрасно понимала, почему он так не любит брать меня с собой, но не собиралась с этим мириться.

Выпустив в воздух облако пара с запахом крепкого кофе, выпитого по дороге, Коул улыбнулся и потерся своей щекой о мою, будто делясь вспыхнувшим румянцем.

– Но я действительно не смогу отвезти тебя назад.

– Не страшно! Угоню чью-нибудь машину.

Я состроила дурашливую гримасу, пытаюсь расшевелить его, но Коул только закатил глаза и достал с заднего сиденья джипа бумажный пакет со стопкой сложенных папок, перетянутых бечевкой.

– Что это? – спросила я, на что Коул отмахнулся:

– Нужно сдать в архив несколько позаимствованных документов.

– «Позаимствованных» – это в смысле украденных?

– Да. Пару лет назад Сэм вел одно очень мутное расследование... Чтобы ускорить дело, он влез в больницу и «одолжил» кое-что, но вернуть, как всегда, забыл. Миллер чуть с инфарктом не слег, когда узнал. В каком-то смысле Сэму повезло, что он сбежал как раз тогда, когда эта его авантюра вскрылась.

«Сбежал» все еще резало слух, но иначе это действительно было сложно назвать. Поморщившись, я взяла Коула за руку и вошла вместе с ним в больницу, стараясь дышать неглубоко: от запаха пыли и хлорпромазина першило в горле. Иногда мне начинало казаться, что я составлюсь раньше, чем успею решить все проблемы, которые накопились за последние несколько месяцев.

– Так он все-таки сбежал? – осторожно спросила я, пока мы проходили пункт досмотра, позволяя двум упитанным охранникам в серых рубашках обыскать нас с головы до ног и отнять у Коула его обожаемую кобуру.

Он не больше моего разделял мнение Диего о том, что Сэм и Зои просто зажили счастливой жизнью под задорную джазовую музыку, а потому не переставал копать и искать. Только если я использовала для этого магию, то Коул – базу данных и прочие штучки полиции. Однако и то и другое было без толку. До этого дня.

– Я хотел рассказать, когда приеду домой, но... Машину Сэма нашли брошенной в Эббивилле. Это почти в двухстах милях от Нового Орлеана, – хмуро сообщил Коул сквозь писк металлоискателя, и сердце у меня пропустило несколько ударов. – Послезавтра ее должны пригнать в Берлингтон. Надеюсь, в ней найдется хоть какая-нибудь зацепка. Ты была права: думаю, письмо Зои – фальшивка. С ними обоими что-то случилось.

– Один-ноль, Диего! – фыркнула я себе под нос, когда охранник все же пропустил нас. – Так и знала, Коул, так и знала! Все, хватит с меня интриг. Скажу Тюльпане, что мы едем в Новый Орлеан. Если Зои действительно была там, Рафаэль может что-то знать... Это наверняка его рук дело!

– Что насчет вторника? Я мог бы отпроситься и...

Коул вздохнул, но не выдохнул, смолкнув на полуслове. Один вид обветшалого зеленого коридора – и Коул был неспособен думать ни о чем, кроме того, что ждет его в конце этого пути. Похожий на гигантского червя, проевшего сердцевину яблока, коридор тянулся через всю больницу, облепленный палатами. Из каждой доносились звуки: несуразное чавканье, истеричный смех, детские песенки и невнятные диалоги, которые пациенты вели в абсолютной тишине, отвечая себе разными голосами. Проходя мимо, я заглянула в узкое окошко, где женщина расхаживала от стены к стене, активно жестикулируя, будто объясняла что-то невидимому собеседнику.

«О нет! Знаю, о чем ты думаешь. Ты не такая. Они – сумасшедшие, а ты просто... особенная».

От несуществующего голоса в голове это прозвучало неубедительно. Я покосилась на Коула, но он даже ухом не повел. Очевидно, этот голос по-прежнему звучал лишь для меня одной – тихий шелест, напоминающий осень с ее опадающими листьями. Как и воспоминания о пережитом в Башне, голос не давал знать о себе с тех самых пор, как сгинула Ферн...

«И все-таки я еще здесь».

Какая радость!

Я поджала губы, пытаюсь затолкать эхо былых дней туда, откуда оно выползло, и осмотрела просторный зал, которым закончился зеленый холл. Оборудованный проигрывателем, диванами и стеллажом с настольными играми, он служил местом встречи для жителей данного заведения. Медсестры в белых халатах заботливо усаживали стариков за шахматные доски, а те, кого слишком щедро пичкали таблетками, сидели на ковре, уставившись в одну точку. Я едва поспевала за Коулом: он давно выучил расположение столиков и знал, что тот, кого мы навещаем каждое воскресенье, всегда занимает место возле высокого окна рядом с узкой скамьей. Там было достаточно светло, чтобы рисовать без лампы, и достаточно безлюдно, чтобы не пришлось ни с кем делиться любимыми мелками.

– Здравствуй, Гидеон.

Он медленно поднял голову и, смерив нас неизменно стеклянным взглядом, так же медленно опустил ее обратно. На столике лежал альбом для рисования, а на коленях – открытая пачка с разноцветной пастелью, самой дорогой и яркой, какую Коул только смог добыть в художественной лавке. Одетый в синюю льняную рубашку, оттеняющую зелень его глаз, ныне спящую, как и зелень берлингтонского леса, Гидеон снова погрузился в кропотливую живопись.

Сглотнув сухость во рту, я подошла вместе с Коулом поближе.

Ребенок в теле взрослого мужчины – таким стал Гидеон в тот день, когда Морган вернула его с того света, и таким он оставался до сих пор. Мускулистый и широкий в плечах, крупнее Коула в полтора раза, с изящными чертами лица, тонкими губами и россыпью обворожительных веснушек... Но с абсолютно неживыми глазами. Глядя на Гидеона теперь, было сложно не думать о том, чего стоит такая жизнь. Не человек, а растение: ест пищу, но не чувствует вкус; перебирает мелки, рисует, но красоты не видит; смотрит на тебя и не узнает. Невзирая на все наши надежды, что в Берлингтоне ему станет лучше, что просто требуется время, Гидеон так

и не оправился. У Коула ушел месяц на то, чтобы признать, что его брат не в порядке, и еще месяц на то, чтобы смириться с этим.

Хотя едва ли это можно было назвать смирением.

– Я привез тебе новый альбом, – улыбнулся Коул, протягивая Гидеону самую толстую папку из своей стопки, в которой, видимо, были не только документы для лечебницы. – И краски... И гуашь... Ну, если захочется разнообразия.

Но Гидеону не хотелось. Мельком взглянув на разложенные Коулом коробки, вытасканные из бумажного пакета, он проигнорировал их, взявшись за свои старые источенные мелки. Его альбом пестрел изображениями лошадей – грациозных и мощных, гнедых и вороных, скачущих через кавалетти² и пасущихся на лугу. Среди них затесались норки, оцелоты, еноты и бурые медведи. Кажется, мне даже удалось разглядеть рыжего кота на внутренней стороне обложки, когда Гидеон, листая альбом, присматривал свободное местечко для очередного шедевра. Он хранил молчание с того самого дня, как ожил, и ничего не помогало: ни заклинания, ни эликсиры, ни повторное воздействие Морган, рассыпающейся в извинениях и суетливо пытающейся все исправить. Склеить по кусочкам рассудок, разбитый вдребезги самой смертью, оказалось сложнее, чем цветочную вазу, опрокинутую с комода Баксом. Смерть разбила даже иммунитет Гидеона к магии: недавно практическим путем мы выяснили, что теперь мое колдовство способно действовать на него, урожденного охотника на ведьм. Значило ли это, что Гидеон давно и не Гидеон вовсе?..

Коул пододвинул стул и устроился напротив брата, пока я ютилась за его спиной, борясь с чувством неловкости. Нет, не так... Это было чувство отвратительного *бессилия*.

– Вчера мне звонил доктор Айзек. Сказал, что готов попробовать новую терапию... – начал Коул, перегнувшись к брату через стол.

Что-то подсказывало мне, что Коул бывает в лечебнице чаще, чем говорит мне, но выяснять, так ли это, я не решилась. Отодвинувшись к подоконнику, я постаралась замаскироваться под фикус в горшке и оставить двух братьев наедине друг с другом. Болтовня Коула доносилась до меня обрывками: пересказ будничной рутины; обещания Гидеону забрать его домой на рождественские каникулы; рассуждения о новых лекарствах и смешные истории о том, как Бакс, гоняя Штруделя по всему дому, сиганул за ним с лестницы, свернул шею и умер. Снова.

– На следующих выходных в лавку обещают завезти новую пастель. Я обязательно куплю ее для тебя...

Коул воодушевленно притоптывал, когда рассказывал, и, потянувшись к Гидеону через стол, мягко взял того за руку.

Гидеон поднял голову, глядя на него сквозь кудрявую челку, и нахмурился. Это было единственным проявлением эмоций за долгие дни: светло-зеленые глаза же остались кукольными, возможно, просто неспособные выразить то, что творилось у него в голове. Или в душе, если Морган действительно удалось вытащить ее с того света. Как бы то ни было, теперь братские узы Гидеона не впечатляли: он просто вытянул свою руку из-под ладони Коула и взялся за следующий мелок.

Коул не проронил ни слова, но лицо его предательски дрогнуло.

– Хм, а у него талант, – попыталась разрядить обстановку я, наблюдая, как Гидеон задумчиво выбирает, какой цвет лучше подчеркнет изящество рыбьих чешуек – коралловый или индиго.

– Посидишь с ним? – попросил Коул, вставая и собирая папки. От фосфорных ламп на потолке под его ресницами пролегли чернильные тени, напоминая о том, сколько ночей он маялся от бессонницы, ища ответы на те вопросы, что прежде не приходили на ум даже закоренелым ведьмам. – Мне нужно найти главного врача и вернуть ему документы... Ой, все,

² Кавалетти – небольшие препятствия для обучения лошадей прыжкам.

кроме этих. Это надо отвезти в офис. – Коул вернул одну папку обратно на стол: в углу обложки стояла еще совсем свежая печать полицейского участка Берлингтона. – Скоро вернусь.

Когда бежевое пальто с зеленым шарфом скрылось за углом, я вздохнула и поставила локти на стол, сосредоточив все свое внимание на угрюмом творце.

– Мы найдем способ помочь тебе, – прошептала я, не оставляя надежды, что где-то там, глубоко внутри, Гидеон все-таки слышит нас и надеется на то же самое. – Мы с Коулом уже выработали несколько теорий на этот счет. Помнишь, как плохо он сам контролировал свои... социальные навыки? До того, как принял охотничий зов? Я думаю, с тобой могло случиться то же самое. Ведь зов крови – это ваш первобытный инстинкт... Он мог включиться первым, вот ты и растворился в нем без остатка. Но Коул научился управлять им, так? Значит, нужно лишь понять, как вернуть и тебе нужный рычаг.

Гидеон выводил на чистом листе аквамариновые круги и выглядел совсем незаинтересованным в разговоре. Задумчиво постучав каблуком сапога по полу и смирившись с тем, что делиться своими мыслями с Гидеоном – то же самое, что делиться ими со Штруделем, я открыла оставленную Коулом папку.

Та соблазнительно поблескивала металлическим корешком и была толщиной с мою ладонь, а потому будоражила воображение тем, что же могло скрываться внутри. Я вдруг узнала пятна от кофе и крошки от сахарной пастилы, присохшие к швам: эта папка уже бывала в Шамплейн, часто дожидаясь пробуждения Коула под его подушкой. Я знала лишь то, что над этим делом он бьется уже два месяца – и все безрезультатно. Слишком зацикленный на Гидеоне и тратящий на него не только все деньги, но и все свое свободное время, Коул вечно не успевал. Но категорически отказывался принимать мою помощь и подпускать к этому расследованию... Интересно, почему?

Заглянув внутрь, я быстро поняла причину.

«Томас Райт, 8 лет. Найден в канализационном люке бригадой рабочих. Отсутствуют тазобедренные суставы, малые берцовые кости, пять ребер, надколенник...»

В горле встал ком. Я уже и забыла, каково это – иметь дело с вопиющей человеческой жестокостью. Это навевало воспоминания о кожаном блокноте, исписанном вдоль и поперек заметками о ритуальном убийце, с которого и началась наша с Коулом история. Но на этот раз блокнота было бы явно маловато...

Я пробежалась взглядом по нижним строчкам: крупный безобразный почерк, напоминающий заостренные шпильки забора, явно принадлежал Сэму, который вел это дело до своего исчезновения. Задумчиво пролистав несколько страниц так, чтобы не приглядываться к фотографиям с крошечными расчлененными телами, я прочитала одними губами:

«Ребекка Уивер, 10 лет. Реджина Голфид, 7 лет. Джейкоб Локвуд, 12 лет. Майя Силк, 8 лет. Улик не найдено».

Ни одной?..

«Он не оставляет следов. Теперь уж точно».

Что это значит?

Но голос не ответил. Я тряхнула головой и вдруг услышала шелест бумаги: стянув из конца папки один непришитый лист, Гидеон уже всю облагораживал его цветными мелками.

– Ох, твою мать! Гидеон, это же отчеты Коула! Миллер его за это...

Я уставилась на рисунок, что выходил из-под его пальцев, перемазанных пастелью. Черным заостренным брусочком он судорожно выводил длинные конечности странного существа, примостившегося в углу отчета. Постепенно они обросли крошечными ворсинками, такими натуральными, что казалось, коснешься – и действительно почувствуешь под пальцем пушистый покров. Я перегнулась через стол, пытаюсь разобрать, кому именно они принадлежат: следом за восемью лапами появились восемь глаз, крупное грушеобразное тело и клешни, тор-

чащие из разинутой пасти. Гидеон, не моргая, рисовал гигантское насекомое, заполнившее собою почти весь лист.

Нет, секунду, то было не насекомое...

– Паук? – нахмурилась я, и Гидеон поднял голову, пододвигая отчет ко мне.

Да, и впрямь паук: заштрихованный и будто скалящийся, он таил в себе угрозу. Я никогда не боялась пауков, но чувствовала страх в лихорадочных движениях Гидеона, пока он рисовал, и в том, как он сжимал грязные ладони в кулак, забывая моргать. Очертив плотный контур рисунка, я растерла черную пастель между пальцами.

– Почему ты нарисовал паука, Гидеон?

На миг мне показалось, что я вижу в его глазах давно знакомый мне упрек, но не прошло и мгновения, как они вновь утратили осмысленность. Я остановилась на том, что мне действительно просто показалось, и захлопнула папку, пока не вернулся Коул и не заметил, что Гидеон сотворил с документом.

Попрощались они до странного быстро. Вернувшись с выполненной миссией, Коул что-то прошептал брату на ухо и вздохнул его кудрявые волосы, как когда-то тот делал с ним. Нос Гидеона странно сморщился, но я уже была слишком близко к выходу, чтобы думать о чем-то, кроме долгожданного глотка свежего воздуха.

– Я убил своего брата.

Мы остановились на крыльце из серого камня перед капотом его джипа, и Коул вынул из кармана бронзовое зеркальце. Я и не заметила, как он стащил его из моих вещей, где то хранилось долгие месяцы нетронутым. Казалось, Коул даже забыл о его существовании... Но нет. То, что зеркальце вернулось к нему, не сулило ничего хорошего. Однако каждый справлялся с нервами, как мог: Диего курил ментоловые сигареты, Тюльпана проклинала официантов и ухаживала за садом, а Коул чем-то занимал беспокойные руки. Всяко лучше, чем сходить с ума внутри, будучи абсолютно спокойным внешне.

– Я убил своего брата, – повторил Коул, стиснув зеркальце до скрипа.

– Это не так... Мы ведь столького еще не попробовали! – принялась бормотать я, лишь бы не видеть, как снег тает на щеках Коула от соленых слез. – Морган первая Эхоидун за тысячу лет, но Завтра... Завтра ведь очень древний ковен! Чем, думаешь, она там занимается? Вместе они разберутся. А если нет, то разберусь я! Дар сотворения, помнишь? Я уже давно пытаюсь придумать заклинание, чтобы...

– Я убил своего брата, – повторял Коул вновь и вновь, совсем меня не слушая. Его спина сгорбилась под бежевым пальто, когда он шумно втягивал сквозь зубы морозный воздух, больно кусающий кожу даже под одеждой. – Гидеон был прав. Никто обо мне не заботился так, как это делал он. Когда родителей не стало, опеку над нами взяла бабушка... Но это Гидеон заменял мне и отца, и мать. Это он успокаивал меня в грозу, чтобы я не плакал, и защищал от старшеклассников, когда те отбирали у меня таблетки. Он был моей семьей, а я эту семью бросил.

Он позволил мне вытащить его обледеневшие руки из карманов, чтобы я могла поднести их к своим губам и поцеловать костяшки, согревая и дыханием, и словами.

– Послушай меня, Коул: мы вылечим Гидеона. Я даю тебе эту клятву как Верховная ковена Шамплейн, а такие клятвы никогда не нарушаются.

Коул выдавил вялый кивок вместе с такой же вялой улыбкой, прокладывающей на его щеке знакомую обворожительную ямочку, по которой я уже успела соскучиться. Мельком глянув на часы под рукавом пальто, Коул скривился:

– Поехали. Я уже опаздываю на доклад к Миллеру.

Мы оба запрыгнули в машину, попрощавшись с лечебницей «Этан Аллен» до следующих выходных, на которых Коул наверняка вновь попытается слинять сюда без меня. Всю дорогу до участка он лихорадочно сжимал мою ладонь в своей, управляя машиной одной рукой. Должно

быть, его снедал стыд за минутную слабость у крыльца. Меня же съедала лишь тревога: перед глазами все еще стоял список из десятка детских имен, а с кончиков пальцев не стиралась черная пастель.

* * *

– Что я могу сделать, если все глухо?! Три несчастные улики за полгода...

– Раньше тебя это не останавливало. Ты вгрызался в расследования, как пес в лакомую кость. Что с тобой произошло, Коул? Сейчас на твою статистику без слез и не взглянешь. Это все после той травмы со зрением?

– Что? Нет-нет, это тут ни при чем, я давно оправился...

– Тогда почему ты подводишь меня?

Я втянула голову в плечи и съежилась за офисным столом Коула, нервно тарабанила пальцами, пока по ту сторону кабинета спорили мужские голоса. Едва мы с Коулом приехали в участок, как его тут же вызвал к себе начальник, причем таким тоном, что мне тут же захотелось начертить на полу соляной круг и спрятаться в нем. Манфред Миллер – тучный темнокожий мужчина, редко выходящий за пределы своего кабинета и вечно ругающийся с кем-то по телефону, – сейчас нависал над Коулом грозовой тучей. Я видела их размытые силуэты сквозь матовые стекла и пыталась рассортировать залежи документов на его столе, лишь бы принести Коулу хоть какую-то пользу.

– Я прощал тебе внеплановые отгулы, увольнение и незаконное восстановление, договорился о страховых выплатах... – снова раздалось из кабинета. – У тебя были все шансы дослужиться до звания лейтенанта к тридцати годам, но такими темпами ты вообще вылетишь со службы! Еще и эта бестолочь Сэм решил свинтить к луизианской подружке, когда мы здесь с этим психом совсем зашиваемся! Вот где, скажи мне на милость, новый отчет?!

– Скоро будет. Я вчера ездил к семьям жертв, чтобы...

– Мне не нужно, чтобы ФБР снова совало нос в наш городок, но оно определенно сделает это, если ребяташки так и продолжают исчезать прямо с детских площадок! Недавно в Ратленде и Монтпилиере были зафиксированы аналогичные инциденты – несколько школьников пропали после уроков. Их так и не нашли. Если это тоже дело рук нашего убийцы... Я даю тебе две недели на то, чтобы ты предоставил мне подозреваемого, слышишь? Или в этот раз твое увольнение будет окончательным!

Коул вышел из кабинета Миллера на удивление ровным шагом и с таким же отстраненным выражением на лице, с каким туда и зашел. Однако в пальцах его сверкало бронзовое зеркальце с геометрическим узором на поцарапанной крышке: Коул никогда бы не достал его на людях, не бейся его рассудок в агонии.

– Почему ты просто не расскажешь, что случилось с Гидеоном? – робко спросила я, пересаживаясь на край рабочего стола, чтобы освободить ему стул. Коул буквально упал на него, оттягивая шарф от вспотевшей шеи: впопыхах он даже забыл раздеться. – Ну не о том, что он умер, а потом воскрес, конечно... Можно было бы ограничиться словами «у меня семейные проблемы, шеф».

– Это не оправдание, – отрезал Коул, уже вовсю щелкая компьютерной мышкой. – Миллер прав. Я слишком долго торчу на месте. Не думал, что скажу это, но работать вдвоем с напарником было куда проще.

– Пока мы не съездили в Новый Орлеан и не нашли его... – начала я задумчиво. – Может, твоим напарником побудет ведьма?

– Опять? – вздохнул Коул. Он выглядел таким изможденным, что мне хотелось поскорее вернуться домой и сварить ему ландышевую настойку, которую уже давно надо было начать подливать ему в кружку с кофе по утрам.

– А почему нет? Я, конечно, не крутой коп, но, как помнишь, ритуального убийцу мы поймали...

– В этот раз все гораздо проще. Убийца – обычный человек, а рядовые детективные расследования – моя работа, Одри. Верховенство – твоя. Ты и так почти не спишь с этими сверхъестественными существами, а попутно ищешь способ вернуть Гидеону... себя. – Коул скривил губы. – Хотя с чем-то я должен справиться самостоятельно. К тому же как ты сможешь мне помочь? Ты сама говорила, что не в силах найти того, кого никогда не видела лично или если у тебя нет вещи этого человека. Так что дай мне...

Коул вдруг замолчал, и я буквально услышала тот лязг, с которым закрутились шестеренки у него в голове. Тигриные глаза расширились. Я наклонилась к нему со стола, полная любопытства, но он уже вскочил и принялся потрошить соседние шкафчики.

– Должно быть где-то тут! Где же?!

– Что ты ищешь? – не выдержала я, когда Коул перевернул все ящики и принялся наводить такой же беспредел на пустующем столе Сэма.

– Записку с места преступления! – Коул обернулся, и в груди у меня защемило от того блеска, что вернул его глазам ореховую теплоту. Наконец-то! – С почерком убийцы. Это ведь можно считать за личную вещь, да?

– Ну гипотетически...

– Как я мог забыть об этом?! Сэм дал мне ее еще в Мохаве! Неужели я... Неужели я потерял?

Сморщившись, он продолжил разорять ящики, гремя скрепками и дыроколами. Заметив, что на нас оборачиваются коллеги Коула, я смущенно откашлялась, привлекая его внимание.

– Может, записка в карманах той одежды, которую ты носил в Завтра? Где-нибудь дома...

Угнездившись в груди хлама на полу, он оперся о ножки стула и тяжело выдохнул, глядя на меня снизу вверх:

– Да, может быть.

– Тогда предоставь это мне, напарник! – бодро воскликнула я, вспрыгивая на ноги. – Надо же... Вот мы и снова работаем вместе, как в старые добрые времена. У-у! Я теперь тоже детектив!

Коул раздраженно повел плечом и кивнул с таким обреченным видом, будто я опять купила платье от кутюр стоимостью в его зарплату. Перспектива вновь делиться со мною всеми кровавыми подробностями и таскать по местам преступлений явно его не впечатляла. Погруженный в мысли, он даже не стал возражать, когда я зачаровала его коллегу Ричи и заставила подбросить меня до Шелберна, чтобы поскорее заняться делом.

– Разум освободи... Из плена волю отпусти... А в болоте растут камыши... Ой, нет, не то, – бормотала я себе под нос, ступая по лесной тропинке с раскрытым гримуаром. В сизой обложке с золотыми уголками, он уже потолстел на несколько страниц, исписанный моими сонатами. Однако я не оставляла попыток освоить дар сотворения и в других его ипостасях, ведь всюду таскать с собой скрипку было как минимум неудобно. Пытаясь на этот раз выстрадать стихи, а не музыку, я пнула камешек и представила перед собой Гидеона.

– И как только Тюльпана призывает это свое «колдовское вдохновение»? – пожаловалась я вслух деревьям, когда снова ничего не получилось.

С того дня, когда Ферн навсегда исчезла из моей жизни, я так и не придумала ничего толкового, не считая парочки простеньких заклинаний: одно лечило насморк, а второе пекло пирожки за три секунды (Исаак плакал от гордости). На все мои жалобы Тюльпана отвечала лишь: «Когда будет нужно, оно придет. Через самонасилие шедевр не родить». Но ждать я больше не могла, поэтому...

Перелистнув страницу, я обошла блуждающие огоньки, вымостившие мне дорогу к Ковену через зачарованный лес, возле которого меня посадил Ричи, и продолжила сочинять.

– Руку протяни в ответ – в сердце у тебя сияет свет...

Мое напевание бесцеремонно оборвал треск хвороста. В шесть часов становилось уже темно: деревья, подсвеченные болотными огнями, напоминали шерсть дикого волка, такие же непричесанные и дремучие. Но мне было вовсе не страшно: даже ночью я ориентировалась в окрестностях Шамплейн лучше, чем опытные путешественники днем, а уж чары Нимуэ не посмели бы так просто впустить сюда никого, кто желал бы мне зла. И все-таки по спине стек липкий мороз, пробуждая старые раны. Стараясь не думать об этих уродливых шрамах, я спрятала гримуар за пазуху, вслушиваясь в звук приближающихся шагов. Бояться чего-то в собственном доме было слишком унижительно для Верховной, но я все равно сорвала гроздь подмороженной брусники с куста и раздавила ягоды в пальцах, судорожно вспоминая защитные чары.

– Свиной чертополох!

Вырвалось у меня, однако, отнюдь не заклинание. Я шарахнулась в сторону, когда что-то выпрыгнуло из сумрака. Уставившись в упор на два горящих рубиновых глаза, я с трудом проглотила вставший в горле крик. Длинный кошачий хвост хлестал по можжевельным кустам и сугробам, поднимая в воздух снег, и лишь когда его горсть приземлилась мне на голову, я очнулась:

– Монтаг! Я чуть не поседела! Что ты...

Я вытерла липкую руку о штанину и замолчала, осознав, что передо мной вовсе не три прытких облезлых кота – нет, передо мной стояла одна, но гигантская пантера. Доходящая мне в холке до пояса, с черным лоснящимся мехом, это была самая настоящая дикая кошка, только демоническая. На кончиках покоцанных ушей торчали красные кисточки, а на кончике хвоста – знакомое скорпионье жало, сочащееся зловонным ядом. Очевидно, кошачье обличье было любимым у Монтага – по-прежнему пушистый, но смертоносный. Он повел по воздуху носом, принюхиваясь, а затем жалобно мурлыкнул:

– Мы бежали на запах пончиков! Ты пахнешь ими за километр. Где они?! Говори скорее!

Он почти спрятал морду у меня под дубленкой, выискивая лакомства, пока я не щелкнула его по носу:

– Эй! У меня ничего нет. Я только приехала из участка. Должно быть, пропахла пончиками там, их ведь каждый уважающий себя полицейский обожает.

Уши Монтага понуро опустились. Он фыркнул, запачкав слюнями мой шарф, и попятился обратно к лесу, сливаясь с обступающей нас темнотой.

– Мы охотились, но решили, что пончики лучше оленины. Могла бы что-нибудь нам да прихватить! Знаешь же, как мы их любим.

– Извини, в следующий раз обязательно что-нибудь возьму. Слушай, а ты... как-то подрос, что ли, – заторможенно пробормотала я, заставляя шеду обернуться. – И уже не троишься. Куда делись милые шкодливые котики?

– Ах, вот что тебя так напугало, – протянул Монтаг самодовольно. Его голос все еще тянулся, как жвачка, иногда срываясь на примитивное «мяу», но звучал гортанно и низко. Я мысленно поблагодарила бога за то, что он мой защитник, а не враг, и понадеялась, что у шеду не в ходу съедать собственных подопечных. – Да, мы окрепли. Не зря защищали тебя от Ферн. Мы исправляемся!

Я недоуменно сощурилась, пытаюсь понять, о чем он говорит. С той самой битвы в Самайн мы с Монтагом почти не виделись: раненный в бою, он долго зализывал раны где-то в лесу, а затем появлялся лишь по ночам на кухне, чтобы выгрести все съедобное из нашего холодильника, пока мы спим. Золотой браслет, позвякивающий на моем запястье, вряд ли теперь мог уместить в себя такой необъятный дух, не пожелай он того сам. Монтаг был волен ступать куда захочет, но по-прежнему оставался со мной. Интересно, можно ли называть нас друзьями?

– Мы теперь хороший шеду, – промурлыкал Монтаг, усевшись в сугроб и неторопливо вылизывая лапы: каждая была размером с мою голову. – Хороший защитник! Мы доказали, что полезны, и мы стали больше. Чем благополучнее живет наш подопечный, тем мы сильнее.

– Ах, вот оно как работает, – задумчиво промычала я, двинувшись дальше по тропе: ноги уже начали подмерзать от пустой болтовни на морозе. – Каждый твой подвиг делает тебя больше, хм. Поэтому ты был таким мелким, когда мы встретились? – Судя по тому, как обиженно Монтаг зашипел, перебирая лапами хворост у меня за спиной, я была права. – Теперь ты то же самое, что мейн-кун в мире демонов, да? Можешь пока сторожить Шамплейн вместе с Нимуэ. Главное, всю дичь здесь не перебей!

Монтаг согласно мурлыкнул, а я ускорила шаг, почуяв, как поднимается вьюга. Вскоре блуждающие огоньки стали редеть, что могло означать лишь одно: дом уже близко. И действительно – спустя еще минут пять показался деревянный каркас, а следом вырисовывались очертания острой черепичной крыши. В лучах солнца особняк был красивее: облицованный снаружи синим камнем, днем он казался васильковым, а ночью – благородно серым. По стенам, невзирая на мороз, уже всюду расплозились виноградные лозы и плющ. Сад тоже цвел – единственное, что осталось нетронутым разрухой. Там всегда было влажно и душно, как в теплице, хоть сад и не огораживался целиком. Тюльпана любезно переняла заботу о нем и поддерживала нужный климат, питая землю магией, как удобрениями. Внешний двор был ничуть не хуже: вместо кофейных столиков, за которыми так любил курить Диего летом, на крыльце теперь красовалась скамья-качели. К верхним этажам прибавилось несколько крытых балкончиков, а крышу протыкало множество дымоходов.

Я ускорила шаг и миновала несколько клумб благоухающих гортензий, прекрасно чувствующих себя даже под слоем инея.

– Не сейчас, – тут же бросила я Тюльпане, возникшей на пороге, как будто над входом висел колокольчик. Неужто она меня караулит? – Коул поручил мне важное задание.

– Задание? – Ее бровь, такая же белоснежная, как и волосы, многозначительно поползла вверх. Усевшись возле камина с ежедневником в руках, она достала перьевую ручку и пробурчала: – Конечно-конечно... Делай что хочешь, пока территория Шамплейн трещит по швам. Кому это вообще надо, кроме меня?

Сбросив на вешалку дубленку, я взлетела вверх по лестнице, сопровождаемая ее бесконечным ворчанием. После отъезда Морган с Исааком и исчезновения Сэма в доме стало невероятно тихо, особенно когда начинал отсутствовать и Диего. Такой дом был слишком большим для троих.

Откуда-то снизу заиграл фолк: Тюльпана всегда оставляла проигрыватель включенным, когда искала новых сверхъестественных гостей аквамаринным маятником над разложенной картой Вермонта. Или когда искала Ферн, убежденная, что ее смерть от нелепой кровопотери звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой. Как бы то ни было, предосторожность никогда не бывает лишней, поэтому каждый вечер Тюльпана проверяла, не объявилась ли Ферн где-нибудь поблизости. И каждый вечер я выдыхала с облегчением: нет, ее не было, потому что уже и не могло быть. В другое верить я отказывалась.

С пятой попытки попав в нашу с Коулом спальню, а не в очередной чулан, я вывалила на пол всю одежду из шкафов. Выворачивала наизнанку каждый джемпер, каждые штаны и каждый карман, пока не погрязла в белье и футболках. Спустя час возни я наконец-то услышала, как шелестит под пальцами бумага, и выгребла из бриджей Коула скомканные чеки с автозаправки. Среди них ярко выделялся выцветший до желтизны лист, сложенный пополам.

Вот оно!

*Кости-кости. Леденцы.
Собираю их в ларцы,*

*Откроешь – выбегут детишки.
Сыграем снова в кошки-мышки?*

*Кости – сладость на десерт,
Они на карусель мою билет.
Ваши косточки возьму,
И для крепких снов в подушки их набью.*

*Кости – будущий сервиз.
Ваших матерей ждет замечательный сюрприз!
Ведь нет подарка от ребенка краше,
Чем новая посуда из его коленных чашек!*

Мне пришлось несколько раз прерваться, чтобы найти в себе силы дочитать это до конца. В груди растеклась свинцовая тяжесть. Коул был прав – каллиграфический почерк, удивительно ровный и витиеватый, точно принадлежал человеку. Однако злу, что таилось в нем, позавидовали бы даже принцы Гоегии. От этих строк пробирал мороз, а от фотографий в папке Коула – неподдельный животный ужас. Все увиденное и собранное мною по кусочкам, тайком, случайно или без спроса, вдруг встало на свои места.

– Кости... Он коллекционирует детские кости... Гребаный псих!

Я скомкала мерзкую записку в пальцах.

– *Fehu!*

Свечи, застилающие угловой алтарь расплавленным воском, вспыхнули. По воздуху растекался древесный запах мирры. Подпалив пучок зверобоя, я окурила им спальню, пройдясь вдоль каждой стены и плинтусов, а затем погрузилась в ароматное облако сама, прочищая и мысли, и ауру. Круг, вырезанный навахом Коула прямо на деревянном паркете, завибрировал, призывая меня сесть в его центр. Стоило мне сделать это и подогнуть под себя ноги, как я вдруг поняла, о чем говорила Тюльпана.

«Когда будет нужно, оно придет».

А что, если?..

Рука зависла над полом, потянувшись к географической карте, и вместо этого ухватилась за латунный подсвечник с потрескивающим огарком. Я не знала, что именно собиралась делать, но течение магии и не требовало понимания – оно требовало лишь довериться ему. Куда бы это течение ни привело, ты всегда окажешься там, где тебе нужно.

Я наклонила подсвечник так, чтобы воск, плавясь, стек на мятую записку. Чернильные буквы размылись под стынущими жемчужными каплями, и необходимость в маятнике и картах отпала сама собой.

Я и есть маятник. Я – карта.

– *Поэма о костях и материнском горе. Воск, затопи ее, как топит море! Злые глаза в изгибе волны – покажи мне то, что видят они.*

Единственная улика – меньшая из жертв, что я была готова принести, лишь бы остановить убийцу. Записка, погрязшая в масляном воске, затлела без прикосновения к свече. Мерцающее, красное, как ягоды рябины, пламя не обожгло, когда я сжала его в ладони и поднесла к лицу, вдыхая.

– *Найди детей, что не вернуться домой. Найди матерей, чей стоит гулкий вой. Они – моя нить, убитые горем. Мне нужен тот, кто возмнил себя богом!*

Пепел замерцал в воздухе, а затем оказался у меня внутри – прямо в горле, в желудке и сердце, заставляя надуть щеки, сдерживая кашель, и давиться видением. Я почувствовала запах гари, осевший на языке, а затем почувствовала запах... *Крови?*

– Кости-кости, леденцы! Сыграем в прятки, сорванцы?

Пение, урчащее, довольное, вело меня к пылающему и алому источнику того запаха, что ударил в нос и пробудил первобытные инстинкты. Точнее, лишь один – самосохранение: «Беги, беги, беги!»

Но, как ни старайся, я не смогла бы убежать от собственного заклятия. Не смог убежать и тот мальчик, что явился мне в нем, распластанный на мокрой земле, с оторванными руками.

Он уже не кричал. Лежал в окружении заснеженных деревьев, парализованный болевым шоком, и смотрел широко распахнутыми глазами на то, как работает над его телом бесчеловечное существо с дюжиной рук и пятью головами.

Ни у одной из них не было лица – лишь рты, растянутые до ушей в голодном оскале. Острые зубы в несколько рядов, тонкие, как зубцы у вилки. Тело длинное, плоское, будто бы жучье, а кожа – пергамент: в пролежнях, губчатая, того и гляди порвется от выпирающих костей. Ниже пояса твари развевалась темная ряса – то клубилась живая тьма, что служила *диббуку* и одеждой, и ногами. Он урчал, нависая над телом мальчика, и пальцы его напоминали лезвия, почти как у одержимого Исаака, только идеально прямые и черные. Он забирался ими внутрь детского тела, чтобы, надавив изнутри на хрупкие кости, переломить их пополам и выудить одну за другой из надразов. Рядом уже была собранная горсть таких – коленные чашечки, несколько ребер и те самые оторванные руки. Мясо, мышцы и кожа валялись вокруг, снятые, как обертка. А мальчик все не умирал, удерживаемый на грани вспышками боли и влажным снегом, припорошившим лицо с верхушек диких кленов. Лишь кряхтел, беззвучно хлопая синими губами, и безвольно смотрел на то, как его разделявают заживо.

Кровь проложила в снегу ручеек, пропитывая искромсанную школьную форму. Я разглядела букву «А» на ее воротнике – эмблему, – когда пять безликих голов вдруг обернулись.

– Мы чуем тебя, – сказала тварь то, что не должна была говорить. Я попыталась отступить, но приросла к месту: видение невозможно было контролировать, как и свое тело, – ни здесь, ни там, в реальности. – Полынь, физалис, соль... Так пахнут ведьмы. Мерзкие язычницы, которые годятся лишь на то, чтобы их выпотрошить! Мы не знаем, кто ты, но надеемся, что тебе нравится зрелище. Наслаждайся, раз пришла.

Голос звучал, как жужжание осинового роя, и, перебирая руками, тварь улыбнулась всеми пятью ртами, довершая начатое. Несколько ловких движений пальцами – и я увидела маленькое сердце размером в половину моего кулака, нанизанное на острый обсидиановый коготь.

– Одри...

Тварь облизнулась и протянула его мне, предлагая угощение.

– Одри!

Меня звали снова, снова и снова, но обернуться я смогла лишь с третьей попытки: пластилиновый и вязкий, воздух противился лишним движениям, будто я плавала в кипящем бульоне. Оказывается, за моей спиной уже вовсю полз зыбкий туман, стремительно покрывая сумеречный лес. Оттуда, из белого дымного полотна, вдруг высунулась чужая рука – оливковая кожа и десяток звонких браслетов на запястье. Запах меди притупился под сладостью аромата имбирного кофе и кориандра, а когда наши пальцы соприкоснулись, кошмарный сон наконец-то закончился.

И начался новый.

Лодыжки, оплетенные цепями. Спиральки черных непослушных волос, слипшихся в запекшейся крови и грязи. Желтые глаза с малахитовыми прожилками и некогда прекрасные пухлые губы в форме сердечка, превращенные в месиво.

Я узнала ее еще до того, как услышала и увидела. Диего был прав: разорванный ковенант вовсе не означает разорванную связь. Синяя ленточка, связавшая наши руки в машине Коула по пути из Нового Орлеана в Берлингтон, положила начало не только клятве, но и семье. А, как известно, нет ничего крепче семейных уз.

– Одри, помоги!

Толчок неведомой силы вытолкнул меня в реальность. Я жадно схватила ртом воздух, будто все это время обходилась без него, и распахнула глаза, взирая на Коула. Тот сидел надо мной, удерживая двумя руками на своих коленях, качивая, как ребенка. Белее простыни, он походил на привидение, но все, о чем я могла думать, – это кованая решетка и желтые глаза, смотрящие сквозь прутья на мир, глухой к мольбам и отвернувшийся от нее.

«Ты слышишь... Наконец-то ты слышишь!».

– Одри? – встревоженно позвал меня Коул, убирая большим пальцем локон волос с моего лица, залитого лихорадочным потом. – Господи, ты напугала меня! Твои глаза... Зрачков и радужки не было – сплошь белок. Я подумал... – Он поежился, отгоняя прочь страшные мысли. – Что произошло? Я нашел тебя на полу...

– Зои, – прошептала я, не замечая, как впиваюсь ногтями в собственные ладони: кровь побежала по вырезанному на паркете кругу, как она бежала по снегу где-то в там, в далеком туманном лесу; как она бежала по чугунной решетке, запертой на три замка и душасей всякую магию, пока та не пробилась тараном спустя столько месяцев. – Коул... Зои умирает!

II. Железная дева

Луизиана всегда была знойной и душной, с клочками тумана между деревьями и топкими болотами. В декабре она тоже встретила нас крайне приветливо, особенно после берлингтонской стужи: мягкая солнечная погода с двадцатью градусами по Цельсию. Руки больше не мерзли, а изо рта не валил пар. Меховая дубленка уступила место облезлому пальто Коула, которому уже давно было пора на помойку. Оно дарило мне чувство защищенности, словно это был бронезилет, а не обычная шерсть с катышками. Тюльпана, пользуясь шансом, уже нацепила солнечные очки, щеголяя в ажурном платье. Она совсем не стеснялась внимания прохожих, бросающих красноречивые взгляды на ее стройные ноги в рваных чулках.

Сколько бы раз я ни бывала в этом городе, здесь всегда играл джаз – и днем, и ночью он не смолкал, собирая горожан, путешественников и заядлых пьянчуг у салунов и кабаков. Все улицы мерцали, увешанные гирляндами, а у каждого молла росла наряженная ель: расставленные по всему городу, эти священные деревья с укором напоминали мне, что я снова покинула Шамплейн накануне важного праздника.

Но в этот раз отнюдь не вина точила меня изнутри, пока мы шли по закоулкам Бурбон-стрит. То был страх.

«Кости-кости. Леденцы!»

«Мы цуем тебя».

«Наконец-то ты слышишь!»

– Одри?

Голос Тюльпаны вернул меня в реальность. Я вдруг обнаружила, что остановилась прямо посреди оживленной улицы, сжимая зубы и кулаки. Пусть физически я и была в Новом Орлеане, но мысленно все еще не могла выбраться из тех жутких видений, что теперь преследовали меня.

– Одри, ты в порядке? – спросила Тюльпана в который раз.

– Паническая атака, – выдавила я хрипло, стараясь не замечать, с каким скептицизмом Тюльпана повела бровью. – Нечем дышать. Сейчас... Просто дай мне минутку. – Я оттянула пальцами ворот водолазки, будто это могло хоть как-то помочь, и забралась другой рукой в карман пальто. Горячие подушечки пальцев очертили холодный металл. Я вытащила бронзовое зеркальце Коула и принялась щелкать замочком, открывая и закрывая его, как он учил.

– У-у, – завывала Тюльпана устрашающе, глядя на меня сверху вниз: сапоги на шпильке делали ее ростом почти что с Коула. – А крыша-то все течет... Пойдем купим тебе во французском квартале ведро и молоток! Или бутылку водки.

Ей было смешно, а мне нет. Утро выдалось поистине ужасным, а вся прошлая ночь прошла кувырком. Я почти не помнила себя от истерики: Коулу пришлось несколько часов вытягивать из меня ответы и распутывать мой лихорадочный бред, чтобы понять, что к чему. Его объятия не ослабевали до самого утра. Продолжая укачивать меня на коленях, он делал все, чтобы вернуть мне чувство безопасности после увиденного. Но оно не возвращалось... Заснула я лишь с рассветом, а уже через час Коул скрепя сердце отправился на работу, надеясь выяснить что-то о новой жертве убийцы, чьи оторванные руки и белое лицо до сих пор не выходили у меня из головы.

Как только Коул шагнул за порог, Тюльпана, все это время подслушивающая за дверью, оживилась. У неё наготове уже стояли алтарные свечи и пакетик с костяной мукой, чтобы, начертив на полу пентаграмму, перенести нас туда, где все когда-то началось. Кажется, ее больше манила возможность наконец-то выбраться из Вермонта на экскурсию, нежели помочь нам с Коулом в расследовании. Телефон в плечевой сумке разрывался от его звонков: должно быть, он отпросился с работы пораньше, чтобы побыть со мной, и уже обнаружил в кровати

вместо меня объяснительную записку. Может, это и было эгоистично, но если бы я прожила еще хоть день в неведении...

«... то сошла бы с ума».

Да, спасибо, неизвестный голос. Как всегда, в точку!

– Что это? – многозначительно нахмурилась Тюльпана, уставившись на зеркальце в моих руках. Сквозь затемненные стекла очков ее фиалковые глаза, доставшиеся по наследству от матери вместе с дурным нравом и темной магией, казались красными.

– Коул дал мне его перед работой, чтобы я... успокаивалась. Знаешь, в этом и впрямь что-то есть. Кажется, помогает.

– Может быть, но стопка водки все-таки помогла бы тебе лучше, – усмехнулась она.

Я отвернулась, снова цепляя ногтем крышку зеркальца. Щелк-щелк. Щелк-щелк. Принесенное в жертву ради метки атташе, но восстановленное моей магией, зеркальце стало памятной вещичкой не только для Коула, но и для меня самой. Когда-то давно он не расставался с ним... А затем доверил мне вместе со своей жизнью и судьбой. Иногда я видела, что Коул крутит зеркальце в пальцах, но после, успокаиваясь, он всегда возвращал его на место: вкладывал в гримуар, к которому зеркальце приклеивалось заклинанием, чтобы не потеряться. Коул больше не нуждался в нем так, как раньше, но, похоже, он решил, что теперь в нем нуждаюсь я. И не ошибся.

– Телепортироваться Коул не умеет, а поездка в Новый Орлеан займет у него минимум сутки, так что времени у нас навалом. Но чем быстрее мы вернемся домой, тем меньше нотаций он тебе прочтёт, – напомнила Тюльпана, и я поежилась, уже предвкушая грядущий скандал. – Если хочешь знать мое мнение, то ты правильно поступила, что пошла со мной, а не с ним. У Коула своих проблем по горло. А мы взрослые девочки, нам не впервой разбираться с наглыми колдунами, правда же?

Я кивнула, делая вид, что слушаю Тюльпану, но в ушах у меня гудело. Тогда я постаралась сфокусировать взгляд на узорах зеркальца – перламутровых, геометрических, с маленькой трещинкой на обратной стороне. Ее не удалось залатать даже магией, как невозможно залатать и ту трещину, что дал мой рассудок тогда в Башне.

И вот она стала глубже...

«Ты не могла помочь тому мальчику. Ты была лишь тенью, вставшей на грань, но не перешедшей ее. А мальчик умер ещё в тот миг, когда тварь захотела его себе».

Тюльпана отошла на несколько шагов, вертя в руках компас с тонкой золотой цепочкой и пытаясь разобраться, куда нам идти. Надо признать, выходило у нее это ловко: она ориентировалась в Новом Орлеане так, будто прожила здесь много лет, а я лишь брела следом за ней, не задавая вопросов. Маленькие разноцветные домики, построенные еще до Гражданской войны, толкались вдоль пешеходных аллей. Все здесь застилало магические шатры с подвесками из омелы, обещающие защитные талисманы и предсказания будущего. Некоторые места мне даже удалось узнать: вон у того моста мы парковались с Коулом, чтобы отыскать лавку Саламандры, ныне закрытую ставнями и пустующую, – мимо нее я проскочила сегодня с закрытыми глазами, чтобы лишней раз не травить душу; а вон за тем переходом должен был располагаться отель Cornstalk, в котором для ведьм действует скидка. Французский квартал во всем оставался прежним, кроме лиц, наполнявших его. Менялись лишь они и я – как внешне, так и внутренне.

Поправив распушенные волосы, отросшие почти до лопаток, а оттого жутко тяжелые и раздражающие, я ускорила шаг.

– Коул ошибался, – прошептала я задумчиво, считая взглядом туристов. Их поток уплотнился на выходе к Бурбон-стрит, забитой пабами, и зеркальце снова защелкало в моих руках. – То, что я увидела через ту записку... Оно не могло быть человеком, Тюльпана. Оно... голодное. Похоже на диббука, но хуже. Чтобы выстоять против него, точно нужна Зои. Только не понимаю... почему я смогла достучаться до нее лишь вчера?

– Ты вышла в астрал. Вероятно, Зои тоже была там. Без физической оболочки мы гораздо восприимчивее... Повезло, что она успела тебя поймать.

– Думаешь, все это время она искала меня? Ждала? – В груди у меня заныло. Как же Зои, должно быть, страдает! – Мы спасем ее, а потом займёмся этой тварью! Я не позволю кому-то безнаказанно вытворять такое на моей земле! И бояться себе тоже не позволю.

– Отрадно слышать, – сухо бросила Тюльпана, не оборачиваясь.

Дрожь начала стихать. Спрятав зеркальце обратно в карман, я быстро двинулась вверх по улице, чтобы нагнать Тюльпану, уже ушедшую на несколько метров вперед.

Притормозив у мостовой Миссисипи, откуда дул прохладный ветер, она что-то заворчала себе под нос, принявшись отбиваться от назойливого бездомного с пластиковым стаканчиком для мелочи. Пряча перемазанное лицо под капюшоном, он беспардонно тянулся к ней и стонал, выпрашивая деньги на еду. Тюльпана брезгливо поморщилась и топнула шпилькой. Ветер тут же закрутил бездомного волчком и быстро унес с глаз Тюльпаны, донеся до меня лишь кислый шлейф немывтого тела и браги.

– Мерзость. – Тюльпана передернулась и, сняв солнечные очки, ткнула пальцем в замершую стрелку компаса, когда я подошла. – Это должно быть здесь.

– Да, так и есть. Мы пришли.

Я запрокинула голову и молча уставилась на деревянную вывеску. Золотыми буквами на ней было выковано: «Барон Суббота». В последний раз мне доводилось бывать здесь, когда мы с Коулом расследовали дело ритуального убийцы... Все такое же двухэтажное здание из красного кирпича, мраморные ступеньки и бордовая черепица. Однажды я сожгла это место дотла, а теперь не отказалась бы повторить. Достаточно было вспомнить ту ночь, когда Рафаэль заявился в Шамплейн и посмел применить против меня вуду, – искры тут же начинали колоть пальцы.

Я иду за тобой, Зои, где бы ты ни была. Только держись!

– Ненасытные Монтаги при тебе? – обронила Тюльпана на лестнице, и я бросила взгляд на золотой браслет. Он будто бы тоже потяжелел, как и тот демонический кот, что с неумным ворчанием забирался в него, не желая покидать ради очередной «деловой поездки» леса Вермонта, полные аппетитной дичи.

– Да. Монтаг наготове. Он обещал, что теперь от него будет больше пользы. Вот и посмотрим!

Браслет на запястье возмущенно завибрировал. Надеюсь не сжечь магазинчик раньше, чем Рафаэль ответит на все наши вопросы, я толкнула тяжелую дверь и прошла вперед Тюльпаны. Колокольчик монотонно поприветствовал новых посетителей.

– Добро пожаловать в «Барон Суббота»! Чем я могу вам помочь, милые дамы?

К моему разочарованию, за кассой нас встретил вовсе не Рафаэль. То была тучная дама в летах, одетая в этническое гаитянское платье и с сединой в волосах. Ее руки, такие тонкие и сухие, что взглядом можно было пересчитать каждый сустав, тряслись, пересчитывая купюры. Черепки мышек-полевок вместо колье мелодично позвякивали. Несомненно, перед нами стояла ведьма из ковена Вуду – в конце концов, никому другому Рафаэль бы свой магазин и не доверил. Вот только выглядела она такой старой, что невольно возникал страх довести ее до инфаркта – какие уж тут допросы?

Мы с Тюльпаной хмуро переглянулись, но, в отличие от меня, она ничуть не ступевалась, шагнув к старухе вплотную. Все, что разделяло их, – низкая дощечка с выставленными напозказ мешочками гри-гри, распускающими по магазинчику аромат свежих ведьмовских трав и лаванды.

Вывеска «Открыто» на двери, подхваченная ветром, перевернулась обратной стороной.

– Почему нынче петушиные головы? Вон те, чёрные.

– Это вы для папы Легбы или мамы Бриджит интересуетесь? – спросила старуха, оглядываясь на соседний прилавок, забитый выпотрошенными и высушенными тушками. – Бриджит больше любит белые... А так все по пятнадцать долларов!

– Хм, недешево. А старушечьи зубы почему?

– А?

Тюльпана прыжком перемахнула через стойку. Старуха среагировала с небывалой прытью: вскинула трость и почти разбила Тюльпане нос. Но, не намеренная сдаваться, Тюльпана все равно запрыгнула на прилавок и сдернула с пожилой дамы обличье, словно простынь.

– *Newid!* – прошипела Тюльпана, схватив ее за шею, и я узнала валлийское заклятие-перевертыш, оборачивающее вспять любой метаморфоз.

Старуха неприлично выругалась на креольском, а затем ее кожа под ладонью Тюльпаны замерцала, меняясь. Темная кожа сделалась еще темнее, а нос увеличился, как и все тело. Вместо седых волос появился шитый цилиндр, увешанный зубами койотов. И больше не было никакого платья – только расстегнутая до живота рубашка, костяное ожерелье, аккуратная борода и блестящие хитрые глаза. Рафаэль улыбался, опираясь на свою трость, вернувшую себе первозданный вид вместе со своим хозяином – теперь вместо набалдашника на ней красовался знакомый женский череп.

– Bravo, – громко объявил он, пока Тюльпана, фыркая, слезала с прилавка, поправляя выключенные волосы. – У тебя глаз-алмаз, девочка. Вылитая мать! Как она поживает, кстати?

– Рафаэль, – процедила я, пропустив его светскую болтовню мимо ушей. Глаза застелила красная пелена. – Я всегда знала, что ты трус, но прикидываться невинной старушкой – это слишком даже для тебя!

– Я просто не хотел, чтобы вы устроили драку и разгромили мой магазин, – вздохнул он, тоскливым взглядом окидывая гри-гри, сметенные с прилавка. – Так что не могу сказать, что рад видеть вас, но... Я удивлен: вы обе живы! Очевидно, слухи о Ферн правдивы, и она действительно канула в небытие. Позволь полюбопытствовать, раз представилась возможность: что именно вы с ней сделали?

– А ты разве не знаешь? – сощурилась Тюльпана, прогулочным шагом обходя магазинчик. Подобрала со стеллажа хрустальный шар, она задумчиво повертела его в руках: тот запотел не то от ее дыхания, не то от магии, сделавшись матовым. – Ты ведь был у нее вместо ручного чихуа-хуа. И вдобавок вы были связаны клятвами... Это же Ферн в обмен на верность научила тебя *Sibstitisyon*, чтобы ты стал сильнее и смог претендовать на Верховенство после Мари Лаво? Значит, ты должен был все почувствовать.

– Ах, так этого вы не знаете. – Рафаэль сложил руки на трости, обратив взор на меня, когда я демонстративно поставила локти на его прилавок. – Джулиан Дефо помог мне, Эмиральде и Хоакину освободиться от клятв, данных Ферн. Так что к тому моменту мы с Ферн уже давно перестали быть... партнерами.

– Освободиться от клятв? – переспросила я. – Но это невозможно... Разве что...

Джулиан всегда был умен. Хоть от любой мысли о нем меня по-прежнему выворачивало наизнанку, я не могла этого не признать. Вынужденный томиться в ожидании, когда истечет срок нашего договора, он методично перебирал варианты, лишь бы нарушить его условия, увидеть меня и остаться безнаказанным... Ради этого он даже отрезал себе руку. Неудивительно, что Джулиан изучил сущность клятвы на крови вдоль и поперек, а затем нашел еще одну лазейку. В конце концов, мой брат всегда славился своей способностью ломать то, что ломать было неположено.

В ночь Самайна Ферн явилась в Шамплеин с опозданием. Джулиан обещал отомстить ей за то, что она сподвигла его уничтожить нашу семью, – и он отомстил, но не рассказал, как именно это сделал. Неужели...

– *Sibstitisyon*... Клятва на крови становится частью магии, – ахнула я. – А этот ритуал может забрать часть магии ведьмы. Ты, Хоакин и Эмиральда применили его против Ферн? Забрали у нее свои обещания назад, верно?

– Как жаль! – весело отозвался Рафаэль. – Глупенькой ты была куда прелестнее.

Я поморщилась, но воспринимать слова Рафаэля всерьез было чревато новыми комплексами.

– Предлагаю перейти к делу, – заявила я вместо этого. – Раз ты такая деловая колбаса, то наверняка знаешь, зачем мы здесь. Где Зои Саламандра?

– С чего ты взяла, что я знаю, где Зои? – спросил Рафаэль резонно, а я так же резонно ответила:

– Потому что в последний раз, когда мы виделись, она отправлялась в ковен Вуду.

– И?

– И, как ты сказал, я уже не такая глупенькая, чтобы поверить в твою непричастность.

Damwain!

Мое терпение взорвалось – точно так же взорвалась и магия, обрушив на голову Рафаэля шкафы и полки. Следом затрещали стены, раскалываясь, как ореховая скорлупа. Сказать, что Рафаэль ждал от нашей встречи чего-то другого, было бы зверским лицемерием, поэтому все, что он сделал в ответ, – это улыбнулся.

Пожалуй, нападение на Верховного колдуна на его территории можно было назвать весьма опрометчивым поступком, но разве самого Рафаэля это когда-нибудь останавливало? От мысли, что он мог сотворить с Зои, терзая и мучая ее все те месяцы, что я прохлаждалась в Вермонте, к лицу приливалась кровь. Не намеренная останавливаться на одном лишь магазине, я выбросила вперед руку, представляя, как сжимаю внутренности Рафаэля в кулаке.

– *Поймал лисицу. Поймал воробья. Поймал сердце, что стучит все быстрее, к смерти спеша...*

Вены больше не жгло, и руки не чернели. *Шепот* заставил Рафаэля захаркать кровью, опираясь на отполированную черепушку трости, и лишь тогда он вскинул одну руку вверх. Уже в следующий миг я почувствовала, как мои челюсти тянут в противоположные стороны, будто кто-то пытается выдрать зубы щипцами. Виной всему была маленькая соломенная куколка со спицей в голове, которую Рафаэль сжимал в пальцах. Вместо ниток в косичку куклы вплетались мои волосы – темно-русый локон, срезанный ножницами Гидеона в одну из тех роковых ночей, которые не выжечь из памяти даже кислотой.

– Думаешь, можешь вот так просто заявляться ко мне домой и что-то требовать?! – прорычал Рафаэль сквозь удушливый приступ смеха, и его ногти вжались в куклу на уровне солнечного сплетения. Точно там же я почувствовала нестерпимую боль вместе с рвотным позывом, будто чья-то рука забралась мне в пищевод, царапая его изнутри. – Достаточно одного волоска, чтобы кукла вуду работала. А Гидеон срезал так много, что мне без проблем удалось сшить еще одну... Или хочешь снова обернуться норкой? Дважды один и тот же трюк не работает! Попробуй же, ну, твоя выдранная серая шерстка у меня теперь тоже имеется в наличии. Лучший урок, что мне преподала Мари Лаво, – так это тот, что непослушных детей нужно воспитывать с детства!

Его белоснежные, почти фарфоровые зубы покраснели от крови, что текла изо рта и затапливала вырез черной рубашки, но останавливаться он и не думал. Как, впрочем, и я.

– Что ты сделал с ней?! – Крик вышел громким. Я кричала сквозь тошноту и жжение, медленно расплзающееся от корня языка вниз, до самого желудка. Заклятие Шепота все еще текло от меня к Рафаэлю, обволакивая нас обоих, а кукла из соломы хрустела в его руке, как и мои ребра. Пат. – Куда ты спрятал Зои?!

– Одри! Хватит!

Одно короткое слово на древнем валлийском – и моя магия схлопнулась, будто нить перерезали ножницами. Рафаэль медленно выпрямился и вытерся носовым платком. Кукла вуду, привязанная к шнурку, болталась на его пальце, готовая вновь обернуться против меня, но боль прекратилась. Разъяренная, я уставилась на Тюльпану, не понимая, почему она вмешалась, а не выступила на моей стороне. Но та явно не собиралась объясняться. Все как всегда.

– Вот об этом я и говорил, – пытаюсь отдышаться, прохрипел Рафаэль, приваливаясь спиной к разбитому шкафу. Стекло хрустело под подошвой его острых лаковых ботинок, стеллажи лежали друг на друге, а люстра из ротанга раскачивалась на единственном уцелевшем креплении. – Разгромили мой магазин! Ты хоть знаешь, как дорого мне обошелся прошлый ремонт из-за твоего пожара?! Я его только окупил!

– То ли еще будет, – прошипела я, поднимая руку, но Тюльпана возникла между нами, как довод рассудка, окончательно покинувшего меня.

– Рафаэль, – позвала его Тюльпана, растягивая гласные. Она сладко мурчала, и голос ее сочился медом. До этого мгновения я даже не подозревала, что она умеет разговаривать так... вежливо. – Ты ведь бизнесмен, верно? А приличный бизнесмен никогда не упустит выгоду. Зачем драться, когда можно договориться?

– Какая же мне выгода сотрудничать с вами? – фыркнул Рафаэль, одергивая лацканы своего пиджака. – Я сотрудничаю только с леди и джентльменами, а сейчас передо мной лишь две бешеные зверюги. Медведица да норка! Хороша пара.

Яostroила гримасу, лелея воспоминание о том, как, обернувшись норкой, сумела избежать колдовства Вуду и заодно прогрызть в пиджаке Рафаэля несколько дыр (вместе с кожей).

– Нам нужны ответы, Рафаэль, и только, – сказала Тюльпана, деловито сложив руки на груди. – Наши друзья пропали. Не только Зои, но и Сэм. Возможно, ты видел его... Рыжий, неотесанный, пахнет чизбургерами и перегаром. О, а еще он напарник Коула, к слову. Встречал такого?

– Возможно, – туманно ответил Рафаэль, отбрасывая в сторону носовой платок, перепачканный в крови. – Сюда много кто забредает. Одни ищут мести, другие – богатства, а кто-то – потерянную любовь...

– Значит, ты точно знаком с Сэмом, – ухмыльнулась Тюльпана. – Где же он? Помоги нам, а мы поможем тебе. Только скажи, чего ты хочешь.

В этот раз Рафаэль отнекиваться не стал. Все мы здесь знали правду: больше, чем самодовольства, в Рафаэле было разве что меркантильности. Он знал все и обо всем, что происходило в Луизиане, и был готов торговаться за каждое слово. Скорее не бизнесмен, а игрок. Терпеливо ждет, когда закрутится барабан револьвера у виска. С пулей или без?

– Зои хотела отобрать мое Верховенство, – наконец-то заговорил он, и ноги у меня едва не подкосились от радости, что мы сдвинулись с мертвой точки.

– Не отобрать, – возразила я произвольно. – Лишь вернуть. Верховенство ее по праву. Мари Лаво – истинная Королева Вуду.

Рафаэль сузил глаза, глядя на меня в упор, и под его свинцовым взглядом сделалось неуютно. Он улыбался, даже когда дрался со мной, но теперь же на его лице не осталось ни намек на веселье. Пригладив пальцами бородку, густую и противную, он осторожно уточнил:

– Мари Лаво?..

– Да. Зои ведь и есть Мари, разве не так?

Тюльпана метнула на меня полный изумления взгляд.

«Ты моя сестра, – сказала Зои на прощание. – Стала ею в тот самый момент, как я принесла тебе клятву, и будешь ею до конца. Я не брошу тебя в беде». В день прощания Барон Суббота назвал ее мамбо – Верховная Жрица, а затем она откликнулась на имя, которое принадлежало ее матери. В тот день все в моей голове смешалось, и я решила не ворошить то, к

чему была морально не готова. Кем бы ни являлась Зои, мне было все равно. Разве утаенное прошлое стоит того, чтобы отворачиваться от настоящих друзей?

– Надо же... ты знаешь, – хмыкнул Рафаэль без особого энтузиазма, так, будто новость о том, что Зои никогда не была просто Зои, давно стояла у него на повестке дня. – Она сама рассказала тебе об этом?

– И да и нет, – ответила я в манере Рафаэля, на что он фыркнул. – Зои не говорила прямо, но догадаться труда не составило.

– Похвально. Я сам понял это только после того, как забрал череп Мари Лаво назад, а тот оказался... пустым. Ведь, оказывается, лишь владелец силы способен забрать ее обратно. – Рафаэль разочарованно поджал губы, выводя большим пальцем круги на темечке черепа. – Но вряд ли твои предположения так же ужасны, как истина. Человеку, незнакомому с нашими традициями, не понять, *что* есть Зои на самом деле. В вашей магии такой практики даже не существует. Возможно, когда-нибудь Зои сама объяснит тебе, кем она стала в ту ночь, когда наша матушка почилла. Если, конечно, вам удастся отыскать ее... А зависит это лишь от одного – решишься ли ты, голубка, заключить со мной еще одну сделку.

Сделка. Ну конечно. Это слово стало мне уже родным!

– Чего ты хочешь? – сощурилась я. – Чтобы Шамплейн признал твое право на Верховенство? Хорошо, я признаю...

– Нет-нет, как-то мелковато. Я хочу нечто более... существенное. Что насчет твоего шеду? Да, хочу шеду! Отдай мне его, и я расскажу, где искать ваших потеряшек.

– Что?

Браслет на моей руке звякнул. Дремлющий в нем, но уже не запечатанный Монтаг явно оживился от услышанного. Подобное предложение интриговало, но было невысказано: нагло, беспринципно и вдобавок...

– На кой черт тебе сдался самый худший защитник в мире? – в лоб спросила я и хлопнула себя по руке: браслет ужалил ее, раскалившись добела. – Его ведь недаром прозвали Принцем Дураков. Откуда ты вообще о нем знаешь?

– От Ферн, конечно. Однажды твой шеду отравил ее... И мне пришлось вытягивать из нее яд. Одна его капля способна сильно подпортить жизнь... И сожрать изнутри печень. – Рафаэль подмигнул мне, явно веселясь от того, что может диктовать нам условия. Челюсть у меня ныла, настолько сильно я сжимала ее, до сих пор не понимая, почему терплю все это. Неужто только из-за свирепых и умоляющих взглядов Тюльпаны, которыми она сверлила меня, подобрав с опрокинутого шкафа колоду Ленорман и задумчиво ее перебирая? – Видишь ли, шеду очень многолики... Это ангелы. Это демоны. Это божества. Каждый из них уникален и выбирает себе хозяина, когда тот еще на горшок ходить не умеет. Пускай Принц Дураков – прославленный кутила и оболтус, но в стране слепых и одноглазый король. Ты даже не представляешь, как крупно тебе повезло!

– Что именно ты собираешься делать с ним? – сощурилась я недоверчиво.

– Не твоего ума дело, дорогая. Может быть, я просто давно мечтаю о преданном демоническом друге? – Рафаэль даже не скрывал того, как подтрунивает надо мной, но когда он принялся крутить на пальцах массивные перстни и кусать губы, мне сделалось вконец не по себе.

«Уже не хочешь расставаться с нами, Верховная? Ха! А когда-то называла дармоедами».

Я узнала этот голос – на этот раз он принадлежал уже не моему безумию. Каждое слово отдавалось знакомой вибрацией на запястье. Хм, это что-то новенькое... Даже общаясь со мной телепатически, Монтаг мурлыкал и проглатывал согласные, никудашно подражая человеческой речи.

– То, что ты меня иногда бесишь и жрешь за троих, не значит, что я готова отдать тебя первому встречному. А вдруг Рафаэль удумал жертвоприношение? – прошептала я себе под

нос, повернувшись к Рафаэлю спиной, будто прогуливалась меж стеллажами и раздумывала над его предложением. – Да и разве я могу тобой распоряжаться? Ты помощник, а не вещь.

«Но он-то об этом не знает! Грязный колдун считает нас безобидными кисками... Но мы – хищники! И благодаря тебе мы на пике своей силы. Отдай ему нас! Не бойся. Всегда хотелось узнать, какова на вкус магия Вуду. Слышал, похоже на пирог из чечевицы».

Я недоверчиво покосилась на Рафаэля, храня царственное молчание, от которого Тюльпана нетерпеливо притоптывала каблуком, шумно вздыхая. Я разрывалась меж двух огней – гордостью Верховной и возможностью пойти по легкому пути, заключив очередную сделку. Но разве они когда-либо приводили к чему-то хорошему?.. Я давно выучила на собственном опыте, что верить колдунам себе дороже. Зато можно верить своему шеду... Можно же, правда?

– Хорошо, – сказала я, отстегивая браслет от своего запястья. – Согласна.

Рафаэль затрепетал от услышанного. Тут же заметался по лавке, что-то судорожно ища в залежах разбитого хлама, а уже спустя минуту выудил на свет допотопный зачарованный механизм, выглядящий как деревянная шкатулка для украшений. Покрытый кованым железом и обитый внутри черным бархатом, ларец был не чем иным, как тюрьмой: я поняла это по рунам Кеназ и Иса, выгравированным на его дне – «замок» и «лед». Туда, прямо поверх них, я и поместила дорогой сердцу браслет.

«Еще свидимся, Верховная».

Стоило пальцам разжаться, выпуская подарок Коула и пристанище шеду в шкатулку, как голос Монтага исчез из моей головы. Я почувствовала себя одинокой и вдруг поняла, что все эти месяцы мне было так спокойно вовсе не потому, что я обрела долгожданное могущество. Мне было спокойно, потому что рядом всегда находился преданный друг, пускай и безответственный... А еще прожорливый. Но все-таки друг. Их у меня и так осталось мало: что ни день, то потеря.

– Вот и договорились, – осклабился Рафаэль, захлопнув шкатулку так резко, что чуть не прищемил мне пальцы. Что-то внутри ларца заскрежетало, заелозило, будто бы Монтаг сгребся изнутри, но затем все стихло: ларец запечатался. – Я о них позабочусь, не беспокойся.

Однако излишне вежливый и жеманный тон Рафаэля никогда не предвещал ничего хорошего. Я попяtilась и закрыла глаза, не в силах смотреть на то, как он по-хозяйски прячет шкатулку под кассу.

– И? – цокнула языком Тюльпана, вальяжно облокотившись о косой прилавок. – Где нам искать наших друзей?

– О, рыжего болвана вы найдете быстро... Достаточно разуть глаза и научиться замечать тех, кто просит всего о минуте вашего внимания, – загадочно ответил Рафаэль. – А *ее* он всегда держит поближе к сердцу. Правда, там вас ждут мечи, которые разговорят даже мертвых. Бездомный пес и пойманная ящерка. Они оба на своих местах.

Рафаэль резко замолчал. Я сделала широкий жест рукой, чтобы он продолжал, но молчание то было окончательным – это все, что он хотел нам сказать.

– Для тебя это что, игра какая-то?! – взревела я, и магия затрещала в воздухе, выходя из-под контроля вместе с моими эмоциями. – Ничего лучше детских загадок придумать не смог? Мы заключили сделку! Говори прямо, Рафаэль! Где Сэм и Зои?!

– Бездомный пес... – эхом повторила за ним Тюльпана, и ее черные ногти вцепились мне в локоть так сильно, что я зашипела от боли. – О нет... Твою мать! Ну ты и козел, Рафаэль!

Она вылетела из магазинчика пулей, потащив меня за собой волоком – я даже не успела всыпать Рафаэлю пару проклятий напоследок! Красная дверь закрылась за нашими спинами, и я обхватила себя руками, пряча лицо от ветра в воротник пальто. Мы пробыли в «Бароне» от силы двадцать минут, но за это время на улице успело порядком похолодать, будто кто-

то привез с собой погоду из Вермонта в чемодане. Должно быть, виновата была Тюльпана, мечущаяся по улице со взмыленным видом.

– Он был здесь! – выпалила она, вертя головой. – Ведь Рафаэль слишком высокомерен, чтобы отправить его прочь. Тогда бы он потерял место в первых рядах. Нет-нет... Рафаэль хотел смотреть... Смотреть и глумиться. Как я сразу его не узнала! Сэм не мог далеко уйти.

– Сэм? Ты видела Сэма?!

– Да, видела, и я высокомерная дура!

– Самокритично, – хмыкнула я, но Тюльпана уже помчалась к набережной, цокая по тротуару металлическими шпильками. – Можешь не говорить, куда ты так несешься, но... хотя бы успокой меня. Скажи, что я не зря отдала гримов этому вуду-хлыщу!

– Ты не пожалеешь, – ответила Тюльпана, задержавшись у фонарного столба и оглянувшись на меня, едва поспевающую за ней. Фиалковые глаза сияли, будто вобрали в себя спрятавшееся за облаками солнце, и взгляд Тюльпаны смягчился вместе с улегшимся ветром. – Пока я с тобой, никто не посмеет поиметь Шамплейн и его Верховную! Тем более какой-то вудуист. Ты ведь знаешь, что давно бы сдулась без меня, да? Плясала бы у Ферн на леске в смешной шапочке с бубенчиками, как у цирковых обезьянок. Тебе очень повезло, что ты мне нравишься и мы находимся по одну сторону баррикад.

– Как интересно ты описала слово «друзья», – поддразнила Тюльпану я, на что она скривилась, будто это слово было ниже ее достоинства.

Вглядываясь вдаль, она снова сорвалась на бег и проскочила под мостом, где, прячась в тени, гоготало несколько подростков, покуривая травку. На каблуках Тюльпана передвигалась даже быстрее, чем я в спортивных кроссовках. Мне удалось догнать ее лишь у захудалой закуской, откуда, как и из всех прочих, струилась мелодия Луи Армстронга. Судя по обилию мусора в ближайшей урне, это было одно из самых злых мест города. Ковер из окурков, бумажные ланч-боксы, пустые пластиковые стаканчики и стеклянные бутылки... Во всем этом безобразии голыми руками рылся мужчина, ища съестное и морща нос, когда ему попадались лишь обертки.

– Ты, должно быть, шутишь... – вырвалось у меня, когда, шагнув ближе, я разглядела под рваным капюшоном засаленные рыжие волосы.

Те были такими грязными, что почти сливались с болотно-серой тканью заношенной одежды в пятнах грязи и пота. Его было не узнать: осунувшийся, с дикими и тусклыми глазами, утратившими все краски жизни. Стоптаные ботинки с расклеившейся подошвой и вовсе пробивали на слезы. Без вести пропавший, Сэм все это время не был в беде – он просто был *никем*. Забытый, брошенный... И даже не помнящий себя самого.

– Твою мать, – выдохнула я то же самое, что и Тюльпана в магазинчике, как никогда солидарная с ней. – Рафаэль действительно козел!

– Я его даже не признала сначала, – виновато прошептала она, подкрадываясь к Сэму со спины; шаг за шагом, как к лесному зверю, который в любой момент мог броситься наутек. – На нем какие-то чары... Чувствуешь?

Я и впрямь чувствовала что-то вязкое и тугое вокруг головы, почти осязаемое. Что-то облепляло разум Сэма, перекраивая его в угоду Верховному колдуну Вуду. Это нечто не позволяло просачиваться наружу подлинному Сэму – ни его мыслям, ни воспоминаниям. Мощное колдовство, из-за которого он не мог вернуться домой, а еще был невидим для заклятий поиска. Тюльпана демонстративно постучала пальцем по своему компасу, подтверждая это: она думала о Сэме, но стрелка глупо крутилась по кругу.

– Фу, он сейчас это съест! – скривилась я, заметив, как Сэм, взбодрившись при виде недоеденного гамбургера, торчащего из горстки отходов, вдруг потянулся к нему немытыми руками. – Эй!

Тюльпана шикнула на меня, но было поздно: Сэм уже заметил нас и повернулся. Я смогла лучше разглядеть его лицо: чумазое, потрепанное бессонными ночами в канализационных люках в попытках согреться... А еще ужасно напуганное. Я была готова ко всему, кроме этого.

Сэм в ужасе разинул рот, глядя мне прямо в глаза. Тюльпана будто не существовала для него: он видел лишь меня одну и... неистово боялся. Попятившись, Сэм повалил урну, споткнулся об нее и покатился по земле вместе с мусором.

– Сэм, успокойся! – мягко, но требовательно велела Тюльпана, обходя его с другой стороны. – Это мы. Помнишь нас?

– Ее помню, – выдавил он, побелев, как простынь, и отполз еще дальше, когда мы приблизились. Его палец с почерневшим ногтем указывал на меня. – Ведьма, что изувечила маленького Сэма! Ведьма, ведьма!

Прохожие начали оборачиваться, и я стыдливо втянула голову в плечи. Не дожидаясь, пока мы с Тюльпаной сообразим, что делать дальше, он вскочил на ноги и помчался прочь, будто улепетывал от самого Дьявола. Вероятно, так он и думал: Рафаэль наложил на него отнюдь не простые чары забвения...

– Этот гаденыш подменил его воспоминания обо мне! – рыкнула я, но Тюльпана уже бросилась вдогонку за Сэмом. Мне не оставалось ничего, кроме как тоже побежать.

Вывески в Новом Орлеане горели неоном даже при дневном свете. Вскоре все перед глазами зарябило от бега, а узкие улочки смешались в однообразную кашу: я совсем перестала понимать, где мы находимся. Бурбон-стрит определенно кончилась: я вскоре узнала Эспланаде-авеню и навскидку прикинула, что мы пробежали почти целый квартал по набережной Миссисипи в сторону Борегард-Серкл. Эта улица не зря прославилась как «улица богатеев», будучи самой роскошной из креольских частей города: на мое раскрасневшееся лицо смотрели пустые окна отреставрированных особняков и даже резиденция Дюфура-Болдуина с белоснежными капителями на колоннах. От туристов с фотоаппаратами и актеров в медной краске, изображающих безжизненные статуи, здесь некуда было деться. Я протолкнулась через толпу таких, почти теряя копну грязно-морковных волос из виду, и привстала на носочки, пытаясь не потерять хотя бы копну платиновых.

– Да стой же ты! Сэм!

Дыхание сбилось уже на второй минуте погони, и в груди нестерпимо пекло. Зато у Тюльпаны не было никаких проблем с выносливостью, как и у Сэма: оба резво мчались через весь Новый Орлеан. Им обоим было самое место в полиции, а еще лучше – в олимпийской сборной! Несмотря на месяцы бездомной жизни и голодания, Сэм ничуть не растерял формы и вскоре оторвался от нас обоих, свернув за музеем культуры Бэкстрита.

– *In captionem!* – шепнула я, нырнув в безлюдную подворотню следом, и размытая фигура впереди остолбенела перед кирпичной стеной, возникшей из ниоткуда.

Перейдя на шаг и держась за колющий бок, я медленно дошла до Сэма и Тюльпаны. Последняя была уже наготове, держа руки вытянутыми и медленно наступая. Колготки окончательно разошлись у нее на коленях, а один каблук надломился, заставляя ее неуклюже прихрамывать. И все-таки Тюльпана не ныла и не собиралась сдаваться. Собранный, она будто стала выглядеть старше своих лет – на тот реальный ведьмовской возраст, который еще с юности замедляла молодильными яблоками и кровавыми жертвоприношениями Авроры. Ведь теперь оставалось только одно – вернуть Сэму отнятое, то есть самого себя.

– Не подходите! – вскрикнул Сэм, и взгляд его, подернутый пеленой забвения, лихорадочно метался между нами. По истертым рукавам плаща пустилась в пляс струйка крови: он крепко сжал в пальцах осколок битого стекла, подобранный с земли, что источала запах мочи и помоев. – Ведьмы! Я знаю, что вы делаете с мужчинами! Я не добыча! Я не дамся вам живым!

– Забираю свои слова про твою крышу обратно, – прошипела Тюльпана, когда Сэм повел рукой, приближая осколок к собственному горлу. – Молоток и ведро нужны ему, а не тебе.

Я сглотнула и отодвинула ее рукой, выходя вперед.

– Гвендолин Дрейк. Ты помнишь ее, не так ли?

Сэму будто дали оплеуху. К его щекам прилила кровь, а туман в глазах начал рассеиваться. Он заморгал, сосредоточивая взгляд на мне, – на *настоящей мне*, той, что стояла перед ним безоружная, а не на том чудовище, каким внушил ему видеть меня Рафаэль.

Я сделала еще один маленький шаг вперед, но остановилась, заметив, что Сэм все еще слишком напуган. Он убрал осколок от горла, но по-прежнему вжимался спиной в иллюзорную стену.

– Гвендолин... – повторил Сэм шепотом, уставившись на стекло в своих руках, будто только сейчас увидел кровь, что текла из рассеченных пальцев и пачкала дырявые рукава.

– Так звали твою маму. Бирюзовая ленточка с запахом шафрановых духов, которой она подвязывала волосы... Ты до сих пор хранишь ее на рабочем столе в полицейском участке.

Затаив дыхание, я сделала еще шаг. Фрагменты прошлого взрывались у Сэма в голове ослепительным фейерверком, завораживая и парализуя. Он тонул в том, чего не мог понять, и полотно чар, облепивших его, трещало. Пользуясь моментом, я подступала все ближе и ближе, не позволяя Сэму всплыть на поверхность и заметить, что между нами осталось меньше метра.

– Ты помнишь, что случилось, когда тебе было одиннадцать лет? Что мама сделала с собой?

Лицо Сэма не дрогнуло, но дрогнули зыбкие чары, не выдерживая. Следя глазами за кровью, капающей вдоль трещин асфальта, он медленно поднял другую руку и приставил два пальца к своему виску, изображая пистолет.

– Бам, – шепнул Сэм, и голова его мотнулась в сторону, как от настоящего выстрела. В этот момент я оказалась к нему вплотную.

Прежде чем он успел оттолкнуть меня, я обхватила ладонями его лицо и крепко сжала. Сэм испуганно охнул, выдернутый из пелены грез, и забрыкался, вскидывая осколок. Тот целился мне прямо в лицо, готовый пронзить насквозь.

– *Excitare memoria et esse te!*

Осколок звякнул об асфальт, выпав из разжавшихся пальцев. Глаза Сэма закатились, и грузное тело обмякло в моих руках. Я не смогла бы удержать его, даже если бы очень старалась: он весил как десять Штруделей, плотный и бугристый из-за мышц. Сэм просто вбил бы меня в землю, как гвоздь. Поэтому, отскочив в сторону, я позволила ему наклониться и рухнуть там же, где он стоял, минуту назад погруженный в транс, а теперь – в целительный сон.

– Не смотри так! – принялась защищаться я, поймав на себе укоризненный взгляд Тюльпаны, когда что-то неожиданно хрустнуло: кажется, Сэм приземлился на нос. – Это единственный способ ему помочь, который я знаю. Когда очнется, должен быть уже в себе. А у нас пока есть время подумать, что делать дальше.

Я наклонилась и осторожно перевернула его на спину, чтобы он не захлебнулся в луже, а затем брезгливо обтерла руки о штаны.

– Ага, и как теперь волоочь такую тушу? За веревку, как санки? – буркнула Тюльпана, затравленно оглядывая переулок, где, к нашему счастью, было так грязно и мерзко, что сюда никто не спешил соваться. – Еще не дай бог подумают, что мы убили бомжа и несем его, чтобы сдать на органы. Придется украсть машину... Снова. Какой цвет предпочитаешь? Красный? Видела тут на парковке «Шевроле», пока мы бежали...

Я присела на корточки возле Сэма и потеряла давящие виски. Амнезия в мои планы не входила, но это многое объясняло. Например, его «Форд», брошенный вместе со всеми документами и вещами на обочине Эббивилля. Наверняка Рафаэль поручил отогнать туда авто одному из своих колдунов, чтобы отвести подозрения от Нового Орлеана. Ведь когда Сэм явился в город за Зои, Рафаэлю не оставалось ничего, кроме как устранить и его тоже, чтобы тот не доложил обо всем в Шамплейн. До чего же его, наверное, забавляло это зрелище – снующий

перед магазинчиком бездомный, просящий милостыню, который еще недавно угрожал тебе расправой и «Глоком»! От мысли, что кто-то так обошелся с одним из моих друзей, у меня чесались кулаки и горели вены.

– Эй, Одри, ты меня слушаешь? Я говорила...

«А ее он всегда держит поближе к сердцу...»

Не обращая внимание на Тюльпану, я придвинулась к Сэму и забралась пальцами ему под куртку. Прожженная сигаретами, она была буквально пропитана запахом тех невзгод, что ему довелось пережить. Судя по зеленым и коричневым пятнам, иногда спать Сэму приходилось прямо на сырой земле. Я сочувственно поморщилась, обыскивая его внутренние карманы. Пусто, пусто, пусто...

А это что?

Я вытащила на свет визитку из мелованной бумаги, белую, безупречную и ничуть не помятую. Сложно было поверить, что ее подложили Сэму не специально. Причем совсем недавно. Я изучила пальцами рельефный конгрев и мысленно отметила, что до Ибирвилл-стрит, указанной на обратной стороне, всего пятнадцать минут ходьбы.

– «Железная дева», – прочитала Тюльпана, бесцеремонно выдернув визитку у меня из рук. Наклонив ее так, чтобы свет заиграл на бумаге, она внимательно всмотрелась в голографическое изображение львиной пасти, которое показывалось лишь под определенным углом. – Что это? Бар?

– Похоже на то. Проверим? Только сначала надо спрятать Сэма...

– Да ладно, пусть валяется, – отмахнулась Тюльпана, вкладывая визитку под крышку компаса, чтобы тот указал нам кратчайший путь. – Кому он нужен? На обратном пути подберем.

– У тебя совсем сердца нет.

– Спасибо.

Даже не рассматривая такой вариант, я молча обошла Сэма и взяла его под мышки, с криком таща по асфальту до ближайшего угла, куда можно было подогнать машину. Этим Тюльпана и занялась, чтобы не помогать мне: уже через несколько минут благодаря ее мороку и ловкости рук, укравших ключи с брелоком-сердечком, мы затолкали Сэма на заднее сиденье красного «Шевроле».

– Как закончим, вернем машину владелице, – пообещала Тюльпана в ответ на мои вопли о том, что теперь Коул точно посадит меня за решетку. – Если будет не лень, конечно.

Убедившись, что Сэм дышит, мы надежно заперли автомобиль и двинулись на зов компаса. Впрочем, мы могли бы справиться и без него: бар действительно оказался в пешей доступности. Пятнадцать минут пешком вдоль автострады, окруженной уютными кафе и фонтанчиками с милующимися влюбленными парочками, – и вот перед нами такой же захудалый переулок, в каком Сэм едва не вспорол себе горло. Там, абсолютно неприметное, стояло здание в несколько этажей. На первом, с широкими окнами до потолка, располагался тот самый бар – над дверью мигала нелепая вывеска в форме краснотелой блондинки, одетой в рыцарскую кольчугу. Вот она, значит, какая – «Железная дева».

Сметая нас с Тюльпаной с прохода между домами, внутрь бара ввалилась компания байкеров. Они громко ругались между собой на испанском, и благодаря мимолетным урокам Диего я смогла разобрать «лучший бренди в городе» и «горячие цыпочки». Словом, это место ничем не отличалось от прочих: как и везде в Новом Орлеане, здесь за небольшую плату тебя были готовы напоить до отвала и накормить сытным гумбо. Лишь вместо джаза играло зазорное кантри – и это место тут же стало нравиться мне чуточку больше.

– Выглядит... интересно. И пахнет крылышками барбекю, чувствуешь? Ох, как давно мы не ели! – воодушевилась я, ткнув Тюльпану под ребра, но едва моя нога ступила на лестницу, как она вдруг схватила меня за шкуру и оттащила назад.

– Слишком качественная визитка для такого захолюстья, – поделилась Тюльпана своими детективными наблюдениями, вынув карточку из-под крышки компаса. – Ты хоть знаешь, как дорого стоит серебряный конгрев? А это название... «Железная дева»...

– Ты накручиваешь, – закатила глаза я, борясь не только с чувством голода, но и с усталостью. Стоило мне подумать, что я привыкла к насыщенным уик-эндам Верховной ведьмы, как жизнь снова находила способ взболтать меня, словно тесто в миксере. – Это обычный бар, Тюльпана, где Сэм наверняка опохмелялся на те деньги, что выпрашивал у горожан...

– «Железная дева», – будто не слыша меня, повторила она. – Ты знаешь, что это такое? Это второе название «Нюрнбергской девы» – средневекового орудия пыток. Тебя правда ничего не настораживает? Разуй глаза и посмотри на визитку, Одри!

Я заторможенно взяла ее из побелевших рук Тюльпаны и наклонила перед лицом. Голография замерцала, и львиная пасть разинулась, проглатывая тисненное название. Снова взглянув на бар, я сощурилась, выискивая на нем хотя бы маленькое изображение льва, но рисунок на визитке действительно казался лишним и не имел никакого отношения к месту.

– Скажи, Коул когда-нибудь рассказывал тебе о своей семье? – спросила Тюльпана внезапно, понизив голос. – Об охотниках на ведьм. Ты никогда не замечала, что у дверей христианских церквей часто строят статуи львов? Они олицетворяют величие Христа, «царя Иудейского», заступника веры и вразумляющего тех, кто отвернулся от нее.

– Орден? – догадалась я, и от одного лишь этого слова во рту у меня пересохло. – Коул говорил, от него почти ничего не осталось...

– От Шамплейн когда-то тоже почти ничего не осталось, однако же ты здесь.

Такой аргумент звучал убедительно. Кусая внутреннюю сторону щеки, я переступила с ноги на ногу и снова покрутила в руках визитку.

– Думаешь, такими визитками помечают места сборищ охотников? – решила уточнить я, и блестящий лев снова приковал к себе мой взгляд. – Эти голограммы – путеводитель для избранных?

– Без понятия, Одри. Я знаю лишь одно: стоит нам туда войти – и если это действительно одно из пристанищ Ордена, мы оттуда уже не выйдем. Ведьм, переживших встречу с охотниками, можно пересчитать по пальцам одной руки. И твой Коул не в счет, – сурово отрезала Тюльпана, разбивая в прах все мои надежды. – Ни он, ни Гидеон и рядом не стояли с теми, кто посвятил геноциду нашего рода всю свою жизнь.

– Ты права, – признала я, пряча визитку в карман пальто. Запах одеколona и чабреца, сохранившийся на ткани, придавал уверенности, крупички которой мне пришлось собрать в кулак, чтобы сказать: – Вдвоем идти слишком рискованно. Будь здесь и, если что пойдет не так, позвони Коулу и сообщи, где мы.

Тюльпана взметнула одну бровь вверх, но не проронила ни слова. Феноменально: Тюльпане, и нечего сказать, ха! Но она не была Коулом, который давал клятву следовать за мной даже в кромешный мрак и ложился на амбразуру, лишь бы не позволить мне совершить глупость. Тюльпана являлась ведьмой ковена Шамплейн и подчинялась его Верховной, как подчинилась бы ей я, поменяйся мы местами. Так было заведено, и незачем менять заведенный уклад. Она прекрасно знала это.

– Коул тебя убьет, – сказала Тюльпана равнодушно и окинула бар осторожным взглядом. – Иди и помни, что охотники пускай и не восприимчивы к магии, но они все еще смертные. Они не знают, кто ты такая, поэтому у тебя есть преимущество.

Я кивнула:

– Хорошо. У тебя есть салфетка?

Тюльпана непонимающе нахмурилась, но послушно протянула мне ее, испачканную пятнами сладкой горчицы, хот-доги с которой мы съели, посетив по пути к Рафаэлю привокзаль-

ную закусочную. Я взяла салфетку в руки и, стараясь не измазаться, разгладила ее пальцами, мысленно визуализируя образ, не дающий мне покоя.

«Мадам Саламандра. Но вообще меня зовут Зои».

Я помнила нашу первую встречу так же отчетливо, как и тот миг, когда возродила свой ковен, услышав долгожданную клятву по дороге в Берлингтон. Гадальная лавка Зои была средоточием всех традиций и культур: восточные орнаменты, греческие плеяды на стенах, благовония из мирры и ладана, элегантный сюртук из шалона на ассистенте. Я представила, будто снова нахожусь там – в маленькой комнатке, где, устроившись на пуфе в позе лотоса, Зои мирно попивает свой молочный улун. Цветастые юбки из флиса, пунцовая повязка, браслеты на запястьях и щиколотках. Оливковая кожа, желтые глаза с малахитовыми прожилками и зрачками несколько уже, чем принято у людей. Я представила, как Зои улыбается мне, как здоровается, точно впервые, и смеется, собирая вещи. Я вообразила, будто она здесь, прямо передо мной, и я могу спасти ее, не теряя.

Закрыв глаза, я выдохнула свое воспоминание на салфетку. Оно проступило на ней чернильным рисунком, превратив ветхую бумагу в цветную фотографию из плотного картона, на которой была изображена Зои. Она щурила глаза, смешно приоткрыв рот, точно сфотографировали ее во время бурного монолога.

– Зачем тебе это? – спросила Тюльпана, когда я спрятала мое первое воспоминание о Зои в карман к мелованной визитке. – Что ты задумала?

– Если Рафаэль отдал Зои охотникам, – сказала я, на самом деле ничуть в этом не сомневаясь, – то кто-то в баре должен знать, куда ее увезли. Ты сказала, мое преимущество в том, что они не знают, кто я такая... Но что, если оно в другом? В том, что они, наоборот, *будут знать* правду обо мне?

Лицо Тюльпаны вытянулось, но возразить она не успела – я уже проскочила под руками гогочущих мужчин, хлынувших шумной гурьбой на улицу, и оказалась внутри «Железной девы». Дверь захлопнулась, и я почувствовала себя так, будто действительно залезла в живое орудие пыток – вокруг стальные шипы без просветов. Одно неосторожное движение – и они раскроют тело в бесформенное месиво.

Этими шипами были пьяные мужчины и женщины, каждый из которых мог оказаться убийцей, выращенным с единственной целью – уничтожить подобных мне. Но для туристки, которая якобы заглянула в этот бар по чистой случайности, они выглядели весьма безобидно: смеющиеся, опрокидывающие стопку за стопкой, в черных кожанках, как у Диего, и многие с таким же пирсингом на лице. Розовый неон заливал все вокруг, а музыкальный автомат в углу пел, не переставая: кантри сменил хард-рок, и несколько байкеров оживились, потянувшись друг за дружкой к бильярдному столу.

*Железная дева, захлопни объятия,
Ведьмы боятся тебя пуце распятия.
Они боятся шипов, что торчат изнутри,
Боятся заснуть и проснуться внутри.*

«Да вы издеваетесь», – подумала я. Наверняка эта песня была любимой у местных завсегдатаев: кто-то кинул в музыкальный автомат монетку, ставя ее на повтор, и даже бармен начал пританцовывать.

*Железная дева, подари поцелуй,
Кровью цветы на них нарисуй.
Колыбельной станет рокот мечей,
Ласка гвоздей снимет мясо с костей!*

В воздухе повис тяжелый смог от сигарет и запах абсента. Ненавязчиво осмотревшись, я прошла уверенной походкой до барной стойки, натянув на лицо то самое выражение, с которым мне приходилось жить много лет до встречи с Коулом, – обаяние, безразличие и немного придури.

– Одну «Текилу Санрайз», пожалуйста.

Бармен смерил меня оценивающим взглядом, и, смирившись с тем, что никогда не смогу купить себе без паспорта ничего крепче пива, я показала свое удостоверение. Точнее, просто раскрытую ладонь, взглядевшись в которую бармен, зачарованный, принялся послушно открывать бутылку.

От сердца у меня отлегло: раз иллюзия действует, значит, передо мной не охотник. Неужели Тюльпана поспешила с выводами?.. Дожидаясь порцию текилы, я еще раз осмотрела бар. Несколько парочек переместились поближе к окну: то едва пропускало свет, заставленное декоративными бочками и панно. Так и не заметив ничего интересного, я обхватила губами трубочку поставленного бокала и решила действовать напрямик.

Если не могу найти сама, то пусть найдут меня.

– Я тут потеряла кое-кого... – начала я, когда мне удалось привлечь внимание бармена десятью долларами на чай. – Подруга не отвечает на звонки. Она живет тут неподалеку, вдруг к вам заглядывала?

Я говорила нарочито громко, перекрикивая музыку из проигрывателя и не стесняясь тех недовольных взглядов, которые бросали на меня соседние столики. Улыбаясь во весь рот, будто совсем не понимая, где нахожусь, я продолжила:

– Она моя ровесница, только чуть повыше, – и отмерила рукой примерное расстояние над полом. – Темная кожа, как у вас, черные вьющиеся волосы и очень необычные глаза. Словом, красotka! Ее зовут Зои, но иногда она любит говорить, будто ее зовут Мари. Обожает всякие вуду-штуки и колдовство! Ой, то есть эзотерику... Вот, взгляните.

Лишь закончив говорить, я протянула бармену салфетку-фотографию и принялась внимательно вглядываться в его лицо, чтобы не упустить ни одну перемену в нем. Но бармен совсем не удивился и ничем себя не выдал: лишь уголок его губ дернулся в похотливой ухмылке, а татуированные руки стали протирать стакан так усердно, что тот заскрипел, моля о пощаде.

– Не-а, никогда ее не видел. Действительно красивая. Я бы такую не пропустил!

Разочарованно спрятав фотографию, я откинулась на спинку стула и задумчиво помешала коктейль, якобы не замечая шевеление в углу бара. Тяжелая поступь почти заглушила музыку. Возможно, так казалось только мне, обратившейся в слух и затаившей дыхание в ожидании. Незнакомец вразвалку прошелся до барной стойки и остановился совсем рядом, задев меня локтем.

– Все в порядке, Микай? – спросил он голосом, хриплым от сигарет «Данхилл», пачка которых торчала из переднего кармана его куртки. Я вдохнула запах кукурузного виски, но не повернулась, до последнего изображая безучастность. – Помощь с баром не нужна?

Черноглазый юноша с короткими смоляными волосами привалился к стойке боком и подался ко мне. Я медленно проскользила взглядом от перстня с черным опалом на его руке до ветви оливкового дерева, вытатуированной на шее. Мускулистый и светлокожий, с греческим профилем, юноша явно был не старше меня. Однако, несмотря на возраст, руки у него были как у закаленного бойца: мозолистые, сухие, со вздувшимися венами и разбитыми костяшками. Так же выглядели руки Сэма – вечного любителя драк и проблем на свою задницу. Он научил меня, что от людей с такими руками никогда не стоит ждать добра.

– Девочка свою подругу разыскивает, – объяснил бармен. – Взгляни на фото, Дарий, может, видел ее? Ты порой здесь чаще меня ошиваешься, да и каждую девчонку знаешь. Только по тому, что под юбкой, правда...

Так называемый Дарий пропустил остроту мимо ушей, сосредоточенный на мне. Глядя ему в глаза так же бесстрашно, как я уже не раз смотрела в глаза смерти, я молча протянула Дарию фотографию.

– Как, говоришь, ее зовут? – спросил он, нахмутив брови.

– Зои.

Дарий всмотрелся в фото. Глянцевое лицо Зои на снимке отразилось в черных зрачках, но не встретило ответной реакции... Потому что для охотников то была не фотография, а обычная бумажная салфетка. Коул бы на месте Дария растерялся и тактично намекнул мне, что я сошла с ума, но этот притворялся мастерски. А я была абсолютно уверена, что это притворство: на миг рот его скривился, взгляд забегал, ища, за что же зацепиться. Под гнетом железного самоконтроля, который таким, как он, прививали с детства, он все-таки совладал с собой и уставился на пятно от горчицы. Изобразив глубоко задумчивое выражение, Дарий пожал плечами.

– У нее такие красивые... глаза. Желтые, как янтарь, правда? – произнес он и покосился на меня: угадал ли? Я улыбнулась, заставляя его испустить вздох облегчения, ведь он действительно угадал. Ему не нужен был никакой снимок, чтобы сложить два и два: понять, кого я ищу, и догадаться, что этого самого человека он пытал накануне. – Хм, Зои, говоришь... Увы, никогда ее не видел.

«Ты чувствуешь этот смрад? Кислый, как уксус. Так пахнет ложь».

– Жаль, – вздохнула я, забирая фотографию назад.

Соседний стул отодвинулся и скрипнул под весом Дария. Он уселся рядом и улыбнулся во весь рот. Надо признать, улыбка у него была обворожительная. Даже небольшие сколы на передних клыках придавали шарма. Почему-то мне подумалось, что это не единственная отметина на его теле, оставленная наследственным промыслом.

– Хочешь выпить? – предложил вдруг он, маскируя свой охотничий интерес ко мне под романтический. – Если ты не местная, то просто обязана попробовать «Сазерак»! Пила его когда-нибудь?

– Хм, кажется, нет.

– Это фирменный новоорлеанский коктейль. Бурбон, коньяк, абсент, биттер пишо – что может быть лучше? Заодно расскажешь, что стряслось с твоей подругой... Как тебя там зовут?

– Дарси, – представилась я, устроившись на стуле поудобнее и тем самым приняв щедрое приглашение. – Я из Балтимора. Пару месяцев назад подруга отправилась в Новый Орлеан по учебе, а потом перестала выходить на связь. Я забеспокоилась... ну и приехала разузнать все сама. Даже не знаю теперь, где мне ее искать. Вся семья всполошилась!

– Значит, вы родственницы? – с любопытством поинтересовался Дарий.

– Не совсем... Сестры по духу, я бы сказала. У нас большое... сообщество. Женское, – протянула я, делая вид, что подбираю слова с осторожностью, стараясь не проболтаться.

Дарий клюнул легко. Если обычным мужчинам, чтобы одурачить их, нужно было показать декольте, то таким, как он, нужно было намекнуть на свою принадлежность к ковену. Так просто, что даже скучно.

Щелкнув пальцами, чтобы привлечь внимание бармена, Дарий крикнул ему на другой конец стойки:

– Эй, Микай, налей мне как обычно. А девушке сделай «Сазерак» по нашему фирменному рецепту. И биттер пишо не жале! Вкус похож на лакрицу. Тебе точно понравится.

– Не сомневаюсь.

Я послушно дождалась, когда бармен смешает с несколькими кубиками льда лошадиное количество алкоголя и украсит все это долькой апельсина. Готовая жидкость в граненом бокале оказалась оранжево-золотой и действительно пахла лакрицей с нотками цитруса. Я повела над бокалом носом и, пока Дарий тянулся за бурбоном, наклонила его, лизнув бортик.

«Это не «Сазерак».

Всего в одной капле коктейля я узнала своего брата. Он был во всем: в медово-горчичном вкусе, оседающим на языке; в сладком травяном аромате, внушающем доверие, но отравляющим; в солнечном цвете напитка, навевающим воспоминания о бархатных цветочных лепестках. Если правильно растолочь их и выпить даже полстакана, сон пленит мгновенно. В первый раз, когда меня обманом заставили сделать это, умерла вся моя семья. Во второй раз могла умереть уже я.

«Не лакрица... а маттиола».

И никакой биттер пишо не смог бы ее замаскировать. Абсент притуплял вкус, сбивал с толку и путал, но недостаточно. В коктейле определено была маттиола – любимая сонная трава Джулиана.

– За знакомство? – улыбнулся Дарий, поднимая свой стакан с бурбоном.

Секунда колебаний, которую он не заметил. Мимолетный взгляд на окно, за которым осталась вся моя надежда. Глубокий вздох перед тем, как впасть в отчаяние.

– За знакомство, – сказала я, осушая коктейль до последней капли.

III. Сад Прозерпины

Здесь было тепло, мягко и уютно. Полный штиль – никакого ветра. Казалось, я дышала не воздухом, а вином – вязким и опьяняющим. Чистое небо цвета сизого бархата, каким был обит мой гримуар, источало искрящийся свет. Его жидкий янтарь пролился на мою кожу и затопил собой весь мир. Этот же янтарь держал мое тело в объятиях, заставлял плыть в невесомости. Два серых глаза напротив – единственное, что выделялось на фоне прекрасной золотой вселенной.

– «Здесь, где цветов и злаков не выбьется росток, растет лес мертвых маков, безжизненный осок. И Прозерпина в чашах трав тех, дурман таящих, для непробудно спящих готовит сонный сок»³, – прочитал Джулиан, раскрыв томик Алджернона Чарльза Суинберна на коленях. – Ты знаешь, куда он везет тебя, милая Прозерпина?

Я фыркнула, подложив руки под голову, и с разочарованием взглянула на Джулиана:

– А тебе какая разница? Лучше продолжай читать.

Как всегда, сделав все наоборот, Джулиан захлопнул книгу и плюхнулся рядом – на податливую и упругую поверхность моего сна.

– Зачем ты выпила настой из маттиолы? – продолжил мучить меня расспросами он. – Я изощрялся, в чай ее подмешивал, с медом и розовым маслом толлок... А можно было, оказывается, прямо сказать, что я собираюсь тебя отравить, и ты бы сама у меня кружку из рук выхватила!

– Твои шутки неуместны, – огрызнулась я, отворачиваясь в противоположную сторону, лишь бы не смотреть на эту улыбку, копирующую мою; эти волосы, цвет которых принадлежал мне, и эти черты лица, что я буду видеть в зеркале каждое утро до конца своей жизни. – У тебя никогда не было человека, которого ты поклялся вести за собой и защищать, но не уберег.

– Хм, разве? – Джулиан заворочался за моей спиной, и я вслепую пнула его в коленку. – У меня было даже несколько таких людей... Пока я их всех не убил. Однако твоя забота о Зои очень трогательна. Спусти столько времени... Лучше поздно, чем никогда, верно? Зои-Зои, бедная Зои...

От этого имени, повторенного моим мертвым братом-близнецом трижды, на сердце заскребли кошки.

– Она в Ордене, – прошептала я, наблюдая, как пальцы проваливаются сквозь золотое нечто. Чувство спокойствия уже начало таять, как и сновидение, – самый приятный эффект настойки подошел к концу. – Я должна была попасть туда любой ценой, Джулиан. Любой...

– И попадешь, – пообещал брат. – Но выберешься ли?

Его рука вцепилась в мои волосы, разворачивая к себе, как в ту самую ночь, когда я попробовала маттиолу в первый раз. И тогда, и сейчас он заставлял меня смотреть ему в глаза, а сам улыбался – дико, нездорово. Я скосила глаза на его ладонь, прижавшуюся к моей щеке: она липла к коже, мокрая. Вода стекала с Джулиана, будто он только что вынырнул из бассейна, и меня скрутил озноб. Прекрасное молодое лицо с кошачьим разрезом глаз и островками светлой щетины на подбородке вдруг посинело.

– «Здесь сонные долины, их не найдет весна. В чертогах Прозерпины лишь черный мак для сна. В свой срок сомкнем мы веки, в свой срок уснем навеки. В свой срок должны все реки излиться в океан», – прошептал Джулиан мне в губы.

О, это прекрасное лицо... изуродованное эгоизмом нашей матери, а потом мной.

– Что ты там бормочешь, ведьма? – сказал Джулиан, но уже не своим голосом. – Очнулась? Как-то слишком быстро. Неужто Микай попутал дозировку...

³ «Сад Прозерпины». Перевод М. Донского.

Следом за водой с Джулиана потекли краски, словно кто-то поднес к сливочному маслу паяльную лампу. В конце концов образ Джулиана растаял и исчез во тьме. То было пробуждение сознания, но физическое тело все еще дремало. Конечности, налитые свинцом, не позволяли мне пошевелиться, однако слух вернулся, как и способность мыслить. Если бы от этого еще был толк...

– Извини, – сказал Дарий откуда-то извне, по ту сторону кокона, не пускающего меня в реальность. – Немного не рассчитал.

Я хотела бы уточнить, что он имеет в виду, но лоб, запульсировавший от боли, расставил все по своим местам. Кажется, Дарий приложил меня головой о дверцу машины, пытаясь запахнуть на заднее сиденье. Аккуратность – точно не его конек.

– М-м...

– Что-что, ведьма? – усмехнулся с издевкой Дарий, которого я не видела за неподъемными веками, но прекрасно слышала. – Говори громче!

Убаюкивающая качка и теплый воздух, обдувающий лицо. Запах мятной жвачки и кожаных сидений. Задорный голос ведущего по радио, даже не подозревающего, что один из слушателей его прогноза погоды – потомственный убийца. Да, мы определенно ехали в машине: кажется, мои ступни упирались в дверцу. Где-то в багажнике позвякивало оружие, подпрыгивая вместе со мной на кочках.

Собрав всю волю в кулак, я попыталась открыть глаза, но тщетно. Совсем ватная и беспомощная – делай со мной что хочешь! И как я только решилась пойти на это?

Выражая мычанием протест против фирменных новоорлеанских коктейлей и всего происходящего, я вяло дернула рукой, нащупывая край сиденья. Джутовая веревка не дала пальцам далеко уползти, удерживая мои запястья вместе.

– Ко... – снова попыталась заговорить я, еле-еле ворочая онемевшим языком. – Ко...

– Говори же, дорогая, я весь внимание!

– Козел.

Дарий хмыкнул, продолжая вести машину. Я буквально чувствовала его взгляд в зеркале заднего вида. Он походил на прикосновение, грубое и не спрашивающее разрешения. Будто жуки забирались под одежду.

– Почему... – выдавила я, борясь со слабостью из последних сил, чувствуя, как тьма вновь наваливается мягким кошачьим пузом, не оставляя шансов. – Маттиола...

– Почему не транквилизатор? – догадался Дарий, и я услышала громкий гудок соседнего автомобиля, когда он внаглую подрезал кого-то на трассе. Машина вильнула в сторону, и я едва не скатилась под сиденье. – Раньше мы использовали фенотарбитал, но нынче его трудно добыть. Да и просыпаетесь вы чересчур быстро... Видимо, дело в вашем суперусиленном ведьмовском метаболизме. Маттиола оказывает на вас более долгий эффект. Кое-кто из ваших научил нас правильно ее готовить. Правда, сложно замаскировать вкус так, чтобы вы его не узнали, но «Сазерак» прекрасно справляется с этой задачей! Разим ведьм их же оружием. Надежно, быстро, иронично! Девиз охотников двадцать первого века.

Будто в подтверждение его слов, на меня накатила вторая волна снотворного. Чувствуя, что эффект маттиолы возвращается, я сдалась и позволила сознанию затухнуть, вслушиваясь в шелест дождя за окном. Другого выхода все равно не было – только отдалиться судьбе и позволить Дарию везти меня туда, куда не должна была ступать нога ни одной ведьмы.

– Джеф, я уже еду... Ой, не начинай! Почему ты вечно недооцениваешь меня?! По-твоему, я бы не понял, что она... Ага-ага, конечно... Все, увидимся!

Сумбурное бормотание на заднем фоне. Мобильный звонок и ругань Дария. Незнакомые имена.

Сложно было сказать, сколько времени прошло, – я совсем потерялась, балансируя на грани сна и яви. В какой-то момент звуки дороги и ворчание Дария, явно не славящегося

навыками вождения (нас постоянно мотало из стороны в сторону), сменились на хруст гравия. Несмотря на то что сонный паралич вернулся, я по-прежнему могла думать. Могла слушать. И проклинать себя за то, что мне хватило ума оказаться здесь. В конце концов машина встала. Я мысленно зашипела от грубости мозолистых рук, схвативших меня за лодыжки после того, как открылась дверца.

– Вот мы и дома, принцесса.

Ветер облизал лицо, как приветливый щенок, – все еще теплый и знойный даже зимой. Очевидно, мы оставались в пределах штата Луизиана, и это успокаивало: Тюльпане будет проще выследить нас, если пристанище Ордена поблизости от Нового Орлеана. Тем временем Дарий перекинул меня через плечо, как спортивный ранец, и мое пальто нелепо задралось до самой поясицы.

– Да-да, знаю, тебе неудобно, – прокомментировал Дарий, когда я недовольно заерзала: какая-то из косточек его мускулистого плеча впиалась мне в живот. – Потерпи немного. В темноте куда комфортнее!

Это звучало совсем не обнадеживающе, и я вновь затихла, решив поберечь силы. Пробуждение от маттиолы всегда было таким: рваным и похожим на спуск по реке. Ты ныряешь под воду, успев лишь задержать дыхание, а затем тебя выталкивает наверх и припечатывает лицом о камень. Ты гребешь, но не можешь добраться до берега, потому что бурный поток никак не кончается. Вспышка. Сон. Вспышка. Сон. И так по кругу.

Реальность разбилась на фрагменты. Вот Дарий несет меня, а уже в следующую секунду ковыряется ключами в замке, сбросив меня на пол и даже не пожалев мои расшибленные колени. Спустя еще мгновение я услышала гулкое эхо собственного дыхания и скрежет цепей, что заменили джутовую веревку на руках. Здесь было промозгло, как в могиле, и пахло не лучше. Где-то пищали крысы, и на миг мне почудилось, будто одна из них – шерстяная тяжелая тушка – сорвалась откуда-то с потолка и упала мне на голову.

Я беззвучно вскрикнула и распахнула глаза, сбросив с себя изнурительную дрему. Наконец-то.

– Проклятье! Микай все-таки ошибся с дозой. Осточертело ждать!

Судя по тому, что с моих волос и носа капала ледяная вода, Дарий действительно потерял терпение. Железное ведро упало и покатилося у меня между ног.

– Где я?

Но стоило глазам привыкнуть к темноте, как все стало понятно и без слов: стены из серого камня, необлицованные и покрытые пушистым мхом от влаги; тесная комнатка на пять квадратных метров без какой-либо мебели, за исключением стула, на который меня и посадили. Сложно было разглядеть что-либо снаружи за кованой решеткой: несколько плоских светильников под потолком едва справлялись со своей задачей, освещая коридоры так скудно, что это место напоминало винный погреб. Где-то там, вдалеке, у пустующей соседней камеры мне почудились очертания бочек. Может, действительно заброшенная винодельня?

Мороз свел судорогой мышцы. Здесь было настолько холодно, что дыхание почти клубилось. Холод этот источали сами стены, и я постаралась представить, насколько глубоко под землей мы можем находиться. Хоть и одурманенная, я отлично помнила, как у меня закладывало уши: Дарий точно спускался по крутой лестнице, тянущейся бесконечно-бесконечно вниз.

– Ну как? Очухалась?

Все то время, что я приходила в себя и полусонно оглядывалась, сам Дарий вальяжно сидел напротив. Он будто испытывал меня, не моргая: буравил взглядом и ждал, когда же я расплачусь и начну молить о пощаде. Но едва ли это место было страшнее, чем то, в котором я провела целый месяц, заточенная в собственном сознании. Ох нет... Я лучше бы прожила полгода в камере Дария, чем вернулась в Ведьмину башню еще хоть на один день!

Так и не дождавшись от меня испуга, Дарий разочарованно выдохнул. Перевернув свой стул, он поставил подбородок на спинку и раскрутил в пальцах нож – маленький, явно металлический, с обтекаемой формой и зазубренным кончиком, чтобы, врезаясь в плоть, оставаться там навсегда. Кажется, мой старший брат Маркус называл такие ножи «кунай». Я сглотнула неестественную сухость во рту, отдающую цветочной горечью, и многозначительно повела бровью:

– И?

– Что «и»?

– Как называется то, что ты сейчас делаешь? «Пытка зеленой тоской»? Если так, то молодец, ты справился. Давай что-нибудь повеселее.

– Ты хочешь повеселее? – переспросил Дарий. Его актерское мастерство было не таким совершенным, как мое, а потому ему не удалось выдать удивление за насмешку. – Что же... Можем пропустить аперитив и сразу перейти к основному блюду. Значит, ты родом из Вермонта, да? – И, дождавшись, когда я позволю себе немного приподнять брови, выражая согласие, Дарий спросил в лоб: – Ты из ковена Шамплейн?

Это было ожидаемо, ведь я сама сказала о Вермонте лишь для того, чтобы поймать Дария на крючок. Несмотря на это, внутренняя дрожь так и норовила выдать меня с потрохами. Зубы почти стучали. Но я, как и прежде, невозмутимо солгала:

– Нет. Ты что, не слышал? Этот ковен давно вымер.

– Правда? А твоя подружка Зои-Мари сказала, что она именно оттуда... – Дарий сделал драматическую паузу, наблюдая за моей реакцией, и придвинулся еще ближе. Ножки стула оставили на отшлифованном полу две длинные бледные черточки. – Он бы не стал подсовывать ее нам просто так.

– Кто «он»?

– Верховный колдун Вуду, – ответил Дарий без запинки.

– Вы сотрудничаете с ведьмами?

– Да, иначе вас невозможно было бы выследить. Это жертва, которую приносили еще наши предки: один живой колдун против десятка истребленных. Простая математика.

– Хм. – Я опустила глаза, обдумывая то, что, собственно, давно сама подозревала, и заметила с сомнением в голосе: – Не боишься сдавать свой источник?

– А ты правда надеешься выйти отсюда живой? К тому же хочется ведь с кем-то языком почесать. Мой напарник сейчас в отъезде, а твоя подружка нынче и двух слов связать не может... Ты же новенькая, интересная. Ещё в трезвом уме.

Дарий пригладил пятерней встрепанные смоляные волосы и улыбнулся так, будто мы ужинали в ресторане и он пытался обаять меня, чтобы продолжить свидание в более укромном месте. Если бы не цепи на руках и отсутствие сервированного стола, я бы даже поверила, что действительно ему нравлюсь.

– Так вот, Шамплейн... Нам известно, что почивший ковен-то снова жив, цветет и благоухает, как майская роза. Ты знаешь, где найти его Верховную ведьму? – неожиданно спросил Дарий, и в черноте его глаз я увидела собственное лицо, белое как полотно. Выпитая маттиола совсем изжила румянец, а услышанное – все веселье. – Верховная Шамплейн... Кто она? Как ее зовут?

Живот скрутило.

– Понятия не имею, – выдавила я. – Но ох, бедняжка, мне уже ее жалко. Как же повезло, что я – не она!

Дарий измученно застонал и, кажется, поверил мне. Решив, что не воспользоваться откровенностью Дария будет кошунством, я осторожно спросила:

– А зачем вы ее ищете?

– Видишь ли... Верховная Шамплейн припрятала у себя кое-что, что охотники выслеживают долгими тысячелетиями. Точнее, *кое-кого*.

Заинтригованная, я едва сдержалась, чтобы не проявить неуместный напор, который мог бы перечеркнуть все мои старания. Вместо этого я поставила в голове галочку и подняла запястья, скованные железом. Ржавчина на нем царапала нежную кожу, заставляя меня гадать, уязвимы ли ведьмы для столбняка.

– Видимо, у тебя совсем голова этим Шамплейн забита, раз ты забыл о соли.

– Что? О соли? – переспросил Дарий, резко придвинувшись ближе и часто-часто заморгав.

– Да, морской, которую вы, охотники, втираете во все подряд, чтобы нам было больнее. Разве цепь не должна быть смочена в соленой воде? – принялась допытывать его я. – Ты ведь должен знать, что соль – наша слабость. То есть, если мы заговорим ее и примем внутрь, она сделает нас сильнее на время, но вот обычная соль и ее прикосновение к телу... Ух, это очень неприятно!

– Хм, я как-то упустил этот момент, – признался Дарий, постучав пальцем по подбородку. На нем была белая майка с неотстиранными пятнами чего-то темного, багряного... Рабочая одежда. Она оттеняла его бронзовый загар и розовые шрамы, испещряющие ключицы и руки с проступившими лозами вен. – Джеф часто говорил про соль, но мы давно не обновляли запасы, так что... Погоди-ка. – Оливковая ветвь, вытатуированная на шее, будто разрасталась, когда Дарий качал головой. – Ты сейчас даешь мне совет, как тебя пытать?!

– Ну сам же ты явно не справляешься, – подметила я, осторожно обернувшись. За моей спиной оказалась двухъярусная тележка, похожая на чайную. На поверхности ее, однако, был разложен совсем не чай, а изощренные инструменты – не то садовые, не то маникюрные. – Слышала твой телефонный разговор с «другом» в машине. Он не верит в твои способности, да? Сколько тебе лет? Двадцать? Наверняка еще маловато опыта в пытках... А у меня его предостаточно.

Удивительно, как ровно звучал мой голос – ни одной срывающейся нотки, ни одного намека на то, как быстро у меня билось сердце. Я не боялась боли, пыток или смерти – я боялась того, что последует за ними, если я так и не смогу отыскать Зою. Ведь стоило Дарию переступить порог подземного убежища со мной на плече, как что-то внутри оборвалось – и соединилось заново. Вернулось чувство связи, нить которой была протянута между мной и Зою, даже несмотря на разорванный ковенант и многокилометровое расстояние. Она определенно находилась где-то здесь.

«Помоги мне, Одри. Найди меня».

Я попыталась заглянуть Дарию через плечо, привстав со стула и вглядываясь в темноту за решеткой, но он одним грубым толчком вернул меня на место.

– А у тебя-то откуда опыту взяться, ведьма? Ты не старше меня, – сощурился он, и его рука, протянувшись мне за спину, принялась рыться на подносе. – Ах да, точно, вечно забываю: *юный лик – старая душа*. Черт разбери, сколько вам на самом деле лет. Сто, двести...

– Двадцать один исполнилось в мае, – язвительно сообщила я. – Но опыт имеется, да.

– Как и опыт во лжи, полагаю?

Взгляд Дария потемнел, и я поняла, что мое актерское мастерство было вовсе не таким блестящим, как мне казалось. Но это уже неважно.

– Да, – согласилась я, опустив голову. – Как и во лжи. Вот почему никогда нельзя забывать о соли. *Rhyddid!*

Я закрыла глаза и потянула запястья в разные стороны. Цепи натянулись и загромыхали, настолько тяжелые, что у меня начинали ныть плечи. Я услышала, как захрустели звенья, но...

Они так и не сломались.

– Какого... – начала я, забыв, как дышать, и судорожно повторила заклятие разрыва. Звенья цепи лязгали, но не более того – магия будто не могла пробиться в металл, чтобы подчинить его себе и освободить меня. Чувствуя, как вместе с жаром в груди поднимается паника, я метнула непонимающий взгляд на Дария. Тот сидел, барабана пальцами по спинке стула, и даже не пытался мне помешать. Просто знал, что ничего не выйдет.

– Стены, – пояснил он, обведя подбородком свод камеры. Я запрокинула голову, вглядываясь в темный ребристый камень, безжизненный и пустой – во всех смыслах этого слова. Такой же пустой он делал каждую ведьму, угодившую в его плен. – Надо отдать должное древним охотникам: они не просто возвели по замку в каждом городе, где обитало больше всего ведьм... Они *закалили* все камни собою. Говорят, охотников хоронили прямо в фундаменте – это не позволяло магии просачиваться внутрь крепостей. – Дарий мечтательно вздохнул: – Раньше мы были невероятно сильны! Магия не просто не действовала на нас – она вымирала там, где ступала наша нога. Мой учитель Джеф говорит, что эта способность слабела с каждым поколением охотников, но у нас есть шанс вернуть ее. Если будем очень стараться. И много убивать.

Дарий улыбнулся, и что-то на подносе за моей спиной снова загрохотало. Я успела лишь плотно стиснуть челюсть, чтобы зубы не вылетели из рта: одним ловким движением стащив с подноса чугунные щипцы, он вскочил, замахнулся и ударил меня ими по лицу. В ушах зазвенело. Не притупляй боль маггиола и воспоминания о Башне, я бы вновь отключилась, харкая кровью себе на колени.

– Еще раз попробуешь колдовать... – прошипел Дарий мне на ухо, запрокинув мое лицо к своему подбородку. Его большой палец не то случайно, не то намеренно оттянул мою нижнюю губу, разбитую и быстро опухающую. – Еще хоть одно заклятие вырвется из твоей грязной пасти... И этими щипцами я начну отрывать от тебя по кусочку, пока ты не забудешь их все до последнего! Шривпорт до утра будет слушать твои визги и думать, что кто-то режет поросенка. Ты поняла меня, Дарси? Или как там тебя зовут. Отвечай! Ну!

– Поняла, – выдавила я хрипло, и вместе со словами наружу брызнула еще одна багряная струйка.

– Замечательно.

Я стиснула зубы, защищая их от второго удара щипцов. Несмотря на то что Дарий вкладывал в него неполную силу, он все равно раскроил мне щеку и чуть не оставил без глаза. Вполне удовлетворенный этим, Дарий швырнул щипцы на металлическую поверхность столика и пнул ногой мой стул с такой силой, что я опрокинулась вместе с ним на спину.

Слезы брызнули из глаз. Однако мозг, воспаленный, как и мое лицо, уцепился лишь за одно слово – *Шривпорт*. Значит, вот где мы. Почти четыреста миль от Нового Орлеана... Черт!

– О, а это у нас что такое?

Дарий наклонился, подбирая что-то из-под ножек моего стула. Это «что-то» отлетело туда с характерным мелодичным звуком. Я чуть не сломала себе шею, пытаясь выгнуться и увидеть, что мои опасения напрасны. Но, увы, Дарий действительно крутил в пальцах бронзовое зеркальце Коула, вылетевшее из кармана моего пальто.

– Любопытная побрякушка. Заколдованная? – спросил он, потряхивая его в руке. – Выглядит дорогой. Пожалуй, оставлю себе.

Я не привыкла молчать тогда, когда мне было что сказать, поэтому сделать это сейчас стоило титанических усилий. Мысленно обещая себе, что Коул даже не узнает, в каких мерзких лапищах побывало его любимое зеркало, я глубоко вздохнула и позволила уроду его забрать.

– Советую тебе поскорее вспомнить что-нибудь полезное про ковен Шамплейн, – бросил Дарий напоследок, открывая решетку. Не то от душного воздуха, не то от перевозбуждения его майка пошла пятнами пота: они разошлись на груди и на спине, а лоб блестел в свете потолочных светильников. Мой блестел точно так же, только от собственной крови, забрызгавшей

все вокруг. – Мой наставник не такой терпеливый. Я обещал приберечь тебя для него. Уверен, вы хорошо проведете время.

Я проводила Дария угрюмым взглядом исподлобья, морщась от головной боли и эха щелчков, раздающихся в замке при повороте ключа. Дарий запер меня и, несколько раз дернув решетку для надежности, ушел прочь, оставив меня наедине с холодом, тошнотой и цепями в лужице собственной крови.

– Ублюдок, – прорычала я себе под нос и с третьей попытки извернулась так, чтобы переползти на колени и подняться, опираясь связанными руками о тележку.

Дарий настолько не боялся меня, что оставил наедине с самыми изощренными приспособлениями времен Инквизиции. Более или менее придя в себя, я принялась рыться в них, убрав с лица волосы, прилипшие к щекам. «Вилка еретика», ручная пила, секатор... Выбрав последнее и попробовав раскусить ими цепь, я лишь потерпела неудачу: от крови, склеившей пальцы, и слабости щипцы выскальзывали. Понятно, почему Дарий не удосужился прибраться здесь, забрать инструменты с собой или хотя бы привязать меня к стулу. Что я способна сделать ему, лишённая не только физической силы, но и магии?

Мрачно осмотрев полукруглый свод камеры, похожей на пещеру, я стукнула по решетке локтем в бессильной злобе.

«Разве ты не помнишь? Сила древней охоты... Если магия – зараза, то они пенициллин. Излечивали от колдовства все, чего касались. Не только себя».

Внутренний голос был прав – мне следовало догадаться. Но кто знал, что антимагическая аура сохраняется веками, даже если охотники уже несколько поколений как утратили возможность ее источать? Я прекрасно помнила те зловещие кровавые видения, что показала мне Башня, заперев мое сознание в одной из темниц Средневековья. Первые охотники были не просто невосприимчивы к колдовству; эта невосприимчивость струилась из них, как свет, озаряя все предметы, что оказывались в радиусе их досягаемости. Вот почему мечи столетиями передавались от отцов к сыновьям и по сей день ценились выше, чем огнестрельное оружие, – впитав иммунитет предков, мечи закалились, как и те места, где веками обитал Орден.

– Поэтому я и не слышала зова Зои, – прошептала я, скользя подушечками пальцев по шероховатому камню, пропитанному охотничьим духом, как бисквит сиропом. – Замок сдерживает магию... Но везде ли? Дарий сказал «темницы»... А что насчет коридоров? Других комнат?

«Выберись отсюда – и узнаешь ответы на все свои вопросы».

– Да, только вот делать это придется по старинке, – буркнула я, подходя к решетке и примеряясь к толстым неприступным прутьям.

Чтобы прогнуть или раздвинуть их, потребовалась бы недюжинная сила, а чтобы выломать – как минимум бульдозер. Железные, кованые, они тоже были закалены охотниками: дотрагиваясь до них, я чувствовала, как магия уходит сквозь пальцы и превращается в ничто. Неудивительно, что тело, еще вялое и неуклюжее, вблизи двери и вовсе переставало меня слушаться. Отодвинув стул в самый угол, я позволила себе немного посидеть в покое и подумать, присматриваясь к увесистому замку по ту сторону решетки. Ох, вот найти бы острый бульжник, да поувесистее...

– Ладно, и так справлюсь. Что я, никогда в тюрьме не сидела, что ли? – попыталась приободриться я, судорожно хлопая связанными руками по волосам в поисках пары заколок, которые завелись там с тех пор, как челка, отросшая, стала лезть мне в глаза. – Вот ты где, крошка!

Я с облегчением вытащила из спутанных прядей маленькую тощую шпильку, которая лишь с божьей помощью не слетела вместе с остальными, пока Дарий нес меня на плече и тряс, как соломенное пугало. Будучи скованной, с трясущимися пальцами, как после слишком веселой вечеринки, вскрыть замок по заученным урокам с «Ютуба» оказалось не так-то просто. И все-таки я принялась упрямо ковыряться в нем, щури глаза, чтобы хоть что-то

высмотреть в полумраке. Каждую секунду мне приходилось проглатывать приступы тошноты и вязкую слюну, кислую от подступающего желудочного сока. Безмерно хотелось вернуться в угол камеры и вырубиться хотя бы на пару часов, но время поджимало: Дарий мог вернуться в любой момент. Впрочем, кажется, пару раз я все-таки отключалась, но, приходя в себя на полу, снова поднималась и возвращалась к работе.

Ворча и проклиная каждый кирпичик этого места, я провозилась с замком по меньшей мере несколько часов, прежде чем раздался долгожданный щелчок. Затем еще один и один... От восторга я почти запищала.

Ну же, еще чуть-чуть!

– Что ты делаешь?

Я подпрыгнула на месте, и шпилька выскочила из вспотевших рук. Проследив взглядом за тем, как она, отскакивая от пола, летит прямо в ноги Дарию, я стиснула пальцами прутья решетки и побледнела. Он возник буквально ниоткуда, и неизвестно, сколько уже простоял там. Наверняка наблюдать за моими жалкими попытками из темноты коридора было уморительным зрелищем. Но в глазах Дария не читалось ни капли гнева. Такие же черные, как сердца всех охотников, когда-то живших здесь, они отражали лишь неподдельное любопытство.

– Я чинила замок, – соврала я, с озабоченным видом постучав по нему кулаком. – Такой хилый! Того и гляди какая-нибудь ведьма из клетки выберется. Лучше же не доводить до такого, правда?

– Правда, – кивнул Дарий серьезно, прислоняясь спиной к колонне.

За ней кто-то зажег керосиновую лампу, подвешенную за канат на один из потолочных крючков. Должно быть, раньше на них подвешивали живых ведьм... Лампа освещала пятна пота на груди Дария, проступившие там еще во время нашего допроса. Почему они не высохли? Чем он занимался все то время, пока не мучил меня? Мучил кого-то другого?

– Знаешь, я тут одного паренька встретил... – начал Дарий издали. – Говорит, твой приятель. Пришлось принять его со всем радушием и поселить в лучшие покои Ордена.

Мое лицо окаменело, в то время как ребра трещали под натиском бури. Я почувствовала, как замерло сердце, но, ничем себя не выдав, равнодушно ответила:

– Не понимаю, о чем ты. У меня нет приятелей. Только сестры. В тот ковен, откуда я родом, мужчин не берут.

– Конечно-конечно. – Дарий приблизился, а я попятилась, восстанавливая дистанцию между нами, хоть нас и разделяла металлическая решетка. – Уверен, ты его вспомнишь, когда увидишь. Такой высокий, смуглый, весь в черных крутых тату... С синими, как океан, волосами.

Холод каменных стен перестал щипать кожу – он пробрался внутрь, просочился между костями и впитался в них. Ничего теплого во мне не осталось. Чтобы не задохнуться, пришлось дышать урывками. Вдох-выдох. По секундам.

Только не паникуй, Одри.

– Ох, а глаза у него как бирюза! – продолжил Дарий, упиваясь своим превосходством. – Такой красавчик, просто слов не найти! А как силен и храбр... Наверняка все женщины так и норовят запрыгнуть к нему в постель. Да что там женщины... Даже мужчины! Я бы тоже не отказался.

– Э-э... Чего?

Когда я уже хотела усомниться в трезвости своего рассудка, черты лица Дария вдруг куда-то поплыли. Под ними проступило черты совсем иные: резкие, тонкие, как пальцы в агатовых перстнях, в которых он крутил мою поднятую шпильку. Смоляные волосы посветлели, окрашиваясь в васильковый, а кожа покрылась загаром, высеченным солнцем пустынь. Весь метаморфоз занял не больше минуты – и вот передо мной стоит колдун с той самой бирюзой

вместо глаз, насмешливым взглядом и обворожительной улыбкой, заставляющей металлическое колечко в губе вилять.

– Твою мать, Диего! – воскликнула я, но он тут же прижал ко рту палец и зашипел, призывая меня умерить свой пыл. – Нашел время для розыгрышей! Какого черта ты здесь забыл?!

– А разве не ты посылала Тюльпану за подмогой? – уточнил тот, прильнув к решетке лбом. – Они с Коулом тоже здесь. Мы разделились. Ужасно выглядишь, кстати. – Диего обвел указательным пальцем мое лицо, которое, должно быть, представляло собой кровавое месиво, и ноздри у него раздулись от гнева. – Тебя били? Вот же *hijo de la chingada!*⁴ Ну ничего, вернемся домой, и я тебе такие энчиладас сварганю, что ты быстро об этом кошмаре забудешь! Весь смак в остром томатном соусе. А если добавить немного табаско...

Предаваться фантазиям о мексиканском ужине, стоя в сердце охотничьей цитадели, мог только Диего. Кажется, Орден действительно ничуть не страшил его. Интересно, это потому, что он никогда не встречался с охотниками лично, или потому, что у него всегда был такой ветер в голове, что свист его слышался за милю?

– Да-да, я поняла, ты умеешь готовить энчиладас. Вы с Коулом прямо как Чип и Дейл, – похвалила я. – Даже пиццу не привозят так быстро, как вы приехали меня спасать!

– Быстро?! Ты в курсе, что мы искали тебя почти два дня, Одри?

Я приоткрыла рот, но не нашлась что ответить. Под убойной дозой маттиолы, задушевыми разговорами с Дарием и в тотальной изоляции время ощущалось совсем иначе. Башня была первым тому доказательством, а Орден – вторым. К тому же я несколько раз теряла сознание...

Ох, какой же разнос мне устроит дома Коул!

– Когда это ты научилась взламывать замки? – сощурился Диего, дразня меня, когда я просунула руку между прутьями решетки и попыталась выхватить у него шпильку. – Ты же вроде уличная воровка, а не домушница.

– Однажды Коул бросил меня в полицейском участке Нового Орлеана, где меня посадили в камеру на ночь. Тогда я еще не знала отпирющих заклятий, поэтому пришлось проявить смекалку... С тех пор я пообещала себе, что больше никакая клетка не застанет меня врасплох, – рассказала я неохотно, смирившись с тем, что Диего не отдаст мне шпильку, пока я не удовлетворю его любопытство. – Мы так и будем трепаться? Или, может, наконец-то сделаешь то, зачем пришел, пока этот полоумный качок не вернулся?! Неизвестно, сколько еще в Ордене таких шныряет... Впрочем, пока я сидела здесь, никто мимо не проходил.

– Да потому что «полоумный качок» здесь один-единешенек, – обрадовал меня Диего, задумчиво играя шпилькой. Та ловко прыгала у него между пальцев, как монетка, с легким звоном задевая камни на перстнях. – Странно, правда? Похоже, дела у охотников совсем плохи. Этот Деймон...

– Дарий, – поправила я.

– ... Дарий сейчас занят какой-то ведьмой. И нет, это не Зои, – поспешил утешить меня Диего, услышав произвольное «ох». – *Hermanita*⁵, как же паршиво ты вскрываешь замки! – Он зацокал языком и прочирикал что-то на испанском, принявшись самостоятельно орудовать моей шпилькой внутри замка. – Дома богатых господ, первые бронированные двери... Жизнь в Чикаго действительно была ключом в тридцатые! Великая депрессия оставила без денег много людей, но мы – еще больше. В ту пору «фокусники» в кругах мафии были на вес золота. Так они называли колдунов, – пояснил Диего. – К счастью для нас обоих, эти «фокусы», как и лучшие воспоминания, не пропьешь.

⁴ *hijo de la chingada* – испанское ругательство (дословно: «сукин сын»).

⁵ *Hermanita* (исп.) – сестренка.

С этими словами он, не сводя с меня глаз, вслепую сделал несколько виртуозных движений пальцами и отступил от решетки с третьим раздавшимся щелчком.

– К сведению, Коул на тебя очень зол, – сообщил Диего то, о чем я и так была прекрасно осведомлена. – Уверена, что не хочешь остаться за этой решеткой?

Я закатила глаза и толкнула ее плечом, распахивая. Диего, весело улыбнувшись, пропустил меня, а затем шепнул над моими скованными запястьями то самое треклятое *Rhyddid*.

– Хорошо, что в коридорах магия действует, – вслух подметила я, растирая посиневшие запястья, расцарапанные ржавчиной, и стараясь не качаться из стороны в сторону при ходьбе. – Нам нужно найти Зои. Кажется, я знаю, где она.

– Откуда?

– Я ее слышу.

«*Одри!*»

Это действительно был ее голос. Шипящий, как эхо старого граммофона, и такой далекий, что казался миражом пьянящего сна. Я не переставала крутить головой, пока мы с Диего шли по длинным извилистым коридорам, шаг за шагом разведывая местность. Минував несколько клеток, идентичных той, в которой меня держали, мы проскочили мимо склада: нагромождение железных контейнеров и стеллажи с оружием, из которого самым безобидным была секира размером с мою голову.

– Настоящие катакомбы! – прошептал Диего, щупая выступы на стенах, напоминающие драконьи чешуйки. Они могли оказаться как обычными следами времени, так и хитроумными замками, отпирающими потайные ходы. – Страшно представить, сколько здесь этажей... А уж сколько охотников тут побывало! Видела комнаты?

Я содрогнулась, кивая: помимо складов, мы действительно обнаружили множество пустых и безликих спален, больше напоминающих военные бараки. Прогнившие кровати, истлевшее постельное белье, разбитые изразцы и закопченные очаги. Несомненно, когда-то здесь бурлила жизнь... Когда-то очень-очень давно.

– Есть еще один охотник, – вспомнила я тихо, когда мы проходили через квадратную арку, за которой угнездились тени. Вместе с ними нас там могло поджидать что угодно. – Дарий говорил с ним по телефону...

В беспокойстве я опрометчиво поджала губы и поморщилась: глубокие трещины вновь закровоточили, не успев исцелиться, как уже исцелились мои щека и челюсть. Однако привкус железа во рту волновал меня куда меньше, чем перспектива блуждать по подземелью до утра в поисках друзей. Диего, однако, не расслышал меня. Стоило нам углубиться в Орден, как он занервничал и помрачнел, что-то выглядывая в углах и тенях подземных залов. Казалось, он молча следит за кем-то, дразнящим его своим присутствием: Диего без конца скрежетал зубами и что-то фырчал, разгоняя руками пыль (или не пыль?).

– Ты в порядке? – обеспокоенно спросила я, тронув его за плечо.

– Нет, – признался Диего, нервно теребя языком титановое колечко во рту. – Мне не по себе от этого места. Слишком много...

– Мертвых?

– Да. Замученных.

В какой-то момент он застыл посреди коридора, и я воткнулась носом ему между лопаток. В следующую секунду крепкая рука уже зажала мне рот, и вкус крови во рту смешался со вкусом серебра: агатовый перстень стукнул меня по зубам. Стерпев, я позволила Диего отпихнуть меня в каменный проход и послушно затихла. Оба мы вслушивались в тишину, пока ее не нарушил низкий голос:

– Не трать мое время, принцесса, – сказал Дарий в одной из камер, с которой нас разделяла всего лишь стена. – Ваша Королева... Я хочу знать больше. Расскажи мне о ней. Что за ритуал вы проводите в Заячью луну? Как приманиваете жертв?

Неизвестная ведьма пропищала что-то нечленораздельное с грубым немецким акцентом. Облегченно отметив, что это действительно не Зои, я выжидающе уставилась на Диего. Он выглянул из-за угла, а затем жестом поманил меня за собой. Затаив дыхание, я юркнула в очередную развилку, и уже спустя минуту голос Дария остался позади.

Какие-то части замка можно было принять за пещеры, а какие-то – за полноценный отель, вырезанный в камне. Журчащие трубы в стенах, сломанные умывальники, щербатые чайные кружки, сундуки и прочие мелкие признаки обитаемости. Несмотря на запустение и отсутствие надлежащего ремонта, кто-то здесь определенно жил время от времени.

«Одри...»

– Зои!

Охотники будто специально отвели для нее самую дальнюю камеру в конце этажа – обособленную от прочих, тесную и крошачую, как сахарное печенье. С потолка нам на головы сыпался мелкий камень, и он же хрустел под ногами, пока я неслась стремглав к запертой решетке, за которой, как собака на цепи, сидела полуголая девушка. В ней едва можно было узнать человека – скорее скелет, обтянутый оливковой кожей и покрытый язвами под лоскутами ткани, которая когда-то была ее любимым вишневым платьем. Волосы, все-таки же жесткие и непослушные, сбились в колтуны, не расчесанные месяцами. Мне потребовалось все мое терпение, чтобы не мешать Диего возиться покореженной шпилькой в замке. Зои, сидящая в углу, даже не шевельнулась, когда тот открылся.

– Зои! Зои... Мы здесь! Все хорошо!

Она смотрела на меня в упор, но будто не видела. Желтые глаза казались тусклыми, цвета пересушенной лимонной кожуры, а красные белки выглядели болезненно. Я наклонилась ближе, встряхивая Зои за плечи и щипая, чтобы привести в чувства.

– Эй, Зои! Милая... Ну же! Очнись!

Дыхание ее не смогло бы всколыхнуть ни соломинку, ни свечное пламя. Живая, но недееспособная, Зои осталась сидеть без движения. От моих толчков ее голова безвольно запрокинулась вбок, будто шея лишилась всех позвонков и перестала держать.

– Что это с ней? – Я сглотнула и сместила дрожащие пальцы с плеч Зои на ее артерию. – Она как будто мертва, Диего! Но пульс есть... Диего, посмотри же!

Несколько минут он молча сидел за моей спиной на корточках, но затем придвинулся и что-то растер между пальцев. Я увидела ту самую золу, мимо холодного очага с которой мы проходили: видимо, он успел соскрести ее ногтем, чтобы добро не пропадало зря. Нарисовав на щеке Зои нечто отдаленно напоминающее египетский крест Анкх, Диего шумно вздохнул и покачал головой. Лицо Зои, осунувшееся, стало таким же острым, как те камни, что нас окружали. Она совсем заледенела: можно было заработать обморожение, всего лишь приложив ладонь к ее лбу.

– Все очень плохо, – вынес свой вердикт Диего, осторожно вытерев щеку Зои большим пальцем. Зола будто впиталась в нее, слившись с кофейной кожей. – Она ушла.

– Ушла? – переспросила я с ужасом. – Что это значит? Куда?!

– Туда, где нет боли, – прошептал Диего. От антимагического эффекта тюремной камеры его волосы стали медленно терять лоск и синеву. – Душа Зои в Дуате.

Я уставилась на него, мотая головой:

– Но Дуат – это же...

– Царство мертвых, – кивнул он, уже копошась все той же несчастной шпилькой в стальных цепях, которые пригвоздили Зои к стене, удерживая ее руки над головой. – И царство вечного покоя. Иногда души уходят туда произвольно... Когда слишком глубоко засыпают, например. Вспомни свои самые яркие сны, такие натуральные, что после пробуждения еще час бродишь, как не в себе, и путаешь реальность с вымыслом. Случалось такое? Так вот, это Дома Дуата, которые ты посетил, сам того не заметив. С ведьмами такое происходит чаще.

Если слишком больно и нет надежды, что эта боль однажды закончится, Дуат становится убежищем. Это место, где все играют с жизнью в прятки.

Голова у меня стала тяжелой и заболела от услышанного. С трудом все переварив, я медленно кивнула, сплетая жженные ниточки мыслей в колосок.

– Охотники пытаются ведьм, – прошептала я, вспоминая измученных женщин и мужчин, запертых в тюрьмах Инквизиции. Голодные, забитые, в собственной крови и моче. Многие из них выглядели как тряпичные куклы. Попытки в конце концов делали их безразличными. Здесь и где-то далеко одновременно. – Хочешь сказать, Зои было настолько больно, что она ушла в себя? Впала в... магическую кому?

– Что-то вроде того, да. Придется отправиться за ней.

– В Дуат? – с запинкой уточнила я.

– В Дуат, – подтвердил Диего. – Но не в Ордене охотников же ритуалы проводить! Нужно попасть домой как можно скорее. Чем дольше ее *Xam* – душа – пребывает в Дуате, тем меньше шансов, что мы вернем ее оттуда. По крайней мере, в своем уме. Если не хочешь получить второго Гидеона, нужно шевелиться.

Диего снова шелкнул шпилькой, и та сломалась пополам. К счастью, на секунду раньше сломалась цепь: подвешенные руки Зои упали вниз, а затем и сама она завалилась на живот, абсолютно бессознательная. Диего поднял ее на руки без лишних слов, давая мне время справиться с оцепенением, и вышел из камеры, мурлыкая Зои какую-то колыбельную на испанском. Хотелось бы верить, что там, на той стороне, она действительно его слышит, уставившись невидящими янтарными глазами в низкий потолок хищного замка.

С каждым нашим шагом воздух уплотнялся, будто туннель уходил еще глубже под землю. Скользя взглядом по выцветшим полотнам и инкрустированным мечам с белой эмалью, висящим на стенах, я старалась не отставать от Диего, следуя за ним по пятам. Он почти бежал по лабиринтам коридоров с Зои на руках.

Но где же Коул?

– Вынеси ее отсюда, – шепнула я Диего, обернувшись назад, когда моя поступь за его спиной стихла: я остановилась перед очередной развилкой, собираясь повернуть в другую сторону. – Я должна найти остальных.

– Будь осторожна, – произнес он только, прежде чем скрыться в темноте, откуда веяло прохладой и спасением.

Я кивнула ему вслед и растерла пальцами черную метку под рукавом пальто, прислушиваясь к ощущениям. Если мы с Коулом можем чувствовать друг друга, то, значит, сможем друг друга и найти?

Мысленно взывая к нему и представляя, как мои пальцы привычно запутываются в темных кудрях, я шаг за шагом двинулась дальше. Тени, отбрасываемые потолочными лампами, играли на стенах и кривились, будто глумясь. Для обители прирожденных убийц здесь было неправдоподобно тихо. Ни посторонних звуков, ни хотя бы чувства, что Коул где-то поблизости. Неужели наша связь тоже не работала в Ордене?

Я минула еще несколько коридоров, надеясь, что вдали от темниц шестеренки «ведьмовского компаса» наконец-то встанут на место. Тишина давила, как и тотальное одиночество: неизвестно, откуда ждать беды. Стараясь ступать строго вдоль стен и потише дышать, я прошла мимо комнаты, отдаленно напоминающей кухню с залежами круп, и подобралась к загадочной винтовой лестнице.

– На помощь!

Я едва не навернулась со ступенек от визга. К счастью, принадлежал он не Коулу и не Тюльпане. Голос казался смутно знакомым, но эхо мешало узнать его. Вспомнив о бедняжке, с которой Дарий развлекался, пока не развлекался со мной, я содрогнулась и все-таки отпра-

вилась на зов. Несчастливая ведьма! Зная на собственной шкуре, какового это – жить в заточении, не ведая ни света, ни милосердия, – я не могла ей не помочь. Племя есть племя.

– Помоги мне! Пожалуйста!

Я закусила собственный кулак, чтобы не закричать, и шарахнулась в сторону, когда решетка рядом загрохотала. Даже не заметив в темноте еще одну камеру, я прищурилась, разглядывая круглое лицо с мелкими чертами, протиснувшееся между прутьями. С клубнем из обесцвеченных волос, отливающих зеленью, ведьма таращила на меня такие же зеленые глаза и часто дышала ртом. Она явно провела здесь по меньшей мере несколько недель: об этом говорило ее изодранное коричневое платье, когда-то бывшее красным, и дикий взгляд, как у волчонка. Ведьма не говорила, а мяукала, протягивая ко мне руку и тыча сломанным ногтем куда-то мне за спину:

– Ключи возьми, дура!

Я обернулась, спотыкаясь о раскинутые руки мужчины, распластанного на полу. Занявший собой половину коридора, он неестественно скрючился, повернув шею под странным углом. Но, судя по тяжело вздымающейся спине, все еще был жив. По хохолку из смоляных волос и вытатуированной оливе на жилистой шее я распознала Дария.

– Это ты его вырубил? – спросила я, настолько потрясенная, что даже забыла испытать радость от увиденного.

– Думаешь, если бы это была я, то я бы по-прежнему сидела в этой клетке?! – фыркнула ведьма и яростно забарабанила маленькими кулачками по чугунным прутьям. – Эта белобрысая стерва вырубил его, но даже не удосужилась меня выпустить! Dumme Schlampe!

«Белобрысой стервой» вкупе с немецкими ругательствами могли обозвать лишь одну женщину в мире. Только она же могла ловко управляться с бюрократическими делами моего ковена и в одиночку отправить мускулистого охотника на ведьм считать овец. Действительно, нет на свете ничего, что было бы Тюльпане не по зубам! Я гордо ухмыльнулась и не без наслаждения пнула Дария под ребра, раз уж представилась возможность.

Постойте-ка...

– Виена? – вспомнила я имя ведьмы, что прислуживала Авроре на ритуале Идунн в парке Пелем-Бей прошлой весной. В памяти всплыли лишь презрительные насмешки в мой адрес и то, как она вздыхала по своей Верховной, готовая лобзать ей ноги и отлавливать в жертву мужчин, чья кровь помогла бы взрастить очередную молодильную яблоню. – Ты ведьма из ковена Шепота. Помощница Авроры Эдлер. Неудивительно, что Тюльпана не стала тебя выпускать, – хмыкнула я, уже раздумывая над тем, а стоит ли это делать мне. – Как ты попала сюда?

– Рафаэль, – прорычала Виена, глядя на меня исподлобья. – Все мы здесь благодаря ему. Я прибыла в Новый Орлеан как голубь мира, от лица моей Верховной...

– Где она, кстати? – Я не стала сглатывать яд и позволила ему просочиться в мой голос, криво улыбаясь. – Почему не примчалась на помощь своей верной слуге?

– У госпожи и так много хлопот. Особенно после того, как твой прожорливый жемчуг вытянул из нее всю магию! – огрызнулась Виена, и костяшки ее пальцев, сжимающих прутья, побелели.

Судя по зеленым глазам, горящим в темноте, как блуждающие огни в лесу Вермонта, она очень хотела, чтобы вместо прутьев оказалась моя шея. Однако мысль, что Аврора до сих пор не может оправиться после кражи моих Вестников, согрела нутро, как глоток какао. Я улыбнулась и наклонилась к телу Дария, хлопая по карманам его штанов.

– Это не ключи, – заметила Виена, и вместо оскала на ее лице отразился предательский страх.

– Да, не ключи, – сказала я, прижимая к сердцу потертое бронзовое зеркальце. – Это мой талисман. Я должна вернуть его хозяину, иначе он откусит мне голову.

Проверив зеркальце и убедившись, что оно не повреждено, я спрятала его в карман. Дарий измученно застонал, переваливаясь на бок, и я поморщилась при виде разбухшего носа, утратившего свою прелестную симметрию. Тюльпана явно неплохо орудует деревянным ухватом – он, испачканный в крови, валялся под соседней решеткой.

– Ты же не оставишь меня здесь, правда? – жалобно проскулила Виена, лицемерная до мозга костей и принявшаяся изображать невинность. – Когда Дарий очнется, он будет очень зол... И наверняка захочет узнать, куда отправились нарушители порядка. До Шамплейна путь неблизкий, но я прекрасно осведомлена, как найти к нему дорогу...

Нет, все-таки невинность долго не продержалась. Природа всех ведьм Шепота слишком быстро отторгает чужеродное.

– Ладно-ладно, я поняла, идем.

Виена была готова расплакаться от счастья, когда я, чертыхнувшись, все-таки вытащила следом за зеркальцем ключи Дария из его кармана. Шмыгая и утираясь рваным рукавом, Виена выпорхнула из открывшейся камеры и едва не сбила меня с ног, бросившись вверх по лестнице. Не зная, что еще делать и где искать Коула, я бросилась следом.

Она удивительно ловко ориентировалась в коридорах: распахивала только нужные двери и выбирала только правильные развилки. Их «правильность» чувствовалась в воздухе, становящемся все свежее с каждым нашим шагом. Полностью доверившись Виене, я молча крутила головой, ища следы присутствия Коула. Сердце тревожно сжималось, а взгляд все чаще падал на чернильную метку вокруг запястья, проверяя: по-прежнему ли она черная? Да, черная... Но тревогу это почему-то не умаляло.

– Далеко собралась, шницель?

Виена остановилась под мраморной аркой как вкопанная, и я тут же попятилась, радуясь тому, что успела отстать от нее на несколько метров. Быть может, повезет остаться незамеченной? Ведь там, в самом конце коридора, заканчивающегося раздвижными дверьми, кто-то стоял, раскачиваясь на пятках.

Высокий мужчина, сокрытый мраком, расправил плечи и двинулся на нас. Что-то в его руке сверкнуло, и я услышала лязг стали, не предвещающий для ведьм ничего хорошего. Дарий все еще лежал где-то там, на глубине нескольких этажей, – но тот, кто преграждал нам путь, тоже был охотником. И куда более искусным: он порхал, а не двигался, напоминая реку, готовую обойти любое препятствие. Шаг вправо – и он тоже шагает вправо, шаг вперед – он отходит назад. Из-за спины Виены мне не удавалось рассмотреть его лица, но это было и не нужно: угроза, которую он источал, ощущалась физически. Дарий ни в какое сравнение не шел с тем, кто появился перед нами сейчас. Виена подтвердила это, всхлипнув и выставив перед собой фарфоровые руки, будто пытаясь загордиться от кошмара, ставшего явью.

– Отойди! – крикнула она не то мне, не то охотнику, и руки ее запрокинулись выше, вытягиваясь над встрепанной головой. – *Ёрмунганд, змей мира, великий Мидгардсорм! Пробудись от спячки и взмахни хвостом.*

Блеклый шепот, но сильный удар: он, невидимый, пришелся аккурат на середину арки. Я посмотрела вверх, и в лицо мне посыпались известка и щебень, крошащиеся под чарующим голосом Виены – таким же красивым, как магия, что она творила. И таким же разрушительным.

– *Древо девяти миров цветет – Ёрмунганд их все сожрет!*

Мелкая дрожь усилилась и обуяла стены, по крайней мере те, что были подвластны колдовству. Потолок тоже затрещал, обваливаясь. Казалось, еще секунда – и Орден провалится в адово пекло. Я ухватилась за барельеф стены и отползла назад, уже понимая, что намерена сделать Виена – она хочет похоронить охотника заживо. А заодно, возможно, и нас.

– *Песок времен и океана глубина. Да содрогнется Асгард, жизни асов унося!*

Мужчина, увернувшись от летящего сверху булыжника, потянулся к нам навстречу. Все случилось так быстро, что я даже не успела моргнуть.

– Щелк! И нет заклятия, – усмехнулся охотник.

Я не поняла, что именно произошло, но взмах его меча-фалькаты действительно напомнил щелчок. Быстрый, ловкий и смертоносный. Одно движение – и голова Виены покатила по полу, забрызгав кровью мои кроссовки, а тело рухнуло наземь. Землетрясение умолкло так же быстро, как и ведьма, породившая его. Это позволило охотнику пройти под сыплющейся аркой и оказаться со мной лицом к лицу. Он тряхнул мечом, вытирая лезвие о штанину, и во рту у меня пересохло.

Я попятилась, надеясь успеть юркнуть за соседнюю колонну, но было поздно. Медленно, как тигр, охотник приблизился, ничуть не боясь. Ведьма, магия которой безвредна для тебя, – всего лишь овца на убой.

– Так-так... А ты у нас кто?

Охотник вышел на свет. Ему было лет сорок, но форму он держал достойную. Кофейные кудри и глаза, как черные агаты в короне Гадеса. Когда он поворачивал голову к светильникам, расколотым и плюющим искрами, в буйстве ореховых красок можно было разглядеть зелёные прожилки. Лето Вермонта и осень Северной Каролины... А уж очаровательные ямочки на небритых щеках я узнала и давно.

Боже... Этого просто не может быть!

– Меня зовут Джефферсон, – сказал мужчина, и я, ударившись затылком о стену, горлом почувствовала острие его фалькаты. Дол Шивы и сверкающий дамаск, из которого был сделан тот же меч, что Коул отныне носил на своем поясе наравне с «Глоком». – Ты можешь звать меня Джеф... Пока ведёшь себя как примерная девочка и отвечаешь на мои вопросы. Вот первый из них: куда подевалась твоя подружка Зои-Мари?

– Дежавю, – вырвалось у меня невольно сквозь удушливый страх. Я будто снова очутилась на кухне маленькой фермы Гидеона с десертным ножом у сонной артерии, когда мы только познакомились. – Вот уж действительно «яблоко от яблони»!

Мужчина раздраженно дернул головой, и я почувствовала боль, спускающуюся вниз по шее: острие меча надавило, пуская первую кровь.

– Хитрая, как любая женщина, и умная, как редкая ведьма. Гремучая смесь. – Тот, кто звал себя Джефферсоном, наклонился. Я почувствовала жар его дыхания и ненависть. Мужская рука дрожала, будто он сдерживался, чтобы не убить меня прямо сейчас. – Что ж, поздравляю, тебе удалось провести мальчишку. «Я ищу подругу», бла-бла... Какая ведьма будет так открыто заявлять о себе и распивать коктейли в охотничьем логове? Ты ведь точно знала, куда идешь. И также знала, что с тобой будет. Ты хотела, чтобы Дарий привез тебя сюда, – сыпал догадками Джеф, и я судорожно втянула в себя воздух, восхищенная им. – Это может значить лишь одно: ты пришла за желтоглазой колдуньей. И ты из Шамплейн. Так ведь? Чего молчишь?

Все, что я смогла выжать под острием фалькаты, – это несурзное мычание. Мне нечего было противопоставить охотнику в открытом бою, а говорить правду – худшее, до чего может опуститься ведьма в безвыходном положении. Разве что...

Я дернула рукой, распахивая пальто.

Дзынь!

Бронзовое зеркальце вылетело из кармана. И застучало по полу, прыгая к ногам охотника.

Если я права... Боже, пусть я окажусь права! Судьба всегда жестока. Пусть она останется жестокой и в этот раз!

Не убирая меча, целящегося в мою гортань, Джефферсон медленно наклонился и подобрал талисман Коула. Замочек щелкнул, и зеркальце открылось, отражая лицо Джефферсона: широкие скулы, квадратный подбородок, красивые теплые глаза с морщинками в уголках. Его губы сжались, сминая друг друга, но ни один мускул на лице не дрогнул. Лишь рука, держащая фалькату, опустилась, а вторая стиснула зеркальце в кулаке.

– В последний раз я видел его двадцать лет назад, – прошептал Джефферсон, и зеркальце, захлопнувшись, перекатилось в мозолистых пальцах.

– Да, – тихо выдавила я, с трудом подчиняя себе дрожащий голос. – Это...

– Оно не твое. Воровка!

То была и отдаленно не та реакция, на которую я рассчитывала. Рывок – и меч воткнулся в трещину между камнями, очертив мою ушную раковину и оставив ту в крови. Я покосилась на лезвие, от которого мое лицо отделяло всего несколько дюймов, а затем запищала, как котенок: Джефферсон подался вперед и схватил меня за горло, отрывая от земли.

– Говори, – прорычал он, и я забарахталась над полом, расцарапывая его руку и пытаюсь оторвать ее от себя. – Где взяла зеркало?! Что ты сделала с моим племянником, богомерзкая тварь?!

И я бы с радостью ему ответила, если бы только могла, но Джефферсон даже не замечал, как близок к тому, чтобы сломать мне шею. Легкие закипели от нехватки воздуха, глаза налились кровью. Но Джефферсон и не думал меня отпускать: он все давил и давил, глядя в мое синее лицо. Щеки у него пылали, а верхняя губа поджалась, как у настоящего хищника, обнажая зубы.

– Не могу... дышать... – прохрипела я, оставляя на тыльной стороне его ладони багровые полосы от ногтей.

Мое сердце было готово выпрыгнуть из груди. Затем я услышала, как оно замедляется, и мир перед глазами начала топить тьма.

Щелк!

Такой же звук, как в тот миг, когда меч Джефферсона отделил голову Виены от тела. Рука его дернулась, швыряя меня на холодный камень, и пальцы разжались. Первый глоток кислорода после удушья обжег: я закашлялась и, растирая шею, отползла к колонне, оглушенная стрекотом скрещенных мечей. Это было невозможно: ни один смертный не мог двигаться так быстро, как двигался Джеф. В тот момент, когда я почти потеряла сознание от удушья, он успел выдернуть из стены фалькату и обернуться, чтобы встретить вражеский клинок, целящийся ему в спину.

Щелк. Щелк.

Звук повторился несколько раз, но Джефферсон мастерски отражал каждый выпад высокого юноши, бескомпромиссно напирającego на него. Лавируя между колоннами, чтобы не дать загнать себя в угол, Джефферсон... не сражался. Лишь уходил в глухую оборону. Оно и понятно: ведь атаковал его тот, кто был похож на него как две капли воды и следовал тому же зову крови, передающемуся по наследству.

– Беги, Одри! – крикнул Коул, снова обрушивая на выставленный клинок Джефферсона серию режущих ударов.

Метка его пылала оранжевым – жидкий огонь, отдающий ему мою магию, а мне дарящий шанс на выживание. Я подобралась, оперлась на локти, пытаюсь встать, но мозг вконец опьянел от долгожданного воздуха: голова шла кругом. Я пыталась сосредоточить взгляд на Коуле, но все, что видела, – это вихрь мечей и растрепанные кудрявые волосы. Чьи именно?

Джефферсон увернулся, рисуя фалькатой в воздухе дугу. Деревянная стружка ударила снопом вверх – пытаюсь достать до Джефферсона, Коул случайно располовинил бочку.

– Гидеон?! – донесся до меня голос охотника. Коул не слышал его, рассекая навахоном воздух снова и снова. – Да стой же... Черт!

Коул сделал подсечку и, когда Джеф споткнулся, очертил его скулу той частью клинка, что шла волною, напоминая косу. Маленький лоскут кожи буквально сполз с щеки, и лицо Джефферсона залила кровь. Но Коулу было мало: он пнул его ногой в живот и, отбросив к дальней стене с бочками, ударил еще раз.

Вся ярость, что пылала в груди Коула, пылала и в моей: я чувствовала его обиду за то, что покусились на самое дорогое в его жизни. Я чувствовала бурлящую несправедливость, что кто-то чинил расправы над теми, чьей виной было лишь рождение не похожими на других. Я чувствовала и усталость, что медленно росла в Коуле, напоминая: или мы уйдем сейчас, или не уйдем вообще.

– Беги же, Одри! – Коул повернулся ко мне вполборота, но руки его были заняты боем: одна ладонь огибала рукоять навахона, а другая – само лезвие, пуская кровь, но отчаянно удерживая вес Джефферсона, навалившегося сверху. Острие фалькаты почти чиркало Коула по горлу, пока он пригибался, согнув колени. Слишком сильный соперник... Слишком похожий. – Одри, не смотри на меня! Просто беги!

– Давай! Ты его слышала!

Тюльпана, взявшись из ниоткуда, подняла меня под руки. Все, что я видела, – это темные глаза Коула, провожающие нас с надеждой и облегчением. Лишь когда меня и Джефферсона вновь стал разделять целый коридор, лязг железа утих. Я оглянулась: Коул позволил себе проиграть, выпустив меч из рук. Но лишь для того, чтобы, упав, перекатиться на спину и, подобрав его, побежать за мной и Тюльпаной.

– Скорее! Вперед! – скомандовал он.

Коул несся следом, взмыленный и оставляющий за собой дорожку из капель крови, но по крайней мере живой. Лишь когда он нагнал нас и пропустил свои израненные пальцы меж моими, я наконец-то смогла поверить в то, что беда осталась позади.

Стальные двери Ордена распахнулись под заклятием Тюльпаны, выбежавшей первой, а затем закрылись за нами на дюжину магических замков, которые все равно разобьет любой, в чьих венах гудит Охота. Пустой, но мстительный, как разоренный улей, Орден хранил молчание. Он отпустил нас.

Но, как оказалось позже, то была всего лишь фора.

IV. Туда, куда нельзя живым

Вермонт встретил нас такой же стужей, какой и провожал. Снег припудрил верхушки деревьев и крышу из синей черепицы, а особняк, вновь всеми покинутый, смотрел на нас с неммым укором темными окнами. Конечно, его обида продлилась недолго: как только Сэм влетел внутрь с Зои на руках, жизнь в доме вновь забурилась, как в котле с вербеной, который Тюльпана поставила на огонь. Мы все нуждались в омовении, но не физическом, а духовном. И в кожу, и в память прочно въелись грязь и боль.

Когда запах трав растекался по дому, как марево, я наконец-то смогла вдохнуть полной грудью – впервые с той поры, как обнаружила себя в клетке Ордена. Даже после побега мне не удалось ни расслабиться, ни подремать. Злость Коула, сидящего за рулем, трещала, электризуя воздух, пока мы мчались прочь от заброшенной водонапорной станции на окраине Шривпорта, под которой, оказывается, прорастал целый замок. Я сидела сзади и ежилась у окна. Коул смотрел на меня редко и украдкой: вероятно, искал на лице ссадины и другие признаки увечий, нанесенных коллегами Ван Хельсинга. К счастью для нас обоих, все окончательно зажило еще в тот момент, когда мы всей гурьбой забились в машину. Убедившись, что я невредима, Коул вновь отвернулся и сосредоточился на дороге и том, как бы не отломать баранку руля, вцепившись в нее мертвой хваткой. Даже в моменты ссор мы были связаны: метка на запястье, утратив огненный окрас, все равно пульсировала. Я чувствовала, как гнев в груди Коула сменился горькой обидой и разочарованием.

– Посмотри, нет ли кого на хвосте, – велел Коул Сэму, теснящемуся со мной и Диего на заднем сиденье. За те два дня он, кажется, окончательно вернулся в норму.

– Никакой погони, – ответил Сэм, изогнувшись и взглядевшись в заднее стекло. Его пальцы, еще больше огрубевшие за эти месяцы, непрерывно гладили Зою по волосам. Она ловко уместилась у нас троих на коленях, и ее босые ступни лежали на моих ногах, укрытые пледом.

– Коул... – попробовала заговорить с ним я, перегнувшись через рычаг передач, но он тут же прибавил на радио громкости, давая понять, что не готов.

Как только мы въехали в центр Шривпорта и припарковались на стоянке в районе Каддо Хайтс, солнце село за горизонт. Парковка оказалась безлюдной и почти неосвещенной, что идеально подходило для ритуала перемещения. На долю Тюльпаны выпала телепортация Диего, Сэма и Зою вместе с джипом – из нас двоих она была единственной, чей дар психокинеза осилил бы такие габариты, в процессе не расщепив тела на атомы.

Круг соли на асфальте. Треугольник, образованный сцепленными руками. Порыв ветра – быстрее, чем мой вздох, – и вот спустя мгновение мы с Коулом, на которого действовала лишь моя магия, остались на парковке совершенно одни. Вокруг мигали фонарные столбы и виднелись приземистые здания из бетона.

– Возьми меня за руки, – попросила я. – И закрой глаза... А то сосуды полопаются.

Коул смерил мои раскрытые ладони таким взглядом, будто я держала в них дюжину сороконожек, которых шкодливая ачери Гён любила подбрасывать нам в хижину забавы ради. Что-то внутри надломилось, но это было заслужено. Я в который раз обманула доверие Коула и вновь поступила так, как считала нужным, даже не поставив его в известность. Обойдись так со мной он, разве я бы вела себя иначе?

Не произнося ни слова, Коул взял мои руки в свои, и я затаила дыхание, замлев от тепла его кожи. Тонкие пальцы, израненные клинком, были длиннее моих, а правая ладонь, наспех перевязанная каким-то старым лоскутом ткани из багажника, казалась болезненно горячей. Истинный защитник – даже сгорая от ярости, он не позволит этому огню меня обжечь. И никому другому обжечь не позволит тоже.

– *Ab uno loco ad alium*, – прошептала я, нежно сплетя наши пальцы, что было вовсе необязательно для заклятия, но позволило мне незаметно исцелить его раны, даже если Коул этого не хотел.

Под его ресницами пролегли густые тени, такие же чернильные, как облака над нашими головами, окрашенные сумерками. В них карие глаза казались черными, но искусанные губы горели ярко, словно бутоны красных роз. Коул наверняка жевал их все то время, что мчался в Новый Орлеан через несколько штатов, гадая, успеет ли найти меня раньше, чем метка на его руке превратится в истлевший шрам.

Хитросплетение родинок и веснушек, по которым можно было составлять звездную карту, выглядывало из выреза его клетчатой рубашки. Коул послушно закрыл глаза, не догадываясь, что я соврала насчет сосудов: просто так было проще любоваться им, пока вихрь магии уносит нас прочь от проклятого города и возвращает домой.

Когда мир вокруг устаканился и Шривпорт сменился на зябкий и снежный Вермонт, я покачнулась от слабости и расцепила наши руки, чуть не упав в сугроб. Коул ловко придержал меня под локоть. Лишь убедившись, что я твердо стою на ногах и не собираюсь терять сознание, он отпустил меня и поднялся в дом, так ни разу со мной и не заговорив.

А теперь на плите кипела вербена. Я зачерпнула ее кружкой, умыла настоем лицо и встала под горячий душ в охапку с бутылкой шампуня. Увы, это не помогло: в зеркале я по-прежнему выглядела так же ужасно, как и чувствовала себя. Волосы категорически отказывались подчиняться расческе, напрашиваясь, чтобы я снова обрезала их. От пережитого я будто стала выглядеть старше, хотя, будучи ведьмой, еще долго не должна была стареть: двадцать один год ничто по сравнению с тремя веками, что мне предстояли. И все-таки я осунулась. Скулы прорезались, губы высохли, и серые металлические глаза казались непропорционально огромными на тонком лице. Их цвет напоминал мне о том, как много смертей было в моей жизни – у всех, кто погиб, были точно такие же глаза.

Втиснувшись в водолазку, я забрала волосы гребнем. Жемчуг в нем сверкал, но не так ярко, как жемчуг на моей шее, безупречно белый и нанизанный на тонкую золотую нить. Я больше не прятала Вестники даров под свитером, а носила гордо, с высоко поднятой головой. Регалия моего ковена сохранилась, даже когда не сохранился сам ковен.

– Да я даже имя свое забыл! Ты в курсе, что у меня магистерская степень Принстона по английской литературе? А теперь представь, что я сдавал бутылки, чтобы купить уцененный позавчерашний сэндвич на убогой заправке. И все из-за Рафаэля!

Я поднялась на третий этаж и прильнула ухом к двери. Комната с бумажными фонариками, похожая на восточный шатер, была выкрашена в цвет крыла зимородка – Зои не участвовала в строительстве нового особняка, но ей бы точно понравился наш выбор. В окружении дымящихся каминов, кресел с парчовой драпировкой и бдительных друзей, Зои по-прежнему спала беспробудным сном. Но это не мешало Сэму кричать во все горло, меряя ее комнату размашистыми шагами, пока Диего сидел на голом полу с черной свечой в руках и медитировал. Точнее, пытался.

– Я пришел к этому вуду-ублюдку, потребовал отвести меня к Зои, а потом он вдруг схватил какую-то тряпичную куклу с тумбы, вцепился мне в волосы, и оп, – в просвете замочной скважины я увидела, как Сэм остановился у зашторенного окна, – темнота! Ни ковена, ни воспоминаний, ни Зои. Я даже не знал, что прошло два месяца. А ведь когда уезжал, только октябрь заканчивался...

– Спасибо за исповедь, конечно, – перебил его Диего, не выдержав. Лизнув указательный палец, он затушил закоптившийся фитиль. – Но ты не хочешь спуститься вниз и, скажем, помочь Тюльпане с приготовлениями к Июлю? Он, кстати говоря, уже послезавтра, как и день рождения Морган. Или можешь еще раз принять душ. Если вывести экстракт твоего запаха, то его можно так и подписать: «Два месяца бездомной жизни».

– Слышь... – Сэм вперил руки в бока, и в хриплом прокуренном голосе зазвенела сталь. Его щетина, такая же морковно-рыжая, как и волосы, завивалась в настоящую бороду. Сэм поскреб ее пальцем и сузил зеленые глаза, выражая недовольство и желание вспомнить былую молодость. То есть наkostenять кому-нибудь. – Не умничай мне тут, мучачо! Я помочь вообще-то пытаюсь, рассказываю, как дело было. Хотя тебе, наверное, и впрямь все равно. Одри сказала, это ты ей воду в уши лил, будто мы с Зои сбежали из ковена... Какого же, выходит, дерьмового мнения ты был о нас все это время?

Диего осекся, и я, наверное, впервые увидела его румянец. На смуглой коже он казался малиновым, как ягодное варенье.

– Ты хочешь, чтобы я сказал это вслух? Мне жаль. Облажался, признаю. То письмо выглядело очень правдоподобно. Даже проверку углем выдержало...

– А вот проверку дружбой – нет, – фыркнул Сэм. – Мы с Зои все это время были в полной заднице, Диего! Ладно я, но она... Она такого не заслужила! Так что вытаскивай ее оттуда сейчас же.

– А чем я, по-твоему, занимаюсь?! Ты только и делаешь, что отвлекаешь меня! Вот и иди...

– Хватит отправлять меня в душ! Я уже там был. И какой, к черту, Йоль?! Я католик и понятия не имею, что это вообще такое. Мы, люди, празднуем Рождество!

Диего втянул воздух сквозь сжатые зубы, и черная свеча в его руках снова вспыхнула против воли. Заметив, что он близок к тому, чтобы поджечь дом, Сэм капитулировал:

– Хорошо-хорошо, понял! Я буду молчать, но с места все равно не сдвинусь, пока Зои не придет в себя. – Сэм вытянулся по струнке во все свои сто семьдесят пять сантиметров. – Ну, за работу!

Я и без того знала, что Сэма и Диего нельзя назвать закадычными друзьями: кроме любви к «горячительным смесям», у них так и не нашлось ничего общего. Но я никогда не думала, что они умудрятся сцепиться друг с другом, пробыв наедине всего пару часов. Сэм уже закатал рукава твидового свитера, а Диего расправил плечи и распустил по спальне убийственную ауру с запахом ментоловых сигарет, когда я толкнула дверь, вторгаясь в комнату.

– Как у нас дела? – Выдавлив миловидную улыбку, которая должна была разрядить обстановку, я оглядела обоих мужчин.

Сэм незаметно спустил рукава обратно и отошел к резному трюмо, затопленному дымом из камины. Я же незаметно повела пальцами за спиной, и форточка у постели приоткрылась с едва слышным скрипом. Заметив это, Диего торжествующе ухмыльнулся, ведь оказался прав: хоть Сэм и был одет с иголочки, он по-прежнему благоухал, как армейские сапоги. Я подозревала, что дело было не в питании объедками и ночлежке под мостом, а в колдовстве Рафаэля: заклятия вуду всегда впивались в несчастных намертво. Однако зловоние, которое пройдет со временем само собой, – весьма скромная плата за избавление от сумасшествия.

– Я подобрал нужный ключ, – радостно объявил Диего, отставляя свечу на прикроватную тумбу у лица Зои, спящей в ворохе одеял. Та выглядела такой умиротворенной, будто бы знала, что снова дома и здесь ее никто не обидит. – Осталось только освятить комнату, и можно приступать.

Я кивнула, подходя ближе к постели, и Сэм тут же встал рядом. При встрече Коул чуть не задушил его в совсем не брутальных объятиях, и тот так растрогался, что обнял Коула в ответ, но теперь же вновь стал угрюмее тучи. Порядком похудевший и наверняка с гастритом от вечного фастфуда, Сэм даже обзавелся несколькими новыми шрамами: один перечеркивал верхнюю губу, а другой – правое веко. Он толком не успел освоиться в новом особняке – лишь присвистнул, мельком его осмотрев, а затем Зои вновь заняла все его внимание.

– В Ордене ты сказал, что придется отправиться за Зои в Дуат, чтобы вернуть ее душу... – припомнила я, наблюдая, как Диего обходит ее кровать по кругу, что-то высыпая на пол из

бумажного пакетика. Это «что-то» мерцало в воздухе, как пыльца, и, наклонившись, я растерла между пальцами костную муку. – Значит, ты подготовил ритуал, который перенесет нас туда?

Диего насмешливо приподнял брови и сдвинул ковер в угол, чтобы начертить посреди комнаты мукой неизвестный мне знак, напоминающий жука-скарабея. Очевидно, это и был тот самый ключ, который Диего так долго выглядывал в своем подсознании, медитируя под треск свечи и болтовню Сэма.

– Не нас, а *тебя*. Ты пойдешь туда одна. – И, когда рот у меня беззвучно приоткрылся, Диего пояснил: – Я не смогу ее найти, ведь Зои была ведьмой твоего ковена, а не моего. Вдобавок удерживать в Дуате нас двоих слишком энергозатратно...

– Допустим, – согласилась я неохотно, стараясь заткнуть вопящий рассудок. «Верховная не должна бояться таких вещей, как какое-то путешествие в загробный мир», – повторила я себе несколько раз, помогая Диего расставлять черные свечи из вошины на комод. – Но что именно представляет собой этот твой ритуал?

– Если расскажу, начнешь бояться, а страх может нам помешать.

– Ты в курсе, что после этих слов я уже начала бояться, да? – саркастично спросила я, но Диего только пожал плечами. – Ладно, будь по-твоему. Сколько времени я пробуду в Дуате? Сам знаешь, послезавтра Йоль... Я не рассчитывала проторчать в Луизианне несколько дней, так что готовиться к приезду Морган и торжеству придется в спешке. А если я еще и в Дуате умудрюсь затеряться...

– Не волнуйся, там ты время не почувствуешь. – Диего улыбнулся как-то слишком задорно (ну конечно, не он же отправлялся в мир мертвых!). Роясь в своем мотоциклетном рюкзаке и звеня спрятанными на дне клинками, он кропотливо подбирал нужный. – Минута здесь – около пяти минут в Дуате. Только учти, – Диего наконец-то нашел нужный нож, зигзагообразный и извивающийся, будто змея, залитая сталью, – ты не некромант – ты Верховная. Это не одно и то же. Твой дар не врожденный... И у тебя нет опыта. Мне придется отправить тебя в Дуат... насильно. Я стану твоим проводником, но для этого ты должна полностью доверять мне.

Доверять кому бы то ни было мне всегда удавалось с трудом, но раз без этого было не обойтись... Взгляд невольно упал на Зою. Как же сильно нужно страдать, чтобы смерть показалась тебе лучшим решением?

– Хорошо, – ответила я. – Обещаю, что буду доверять.

– Славно. Тогда иди и поспи.

– Что?! – воскликнули мы с Сэмом одновременно.

– Дуат высасывает жизненные силы. Войдешь туда с усталостью, а вернешься с болью. Только уже трехкратной. Если вернешься вообще... Сначала ты должна восстановиться.

Иногда я забывала, насколько Диего старше меня. Ребячливый, болтливый и, казалось бы, не воспринимающий ничего всерьез, он просто притворялся. Сейчас, готовя важнейший в нашей жизни ритуал, он был как никогда серьезен. Не только я искупала свою вину – он тоже чувствовал себя виноватым за то, что так долго верил в собственную иллюзию. Теперь, стараясь ради Сэма и Зои изо всех сил, Диего суетился в комнате, но все равно сумел заметить то, что не сразу заметила даже я сама, – мое истощение.

– Если так нужно... Шести часов сна хватит?

– Вполне. И еще кое-что... Обработай *старые раны*, – деликатно попросил Диего. – Помнится, они тяжело заживали. Дуат может снова открыть их. Наложить мазь... На всякий случай.

Я кивнула, несколько помрачнев от дурных воспоминаний, и посмотрела на Сэма.

– Скоро Зою снова будет с нами, – заверила его я напоследок. Он раздраженно притопнул ногой, но ничего не сказал, отвернувшись к постели и ее неподвижной хозяйке.

Я заснула поразительно быстро, даже не раздеваясь, хотя была уверена, что не смогу сомкнуть глаз от тревоги и возбуждения. Однако теплый плед убаюкивал, как и запах чабреца с жженой карамелью – запах Коула, что остался на его стороне постели. Только-только открыв глаза, я сразу приложила к ней ладонь: ледяная. Коул не приходил и не ложился со мной, а ведь за окном было уже светло, и небо превратилось в апельсиновую корку. Кажется, я умудрилась проспать больше, чем обещала, – почти целую ночь. Интересно, где в таком случае спал Коул? И спал ли вообще?

Наспех запихнув в себя старую пачку крекеров из закровов спальни, я подорвалась к шкафу. Кажется, Диего просил обработать шрамы...

– Что, снова болят?

Сидя на кровати и пытаюсь извернуться перед зеркалом так, чтобы точно нанести бальзам себе на спину, я вздрогнула и обернулась, глядя на Коула. Он стоял в дверях и не спешил входить, наблюдая за мной какое-то время – не то сомневаясь в том, что хочет зайти, не то раздумывая, как лучше это сделать.

– Нет, – покачала головой я. – Диего сказал, что лучше перестраховаться. Судя по всему, в Дуате со старыми травмами шутки плохи.

– Вот оно как... Дуат... Давай тогда я помогу, а то сама не достанешь.

Коул вдруг подошел, отнял у меня стеклянную банку с мазью из пустынных цветов, которую я достала из шкафчика, и забрался с ногами ко мне на постель.

Где-то внизу отдаленно грохотали кастрюли. Тюльпана ненавидела брать на себя готовку, и Коул, очевидно, все это время помогал ей: от него за версту пахло имбирным печеньем и клюквенным соусом.

– Ш-ш, – зашипел он мне на ухо, когда я вздрогнула от холода мази, остудившей рубцы.

Немного разогрев в ладонях банку, он расстегнул мой бюстгальтер, зачерпнул мазь указательным пальцем и осторожно растер ее по окружности солнца, высеченного на моей плоти его собственным клинком в Самайн.

– Когда-то Джулиан хотел сделать этот знак нашей парной татуировкой... Сейчас он был бы в восторге, – мрачно буркнула я, наблюдая за Коулом в отражении зеркала. Его руки порхали над моей спиной, работая так умело, как не работала даже я с травмами и рунами. Он уже давно приноровился к этому ритуалу, который долгие недели мы повторяли ежедневно, настолько сильно болели шрамы, не давая мне спать по ночам. Так нанесение мази стало интимным полуночным моментом – после него даже секс казался излишним.

Я прижала водлазку к груди и закрыла глаза. Тренировки с Рашель сделали руки Коула шершавыми, но каждое прикосновение было пронизано нежностью, а потому превращало меня в оголенный нерв. На его месте мне было бы мерзко притрагиваться к тому, чем теперь стала моя спина. Даже дар исцеления не смог залатать до конца изувеченную плоть, но зато смогла мазь Ворожеи, изготовленная по просьбе Морган. В конце концов она заживила все раны, окончательно убрала боль... Но не убрала *уродство*.

– Ты красивая. Всегда красивая, – сказал Коул, будто прочитав мои мысли, и его пальцы осторожно обвели солнечный луч, тянущийся от середины позвоночника до левой лопатки. – Однажды время само сотрет их.

– Нет, не сотрет. Мази, дар исцеления, Шёпот... Все бессильно, ты же знаешь. Повезло, что они вообще зажили. – Я грустно улыбнулась ему в отражение зеркала. – Это ведь ритуальные шрамы. Они помечают не тело – они помечают душу. Потому никогда и не исчезают.

Пальцы Коула, еще скользкие и янтарные от цветочной мази, растерли мое острое плечо, хотя шрамы не заходили так далеко. Это была утешительная ласка, которую я не заслужила, но которую Коул все равно снисходительно подарил мне. Однако, вспомнив о том, что не должен, он осторожно убрал руку и поднялся с кровати.

– Все, готово. Можешь идти к Диего.

– Прости меня, – выпалила я, но Коул только тряхнул головой, снова избегая смотреть мне в глаза. – Я потеряла твое зеркальце.

Коул замер на краю постели, не успев с нее слезть: лишь спустил одну ногу на пол. Наградив меня недоуменным взглядом, явно ожидающий услышать совсем не это, он вернулся обратно на подушки. Вздых облегчения, вырвавшийся из моей груди при виде его смягчившегося лица, чуть не распахнул окна настежь.

– Ничего страшного, – ответил Коул спокойно. – Главное, что ты цела.

Невысказанное слово «почти» повисло в воздухе. Взгляд его очертил линию моей челюсти и невольно задержался на уголке рта, где еще ночью виднелась глубокая трещина. Он будто сумел разглядеть ее сквозь пелену регенерации. А может, просто Диего рассказал, в каком состоянии нашел меня в темнице? В любом случае ненависть к Дарию, как и ко всему Ордену, из Коула было уже не вытравить.

Оттого мне и было так сложно сказать это:

– Тот охотник, с которым ты дрался... Это он забрал у меня зеркальце. Он не убил меня на месте лишь потому, что увидел его. Потому что... узнал.

– К чему ты клонишь?

– Охотник назвал тебя Гидеоном, – напомнила я, и Коул отвернулся, массируя пальцами нахмуренный лоб. – Он перепутал тебя с ним. Возможно, они знакомы. Или охотник знает, что Гидеон старше, и просто не ожидал, что ты тоже успел так вырасти. Коул, я думаю, этот охотник ваш...

– Нет.

Коул никогда не был глупцом. В отличие от меня, он всегда и все продумывал наперед и уж точно мог сложить два и два. Отчего-то я не сомневалась, что уже по пути из Ордена в Шривпорт, сжимая побелевшими пальцами руль, Коул переваривал эту мысль. Чтобы смириться с ней, ему потребуются недели... А может, и годы.

Человек, пытающий женщин. Человек, с чьей подачи подобное содеяли и с твоей любовью. Я на собственном опыте знала, как это горько – делить свое семейное древо с монстром. Когда зверства творит один, они расходятся, как круги по воде, и омывают тебя, как бы далеко ты ни стоял.

– У нас с Гидеоном не осталось живых родственников. Только мы двое, – отчеканил Коул бескомпромиссно. – Единственной, кто смог принять нас после гибели родителей, была наша бабушка. Она сказала, мы – это все, что осталось от рода Гастингсов. То, о чем ты говоришь, невозможно, Одри. Охотник мог знать моего брата, но он не часть семьи. Поверь мне.

И что на это ответишь? Коулу точно виднее. По крайней мере, настаивать было бы слишком жестоко. Я смяла пальцами водолазку и, застегнув бюстгальтер, быстро надела ее обратно.

– Есть кое-что поважнее моей родословной, – хмыкнул он, слезая с постели. Когда я уже с содроганием подумала, что он тянется к двери, чтобы уйти, Коул открыл прикроватную тумбу, вернул туда банку с мазью и вытащил книжку в потрепанном переплете из коричневой кожи. – Я нашел это в Ордене, пока искал тебя. Там была спальня... Весьма обжитая, с целым архивом всяких писем и чертежей. Вот, почитай.

Он бросил дневник передо мной на постель, и я увидела отражение собственного лица в пасти золотого льва – металлической бляшки, под которой таким же золотым тиснением значились инициалы: «Д» и «Г».

Изучив пальцами швы на обложке, я перетащила дневник к себе на колени и послушно прошерстила его. Желтый сухой пергамент. Мужской почерк с резким наклоном. Кто-то вел этот дневник годами, аккуратно и систематически. Иногда между буквами почти не оставалось свободного пространства – что ни день, то новая запись. Неудивительно, что в тканевый корешок затесался грубый клей: кто-то дошил в дневник лишние страницы, чтобы он не кончался.

– Пятнадцатая страница, – подсказал Коул, беспокойно расхаживая по комнате взад-вперед. – Переверни. Там закладка.

Мне уже доводилось держать в руках охотничьи дневники прежде – такой же дневник вел и Дэниэль Гастингс, отец Коула, только живописных описаний там не было в таком избытке. С трудом отведя глаза от целого абзаца, посвященного четвертованию ведьм Канзаса, я посмотрела на указанную страницу и вдруг забыла, как дышать.

– У нас проблемы, Одри, – шепнул Коул, усаживаясь на подушки рядом.

Тело охватил болезненный жар, такой сильный, что того и гляди со страниц дневника потекут чернила. То, что было написано в дневнике, тоже стоило бы немедленно предать огню.

– Царица Девяти Начал, – начала я едва слышно. – Пустота и Цветок Жизни, что распускается только в пасмурные дни. Всегда женщина, но никогда мужчина. Первый лепесток был божественным – пресноводный *Потоп*, из которого родилась дочь океана Намму, что породила небо Ану и землю Ки, которые породили владыку Энлиля, людей и всех богов. Второй лепесток был сияющим – *Звездопад*, что породил ворожей, демонов имина-би, себитту, галла и удугу, а также четыре стороны света. Третий лепесток был железным – *Затмение*, что дало ворожеям восемь сокровищ Тиамат, а людям Копья и Мечи. Четвертый лепесток был невинным – *Солнцестояние*, что прогрело землю ворожей, но пролило кровь людей, дабы выпустить Черную Скверну. Пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый лепестки мне не видны. Они опадут, только если мы сбережем Цветок от изуверов в период его цветения, когда он уязвим больше всего. Если в момент опадания лепестков срезать Цветок, он сгинет, а вместе с ним и все привнесенное им, кроме Первых Начал. Ибо Другие Начала – реки Хаоса, а Хаос существует, пока могут опадать лепестки.

Я закончила, и во рту у меня пересохло. Страница закончилась. На одной ее стороне – древний шумерский, буквы которого больше напоминали живопись, представляя собой геометрические фигуры. На другой – перевод, старательный и, без сомнений, максимально передающий суть пророчества.

Нет, то было даже не пророчество... Напутствие? Чья-то летопись?

Сглотнув ужас, я посмотрела на Коула.

– Полагаю, Орден ищет Эхойдун, – озвучил он мои мысли. – Вот почему они похитили Зои. Вот почему так интересовались Шамплейн. Здесь написано, что если успеть убить новую реинкарнацию Эхойдун, то умрет вся магия на Земле...

– Но это бред! – воскликнула я, захлопывая дневник и отбрасывая его под подушку, будто это он был виновником всех наших бед. – Коул, вспомни, что я говорила тебе раньше. *Магия вечна!* Она регенерирует, восполняет саму себя, как стихия. Эхойдун – это чистое воплощение магии, но не ее источник. Охотники заблуждаются... Ее смерть ничего не изменит!

– Даже если ты и права, это их не остановит. – Коул вздохнул, растирая покрасневшие глаза. Долгое отсутствие сна явно сказывалось на нем. – Охотники, должно быть, поколениями верят в эту легенду... И если они узнают, где Эхойдун – где *Морган*, – они придут за ней.

– Не узнают, – решительно отрезала я. – Никто в здравом уме не подумает, что царица ведьм кроется в теле пятнадцатилетнего подростка. И это уже не говоря о том, что Орден вряд ли найдет Шамплейн. Дарий и Джефферсон могут подозревать что угодно, но остальные охотники – если они вообще есть – наверняка по-прежнему считают нас вымершими.

– То-то они удивятся, – хмыкнул безрадостно Коул, забирая дневник и пряча его обратно в тумбу, подальше с глаз. – В участке я постараюсь что-нибудь разузнать про тот бар «Железная дева». Хочу выяснить, кому он принадлежит и что за урод помогает охотникам отлавливать девушек. Явно ведь в курсе происходящего, небось охотники платят хорошо...

– Лучше сосредоточься на похитителе детей, – попросила я. – Из-за него я и не хотела выдергивать тебя в эту поездку. Ты и так слишком часто отвлекаешься на меня...

– Одри, не начинай. Мне казалось, я ясно дал понять, что не настроен обсуждать это сейчас.

– Но мы должны обсудить! – воскликнула я и незаметно скрестила пальцы, заставляя замок в двери повернуться в тот самый миг, как Коул дернул на себя бронзовую ручку. Та заледенела, не поддаваясь, и Коул бросил на меня свирепеющий взгляд. – Пожалуйста. Лучше бы ты кричал на меня, ей-богу! Эта игра в молчанку сводит меня с ума.

– Добро пожаловать в мой мир, – язвительно ответил Коул, сложив руки на груди. – Знаешь, как я чуть не сошел с ума, когда узнал, что ты в Ордене за сотни миль от меня?! Так что мне хорошо знакомо это чувство – сумасшествие. С тех пор как ты появилась в моей жизни, я с ним живу!

– Я Верховная ведьма, – всплеснула руками я, стараясь не повышать голос, чтобы разговор по душам не обернулся дракой. – Принимать сомнительные решения, а потом расплачиваться за них – моя работа! Как мне надо было поступить? Снова выдернуть тебя из участка и твоей собственной жизни, только чтобы... Что? Знать, что если умру я, то за компанию умрешь и ты?

– Да, Одри, – ответил Коул серьезно и шагнул к постели так резко, что я инстинктивно подалась назад и чуть не опрокинулась спиной на подушки. – Умрешь ты, умру и я. Раньше тебя или на день позже – мне не принципиально. Если до тебя до сих пор не дошло, то это, – он подвернул рукав свитера, обнажая чернильную метку – мой оживший кошмар и его величайшую гордость, – это значит, что ты и есть моя жизнь, черт побери! Сколько раз мне еще повторить это, чтобы я больше никогда не получал эсэмэски «Одри в заднице, SOS»?!

– Спасибо, – все, что мне удалось выдать из себя. – Если бы не ты, меня бы здесь не было. Давно бы вообще нигде не было. Я люблю тебя, Коул.

– Я тоже люблю тебя, Одри, – ответил Коул вдруг, когда пауза неприлично затянулась, а я уже шепнула отпирающее заклятие, соглашаясь с его желанием уйти и не видеть меня больше никогда. – Но прекрати считать, будто ты лучше знаешь, что мне нужно. Перестань решать за нас обоих, или так начну делать я! Поверь, ты будешь не рада проснуться в наручниках, прикованная к батарее.

– Ну, вообще-то я ничего не имею против наручников. В прошлый раз мне понравилось, – не удержалась я, криво улыбнувшись, и щеки Коула покраснели так густо, будто это не он делил со мной одну постель уже второй год и испробовал все, что только можно найти на сайтах для взрослых.

Настойчивый стук в дверь вырвал меня из порочных мыслей, а нас обоих – из неразрешенного, но хотя бы сглаженного конфликта. Прокуренный голос Сэма звучал бодро и недовольно – он, как всегда, не церемонился:

– Эй, Одри! Мы тебя уже заждались. Ты проснулась или как? Пошевеливай задом!

Я встрепенулась и подорвалась с постели. Коул молча отошел в сторону, пропуская меня вперед.

Тихая молитва Осирису. Костная мука, делающая нашу поступь совсем беззвучной и мягкой, как лапки у Штуделя. За то время, пока меня не было, символов на полу прибавилось: вокруг знака-скарабея красной кирпичной стружкой были выведены те же самые сцигалы, что украшали тело Диего в виде черных татуировок. Несколько клинков торчало из швов между половицами, а свечей насчиталось больше десятка: с дюжину в ногах Зои на круглом комодике и столько же в изголовье постели. Они капали воском на черное дерево и на подушки, согревая воздух неестественно синим пламенем. Такого же цвета у Диего стали и волосы: они светились в полумраке зашторенных окон, как океанский планктон. В комнате было невообразимо холодно, будто Диего призывал не Дуат, а северный ветер: он колыхал простыни, кусал щеки, несмотря на закрытые окна. Я тут же натянула рукава кофты на замерзшие пальцы.

– Вы должны уйти, – сказал Диего, указывая на Коула и Сэма, привалившихся к дверному косяку. Оба ощетились, но быстро присмирели, когда Диего пояснил: – Смертный может умереть, а рядом с охотником магия слабеет.

– Мы будем за дверью, – предупредил Коул. Вместо поцелуя его взгляд задержался на моих губах дольше положенного. Сэм же просто выругался перед уходом.

– Сними кофту, – велел мне Диего вдруг, когда дверь закрылась. Я бы сочла это баловством, если бы заметила на его лице хоть тень улыбки. – Бюстгальтер можешь оставить.

– Это явно будет самый странный ритуал в моей жизни, – вздохнула я, лениво стягивая водолазку. Мороз так сильно злился, что без нее я тут же покрылась мурашками.

Забрав кофту, чтобы сложить ее на туалетном столике, Диего указал рукой на свободную сторону постели рядом с Зои, лежащей на боку. Матрас оказался не таким широким, каким выглядел на первый взгляд, и мое плечо прижалось к ее острым позвонкам. Костлявая Зои была такой же холодной, как и эта комната, и я невольно прижалась к ней боком, пытаюсь согреть.

Я уже иду за тобой, Мадам Саламандра.

Пододвинув стул, Диего взгромоздился рядом, но жестом велел мне не шевелиться. Вытянув руки по швам, я краем глаза наблюдала за тем, как он рассекает кончик большого пальца о собственный вздох. Беззвучное заклинание пронзило кожу, и выступила рубиновая капля крови. В одной лишь тонкой футболке, сквозь которую просвечивали его тату, и босой Диего прижал окровавленный палец к моему лбу.

– Бог Птах отверзает мои уста, и бог моего города ослабит пелены; пелены, которые на моих устах.

Молитва из *Книги Мертвых*. Диего повел большим пальцем, рисуя что-то, что пронзило меня древним колдовством, как электричеством. Оно было в каждой капле его крови – вязкая, полуночная магия, эссенция мрака, что всегда сгущался перед рассветом. Я почувствовала странную перечную свежесть в горле, будто от проглоченной мятной жвачки, и закрыла глаза. Палец Диего вильнул в сторону, распуская на моем лбу око Уаджет – глаз Гора, что оберегает от сил зла и напастей. Такие знаки рисуют на мертвых.

– А затем придет бог Тот, вооруженный словами могущества в великом изобилии, и развяжет перевязи, равно как и перевязи бога Сета, которые на моих устах.

Что-то загрохотало. Я разомкнула веки и покосилась на Диего. Он водрузил на тумбу медный чан с водой, на поверхности которой плавали янтарные капли можжевелевого масла и семена фенхеля. Затем Диего снял все кольца с пальцев, сложил их на серебряном подносе и погрузил руки в священный травяной настой.

На простынь закапала магия.

– Старайся смотреть мне в глаза и не вырываться, – велел Диего, кладя одну мокрую ладонь мне на грудь, а другую – на лоб поверх кровавого рисунка. – Будет больно, hermanita. Очень больно.

Отступать было некуда. Бросив последний взгляд на безмятежную Зои, прощаясь с ней перед тем, как увидиться вновь, я кивнула. Все, что происходило дальше, длилось всего пару минут, но было настолько мучительно, что эти минуты показались мне вечностью.

– *Осирис откроет врата в Дуат, и пусть вода потечет.*

Вода действительно потекла по моим ребрам, когда Диего вдавил ладонь мне в грудь – аккуратно в то место, где предательски быстро забилося сердце. Он будто норовил переломать мне кости, налегая всем весом. Терпеть приходилось изо всех сил. Казалось, еще чуть-чуть – и что-то внутри меня хрустнет. Стараясь держать себя в руках, я смотрела Диего в глаза, как он о том просил. Бирюзовая радужка, сияя, почти поглотила черный зрачок, а заодно поглотила и меня.

– *Осирис откроет врата в Дуат, и пусть кровь закипит.*

– Диего... – выдавила я, не замечая, как рефлекторно пытаюсь выскочить из-под его рук, давящих все сильнее и сильнее.

Взгляд неожиданно поплыл, и все вокруг задернула смоляная дымка. Каждую мышцу сводило и рвало на части, но больше всего ныло в груди – сердце пылало, замедляясь против собственной воли. В меня будто вколачивали раскаленную кочергу, и я вдруг поняла, что происходит с моим телом.

– *Осирис откроет врата в Дуат, и пусть сердце замрет.*

Стук. Стук.

– Диего! – воскликнула я, поддавшись панике, когда осознала, что именно он пытается сделать.

«*Лежи неподвижно, Одри!*» – услышала я в голове его голос, вытеснивший из нее Башню, хотя губы Диего шептали совсем иное:

– *Осирис откроет врата в Дуат, и пусть в них ее душа войдет!*

Стук. Стук.

Тишина.

По лбу растекся жидкий свинец, а в груди – металл. Сделав вздох, я уже не выдохнула. Пальцы Диего ослабли, отпустив меня, но грань была пройдена. Я откинула назад голову и почувствовала, как мое отяжелевшее тело проваливается в перину матраса.

Любой ритуал должен быть доведен до конца. Даже тот, в котором нужно умереть всего на секунду, чтобы в следующую перенестись туда, куда нельзя живым.

– Диего?

Казалось, я перестала существовать. Наверное, такой и была настоящая смерть: сплошь холод, напоминающий о спальне Зои, но душащий, как плотный туман. Я не чувствовала ног, настолько свободная, что превратилась в ничто. Зато я отчетливо слышала голос Диего:

«*Дуат похож на калейдоскоп – крутишь, вертишь и каждый раз находишь что-то новое. Тысяча отражений, однако все они смотрят друг на друга. А ты, даже смотря в одно, смотришь во все сразу. Именно поэтому каждая душа видит Дуат по-своему. Необычно, правда? В детстве я мог часами бродить по нему... Но мне никогда не удалось постичь это место до конца. И никому не удастся.*»

Вот что имел в виду Диего, когда говорил об относительном течении времени – я будто провисела в Дуате бесплотным духом целое тысячелетие, прежде чем органы чувств наконец-то вернулись. Сначала осязание, затем зрение и обоняние...

«*Все, ты прошла. Добро пожаловать в Дуат!*»

Но все, что я увидела перед собой, наконец-то вернув себе физическую (или псевдофизическую) форму, – это обычная пустыня: дюны и холмы из коричневого песка, похожего на тростниковый сахар, на горизонте которых дрожал мираж большого города.

«*Это Первый Дом – один из двенадцати домов Дуата. Красиво, правда?*»

– Очень, – соврала я с притворным восхищением. – Обожаю песок!

«*Эй, не капризничай! Ты видишь Дуат таким, потому что я твой проводник, а мой культ – это Осирис. Кстати, случайно встретишь его – передай от меня пламенный привет. Когда-то мы были очень... близки. Мой самый необычный опыт!*»

– Фу, Диего, – скривилась я, обернувшись: позади меня возвышались идентичные дюны, уходящие на много миль вдаль. Заблудиться в этом месте было проще, чем приготовить паприкаш: я сделала несколько шагов в сторону города-миража и вдруг заметила, что мои следы исчезают прямо на песке, не давая запомнить, откуда именно я пришла. – И это царство мертвых? Как странно... Стоп, а это еще что?

«*Ах, это... Копия моего браслета, да. В нем то время, что отведено тебе в Дуате на поиски Зои.*»

Я, удивленная, подняла к глазам запястье и внимательно рассмотрела змеиный браслет, вьющийся вокруг руки. Там, в реальности, он по-прежнему был надет на Диего, но здесь принадлежал мне. Только теперь вместо песка в длинном стеклянном брющке змеи плескалась свежая кровь: колба с ней, изогнутая, тянулась почти до раздвоенного языка. С гремучим хвостом, завивающимся под моим локтем, змейка казалась эфемерной – слишком легкой для украшения из черненого серебра. Пока я рассматривала ее, мне вдруг показалось, что кровь в колбе опустилась на несколько миллиметров ниже...

«Нет, не показалось. Поспеши! Время здесь течет иначе, помнишь? Вдобавок Дуат изменчив, как настроение Тюльпаны. Он никогда не повторяет свою форму дважды. Вот три правила, которые тебе нужно запомнить, чтобы пройти его: не оборачиваться, не слушать и не останавливаться».

– Если Дуат постоянно перестраивается, тогда как души людей находят друг друга? – спросила я, мельком оглядев свою водолазку: слава богу, в Дуате я была полностью одета, а не щеголяла по нему в бюстгальтере, в котором отправлялась!

«Это парадокс Дуата. Пока мы живы, нам его не понять. Полагаю, все души ведет цель... Настолько сильное желание увидеть кого-то, что даже Дуат не может им противостоять. Именно так Рашель вырвалась на поверхность и нашла тебя, чтобы говорить с тобой через костяные руны. Далеко не всем это под силу. Должно быть, она очень тебя любит».

– Да... очень, – улыбнулась я мечтательно, гоня прочь надежду, что мне посчастливится встретить ее здесь. Если этого не случится, а я позволю себе размечтаться, мое сердце разобьется в третий раз. – Ну и как именно я должна понять, куда мне идти?

«Чувствуй...»

– Что именно?.. Диего? Эй! Ты здесь, Диего?

Я услышала бормотание на фоне, что-то о призраках и тенях, а затем – ничего. Да уж, «проводник» из него вышел на славу!

Вглядевшись в мираж, я ускорила шаг и с удивлением обнаружила, что не чувствую жара палящего солнца. Хотя, впрочем, солнца здесь и не было вовсе: свет тек не то сверху, не то из-под моих ног, не имея источника. Удивительное и непостижимое явление для моего ума, пусть и ведьмовского. То, что я смогу понять и увидеть, лишь когда умру на самом деле.

– Ладно... Не страшно. Я справлюсь. Не оборачиваться. Не отвлекаться. Не слушать, – повторила я себе под нос, уверенно двинувшись в глубь Первого Дома.

На практике он представлял собою совсем не дом, а настоящий город. Разбитое зеркало, собранное заново по кусочкам, – вот на что это было похоже: так же криво, но ослепительно и красиво. Я не заметила, как вдруг оказалась в самом центре загробной жизни: буквально из ниоткуда выросло засилье маленьких домиков. Неестественно яркие, будто усыпанные драгоценностями, они были совершенно не похожи друг на друга. Европейский дворец из желтого мрамора, остроконечная башня мечети, деревянная хижина в петлях лиан, резиденции в стиле барокко и даже северное иглу, откуда доносился детский смех. Жилища, выстроенные цепочкой, образовывали тысячи извилистых улочек. Между ними копошилось множество силуэтов, как на рынке в воскресную ярмарку, – и все витиеватые, полупрозрачные, живые клубки зеленоватого тумана, галдящие на непонятных языках. Мертвые? Спящие? Такие же путники, как я?

Подходя к душам или к их домам слишком близко, я неизбежно разочаровывалась: при встрече со мной все мгновенно обращалось в пыль. Таяло и растворялось в воздухе, оседая в ногах тем самым сияющим дымом, из которого здесь было сплетено абсолютно все, кроме песка. Даже местный запах не получалось узнать: горький городской смог, но со сладким послевкусием, как тропические фрукты, порядком забродившие на солнце.

Несколько шумных душ играли в деревянные кости на поверхности перевернутой телеги. Я замедлила шаг, пытаясь разглядеть их черты, смазанные *запретом*. Обрывки пестрых платков, штаны-шаровары, живые цветы, вплетенные в волосы. И, конечно, глаза без зрачков, горящие, как звезды. Заметив мое приближение, души, издав испуганный возглас на арабском языке, мгновенно исчезли, как и все прочие.

«Здесь ты – призрак, а не они. Хватит пугать бедняжек! Просто иди вперед».

Так я и сделала, пускай голос этот больше не принадлежал Диего – он вновь был моим безумием. Любуясь краем глаза удивительным, но непонятным мне миром, я неохотно ускорила. Колба в браслете уже опустела на пару сантиметров – кровь почти дошла до второго кольца змейки, обвивающего мою руку выше запястья.

– Зои рядом, – сказала я вслух.

Эта уверенность возникла у меня так же естественно и внезапно, как зажигаются фонари с заходом солнца. Внутренний зов, прежде ведущий меня по Ордену, наконец-то включился и теперь вел меня по Дуату. Улицы Первого Дома были разбросаны совершенно хаотичным образом, иногда противореча законам физики и архитектуры, но мир вокруг действительно менялся и подстраивался, ведя меня туда, куда нужно, даже если я сама не знала маршрут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.